На правах рукописи

ШУТОВА НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1911 – 1921 гг.)

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Владимир 2006

Работа выполнена во Владимирском государственном педагогическом университете

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Макеев Дмитрий Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Шпилькова Вера Ивановна

кандидат исторических наук, доцент
Третьякова Ольга Дмитриевна

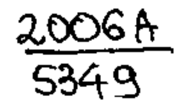
Ведущая организация: Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

Защита состоится «21» апреля 2006 г. в 14.00 часов на заседании Диссертационного совета К 212.024.02 при Владимирском государственном педагогическом университете по адресу: 600024, г. Владимир, проспект Строителей, д. 11, ауд. 224.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Владимирского государственного педагогического университета по адресу: 600024, г. Владимир, проспект Строителей, д. 11.

Автореферат разослан «___» марта 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент А. Г. Лапшин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Актуальность избранной темы исследования подтверждается повышенным вниманием к проблемам исторического развития так называемых разделенных наций, среди которых заметное место занимает армянский народ. В начале XX в. основные территории, населенные армянами, стали предметом посягательств великих держав, а термин Армянский вопрос стал широко употребляемым в политических и дипломатических кругах. Этот термин подразумевал комплекс исторических, политических, социально-экономических проблем, связанных с борьбой армянского народа за выживание, сохранение национальной самобытности, создания собственной государственности на территориях своего исторического проживания. Армянский вопрос вносил существенные коррективы в процесс русско-турецких отношений, оказывал влияние на политическую историю Закавказья.

И сегодня Армянский вопрос стал предметом обсуждения в Комиссии по правам человека ООН, Европейском парламенте, Конгрессе США и в парламентах ряда стран, где подчеркивается, что складывание международных отношений в наше время невозможно без критической оценки прошлого. Международный интерес подкрепляется исторической памятью о жестоком геноциде армян, осуществленном младотурецким правительством в 1915 г., и которым помимо невосполнимых человеческих потерь и ущерба, нанесенного армянской культуре, были порождены глубокие социально-психологические потрясения, до сих пор оказывающие воздействие на сознательное и бессознательное поведение представителей армянского народа, на восприятие ими каких-либо инициатив в российско-турецких отношениях.

Все эти факты свидетельствуют о том, что Армянский вопрос до сих пор сохраняет актуальность и заслуживает объективного изучения.

Объектом исследования является внешне- и внутриполитическая деятельность Турции и России в 1911-1921 гг.

Предметом изучения стали проблемы обострения межгосударственных противоречий в армянских территориях и состояние российско-турецких отношений в указанные годы.

Цель работы сводится к выявлению особого места Армянского вопроса в становлении межгосударственных отношений кемалистской Турции с Советской Россией.

Для достижения обозначенной цели определены следующие исследовательские **задачи**: 1) выявить причины превращения Турецкой Армении в одно из звеньев дипломатической и военно-политической борьбы западных держав за господство на Ближнем Востоке; 2) определить место Армянского вопроса в российско-турецких отношениях и в политической истории Закавказья; 3) проанализировать особенности российско-турецких переговорных процессов в связи с решением армянской проблемы; 4) отметить вклад освободительной борьбы армянского народа в формировании национального государства.

Хронологические рамки исследования охватывают 1911-1921 гг. Исходная дата обусловлена оформившейся [illegible]юркизма,

определившей существо политики Османской империи в отношении Кавказа, а Армянский вопрос стал сложнейшей проблемой международной дипломатии. Конечная дата исследования обозначена установлением официальных отношений кемалистской Турции с Советской Россией и заключением Турцией межправительственных договоров с РСФСР и советскими республиками Закавказья.

Методологической основой диссертационного исследования являются принципы историзма, объективности и достоверности. Использованы сравнительно-исторический, историко-типологический методы, а также метод системного анализа, позволивший изучить явления в совокупности всех содержащихся в нем частных моментов, их взаимосвязей.

Историография темы. Интересующие нас проблемы рассматривались в трудах российских, армянских, турецких и других зарубежных исследователей. В целом исследовательские труды можно подразделить на четыре группы: 1) дореволюционная русская и армянская, 2) советская с 1917 г., 3) современная армянская и отечественная, 4) зарубежная историография.

Армянская дореволюционная историко-общественная мысль оставила значительное количество работ армянских авторов, в которых интересующие нас события рассматриваются в политическом, дипломатическом, экономическом и прочих аспектах. Главные проблемы начального периода историографии – освободительная борьба армян и место европейской дипломатии в жизни армянского народа. Современник тех событий Раффи неустанно призывал армян к восприятию идеи о возможности восстановления национальной государственности с помощью Российского государства[1]. Однако, когда стала очевидной истинная позиция царизма к решению Армянского вопроса, Раффи изменил свое отношение к официальной политике России. Другой видный общественный армянский деятель Г. Арцруни не доверял искренности восточной политики европейских держав, но считал, что при помощи Российской империи возможно будет освободить порабощенных Турцией западных армян и предоставить им самоуправление[2].

В дореволюционной армянской историографии период, когда шел поиск путей освобождения западных армян, получил наиболее полное освещение в трудах историка, публициста и писателя Лео (Аракал Бобаханян, 1860-1932)[3]. В работах Лео освещены узловые проблемы международного положения, внутреннего и внешнего состояния Турции, ход основных событий и деятельность армянских политических деятелей, дипломатические маневры великих держав вокруг Армянского вопроса.

Взвешенную оценку армянской национально-освободительной борьбы за создание национального государства дал в своих трудах Аршоп Чопанян (1872-1954). Он пишет, что не правы те армянские политики, которые предпочитают «турка русскому», отмечая, что русские уже доказали на небольшой

[1] Раффи А. Джаллаладин. М., 1878.
[2] Арцруни Г. Восточный вопрос. Тифлис, 1876; Он же. Экономическое положение турецких армян. М., 1880.
[3] Лео А. Документы армянского вопроса. М., 1915.

территории Восточной Армении свое уважение чести и жизни армян[4]. Историк Е. Геманян выдвинул идею о том, что спокойствие армян в мусульманском мире было нарушено их русской ориентацией и восточной политикой России. В его работах прослеживается мысль, что до того как Петр I обратил свой взор на Восток, христиане-армяне Турции в целом спокойно и хорошо чувствовали себя под покровительством османского престола[5]. Однако его точка зрения не утвердилась в армянской историографии. В трудах А. Дживелегова показан национализм и шовинизм султана Абдул-Гамида II и младотурок, раскрыта также сущность коварной политики великих держав в Армянском вопросе[6].

В русской дореволюционной исторической литературе специальных работ, посвященных Армянскому вопросу мало.

Позиция исследователей работ разнозначные, но в подавляющем большинстве трудов выражено сочувственное отношение к трагической судьбе армянского народа, резко осуждается политика турецких правящих кругов, показана русская ориентация армянского освободительного движения. В некоторых трудах содержится критика политики царизма.

В трудах И. И. Голобородько отражено тяжелое положение армян в Турции в период правления младотурок, анализируется политика правящих кругов Турции в отношении национальных меньшинств Турции[7]. Эти вопросы освещены также в работе историка С. Баженова[8].

Основательные труды по истории армянского освободительного движения принадлежат русскому дипломату, историку и юристу А. Н. Мандельштаму[9], который отразил наиболее обстоятельную в русской историографии историю армянского вопроса, осветил вопрос о реформах в Западной Армении 1912-1914 гг., проанализировал политику России в защиту армянского населения Турции. Им подробно освещены события геноцида 1915 г., приведены ценные документы, характеризующие, в частности, ответственность кайзеровской Германии в деле истребления армян.

Армянского вопроса касался в своих трудах российский политический деятель П. Н. Милюков. Он не только не поддерживал идею создания независимого армянского государства, но был даже против автономии Армении, признавая только необходимость воссоединения армян в пределах Российского государства, и рассматривал Армению как важный элемент русской политики на Востоке[10]. По мнению русского писателя А. В. Амфитеатрова, никогда ни одно освободительное движение не было предано и оставлено в жертву насилию с большей жестокостью, чем армянское[11]. Точка

---

[4] Чопанян А. Россия и армяне. М., 1936.
[5] Геманян А. Е. Армянское освободительное движение в XIX в. М., 1915.
[6] Дживелегов А. Будущее турецкой Армении. М., 1911; Он же. Армяне в России. М., 1906.
[7] Голобородько И. И. Старая и новая Турция. М., 1908; Он же. Турция. М., 1912.
[8] Баженов С. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. СПб., 1913.
[9] Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава. М., 1915.
[10] Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.
[11] Амфитеатров А. В. Армянский вопрос. СПб., 1906.

зрения автора сходна с позицией исследователей, которые считали, что Россия показала себя в начале XX в. не с положительной стороны.

С 1917 г. начинается новый этап в развитии армянской и русской историографии. Главной проблемой остается национально-освободительная война армян и позиция европейских стран. Царившее молчание в отношении проблем Армянского вопроса и геноцида армян было прервано изданием монографии М. Нерсисяна. С привлечением большого фактического материала в труде этого автора рассмотрен целый ряд вопросов, относящихся к содержанию и проявлению Армянского вопроса в исследуемый период[12].

Цикл работ о политике османского правительства в Западной Армении в период с конца XIX в. и до Первой мировой войны отражен в публикациях Е. Саркисяна. Его работы показали реакционную сущность пантюркизма и панисламизма, на которых сформировалась доктрина внешней политики младотурок[13]. В объемистом труде армянского историка Ц. Агаяна рассмотрен насыщенный событиями период освободительной борьбы армянского народа с 70-х гг. XIX в. до 1920 г. Автор освещает социально-экономическое положение западных армян, политику великих держав[14]. Дипломатическая история становления армянской государственности наиболее полно рассмотрена историком Дж. Киракосяном. Им подробно анализируется младотурецкое движение и, в частности, отношение младотурок к проблемам развития армянского народа[15].

Следует признать, что армянскими советскими авторами доказана закономерность национально-освободительного движения армянского народа, армянский вопрос рассматривался в комплексе проблем внутреннего и внешнего положения Османской империи через призму идеологии пантюркизм, показано место Армянского вопроса в общем узле международных противоречий вокруг Османской империи и позиций европейских стран в этом вопросе.

Исследователь Р. Хачатурян поддерживает точку зрения, что Армения была территорией, где сталкивались интересы великих держав. Главным в их политике было поссорить Турцию с Россией, тем самым развязать себе руки в Закавказье[16]. Исследователь международных отношений А.А. Арутюнян согласен, что царизм пытался продолжить и осуществить основные положения армянофобской политики, выраженной в свое время российским министром иностранных дел Лобановым-Ростовским: «Нам нужна Армения, но без

---

[12] Нерсисян М. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. М., 1955.

[13] Саркисян Е. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны: дис. …док. ист. наук. Ереван, 1962; Он же. Армянский вопрос и великие державы // Литературная Армения. 1965. № 6. С. 63-74; Он же. Советско-турецкие отношения в Закавказье в 1920 1921 годах // Литературная Армения. 1967. № 6. С. 79-91.

[14] Агоян Ц. Армяне в Турции. М., 1994.

[15] Кирокосян Дж. Первая мировая война и западные армяне: дис. …док. ист. наук. Ереван, 1965; Он же. Младотурки перед судом истории. Ереван. 1989.

[16] Хачатурян Р. Крах турецкой агрессии в Советской Армении в 1920-1921 годах // Известия АН Армянской ССР. 1952. № 8. С. 59-85.

армян»[17].

Другим армянским историком Л.Л. Гукасяном подчеркивается, что факт геноцида армян в 1915-1916 гг. до сих пор оспаривается современной Анкарой, и стремление армян добиться его признания Турцией стало одним из главных элементов Армянского вопроса[18].

Исследователь Н.В. Карапетян осветил позиции политических партий и течений армянского общества в освободительном движении против Турции[19]. Л. Л. Гукасян считает, что накануне Первой мировой войны Турцией фактически распоряжались не столько сами турки, сколько германские империалисты. Г. Торосян же подчеркивает огромную роль и помощь армян в военных действиях в составе русской армии времен Первой мировой войны[20]. Вопросом реформ в Западной Армении и позицией в этом вопросе русской дипломатии занимался Р. А. Коджоян, который обращает внимание на то, что Западную Армению царизм рассматривал в качестве удобного трамплина для дальнейшей экспансии на кавказском направлении[21].

В двухтомной монографии Б. Борьяна, отличающейся насыщенностью фактического материала, наряду со становлением армянской государственности, рассмотрена проблема роли Советской России в образовании Армянского государства в аспектах международной политики, дипломатии и права. Автором проанализированы позиции великих держав в Армянском вопросе, показано, что они руководствовались, прежде всего, своими корыстными интересами[22]. По мнению О. Инджикяна, благодаря захватническим устремлениям кемалистской Турции Советскому государству удалось своеобразное решение Армянского вопроса[23]. Историк Г.Д. Исаакян подчеркивал, что в своей политике Советская Россия проявляла лишь дружелюбие к Армении[24]. Исследователем Г. А. Галояном установление Советской власти расценивается ненасильственным актом[25]. С. Вартанян согласен со своим коллегой в том, что Советская власть была единственной спасительницей Армении[26]. Ш. Н. Петросян также обращает большое внимание на то, что Армения расценивала установление Советской власти как спасение

---

[17] Арутюнян А. А. Первая мировая война и армянские беженцы (1914-1917). Ереван, 1989.

[18] Гукасян Л. Л. Армянский вопрос и его эволюция в 1965-1991: дис. …канд. ист. наук. М., 1994.

[19] Карапетян Н. В. Армянский вопрос в Турции и политика империалистических держав накануне Первой мировой войны: дис. …канд. ист. наук. М., 1950.

[20] Торосян Г. Армения и армянский вопрос. Ереван, 1987.

[21] Коджоян Р. А. Русская дипломатия и проблема реформ в Западной Армении накануне первой мировой войны. Ереван, 1990.

[22] Борьян Б. Армения, международная дипломатия и СССР. М.-Л., 1928-1929.

[23] Инжикян О. Армянский вопрос и советско-турецкие отношения // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1988. № 6. С. 3-17.

[24] Исаакян Г.Д. Армянская ССР. Краткий исторический очерк. М., 1958.

[25] Галоян Г. А. Борьба за Советскую власть в Армении. М., 1957; Он же. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М., 1977; Он же. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье 1900-1922. Ереван, 1969.

[26] Вартанян С. Победа Советской власти в Армении: дис. …док. ист. наук. Ереван, 1959.

страны[27].

О роли России в Армянской проблеме писала историк И. Бабаян. Она отмечала, что именно Советская Россия завершила многовековой процесс отторжения армянских земель, доведя страну до экономической и территориально-стратегической никчемности[28].

В советской историографии (не считая армянской) интересующие нас вопросы нашли свое отражение в некоторых трудах историков по новой и новейшей истории России, Турции, истории международных отношений, истории стран Ближнего Востока. Так, историк Р. А. Ротштейн рассмотрел некоторые вопросы, относящиеся к политике европейских держав в конце XIX в. по отношению к судьбам армянского народа[29]. Много внимания уделил армянскому вопросу А. С. Ерусалимский, в трудах которого освещена антиармянская политика Абдул-Гамида II, показана роль германской дипломатии как пособника Турции в осуществлении султанских планов уничтожения армян[30].

Участие Турции в Первой мировой войне и геноцид армян в Турции затронуты в трудах некоторых советских военных историков. Так, например, в работах Н. Г. Корсуна содержаться интересные материалы о стратегическом значении Западной Армении, рассматриваются вопросы, связанные с ролью России в обострении Армянского вопроса в 1912-1914 гг., с резней и насильственной депортацией армян Турции, освещаются важные события 1915 г.[31]. По мнению исследователя В. А. Гурко-Кряжина, Турция в течение столетий являлась классической точкой скрещивания завоевательной энергии всех великих держав, причем сферой серьезных международных столкновений становились армянские территории[32]. Политике младотурок по национальному вопросу в 1908-1912 гг. посвящены исследования историка Ю.В. Марунова, в которых отмечается, что младотурецкие лидеры не скрывали понимание под «оттоманизацией» их борьбы против национально-освободительного движения нетурецких народов[33].

На то, что после победы младотурецкой революции и восстановления конституции Турецкой империи у армянского народа появилась надежда на изменение ситуации в Армении, указывает Г. В. Алиев[34]. Как и Г. В. Алиев, известный историк В. И. Шпилькова поддерживает идею о том, что Турецкая Армения являлась одним из объектов агрессии западноевропейских держав, как и самой Турции. По мнению В.И. Шпильковой, царская Россия в этом регионе

[27] Петросян Ш. Н. Образование Армянской советской социалистической республики: дис. ...канд. ист. наук. М., 1948.
[28] Бабаян И. Армения и Нагорный Карабах на политической сцене мира. Ереван, 1985.
[29] Ротштейн Р. А. История дипломатии: в 2 т. М., 1963.
[30] Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1948.
[31] Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946.
[32] Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы. М., 1925.
[33] Марунов Ю. В. Политика младотурок по национальному вопросу (1908-1912). М., 1961.
[34] Алиев Г.В. Турция в период правления младотурок (1908-1918). М., 1972.

преследовала корыстные цели, даже проявляла настойчивость в проведении реформ в пределах Турецкой Армении. В работах подчеркиваются факторы, объясняющие направленность политики дашнаков на Соединенные Штаты Америки[35].

В трудах признанного исследователя истории Турции, с именем которого связано становление советско-турецких отношений, А. Ф. Миллера подробно рассматриваются взаимоотношения РСФСР и Оттоманской империи, а затем и кемалистской Турции, а Московский договор оценивается положительно[36]. Много занимавшийся Арменией в плане становления советско-турецких отношений историк А. Н. Хейфец указывает в своих трудах на наличие сговора Англии с кемалистами уже в 1920 г.[37]. Московский договор рассматривается им как результат дипломатической победы Советской России. В брошюре исследователей Г. Г. Моисеева и Ю. Н. Розалиева в довольно сжатой форме отражены основные периоды советско-турецких связей. По их мнению, Московский договор больше учитывал интересы Турции. Он позволил Турции выйти из изоляции и повысил ее собственную значимость на международном уровне[38]. Ю. А. Багиров отметил, что участие России в качестве договаривающейся стороны и участницы подписания договоров демонстрировало всему миру на ту неразрывную связь, которая существовала между всеми советскими республиками[39]. Особо следует отметить монографию «СССР и Турция 1917-1979 гг.». Авторами монографии утверждается, что договор от 16 марта 1921 г. нанес серьезный удар по антисоветским планам на Кавказе и предоставил народам Закавказья возможность перейти от военной конфронтации к мирному взаимоотношению с сопредельной Турцией. Заключение же Карсского договора подтвердило правильность политики[40]. Армянский вопрос в политике европейских держав после Первой мировой войны и в период послевоенных мирных переговоров частично освещен в труде Б. Е. Штейна[41]. Армения, как считает историк, представлялась для западных держав плацдармом для нападения на Россию. Россия же в политике на Востоке руководствовалась идей экономического сотрудничества и не имела никаких политических экспансионистских намерений. Исследователем М. М. Софиевым отмечается, что ВНСТ освобождение Турции связывало только лишь с

---

[35] Шпилькова В.И. Империалистическая политика США в отношении Турции (1914-19120). М., 1960; Она же. Младотурецкая революция (1908-1909). М., 1977; Она же. Из истории проникновения американского капитала в Турцию в XIX и начале XX века // Ученые записки МГПИ им. Ленина, 1957, т. CIX, № 6; Она же. Турецкий вопрос на Парижской мирной конференции 1919 г. // Там же.

[36] Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948.

[37] Хейфец А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока. 1918-1920. 1964; Он же. Советская дипломатия и народы Востока. М., 1968; Он же. Советско-турецкие отношения и вопрос об Армении в 1918-1921 гг. // Ученые записки. М., 1951.

[38] Моисеев Г. Г., Розалиев Ю. Н. К истории советско-турецких отношений. М., 1958.

[39] Багиров Ю. А. Из истории советско-турецких отношений 1920-1922. Баку, 1965.

[40] СССР и Турция. 1917-1979. М., 1981.

[41] Штейн Б. Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции. 1919-1920. М., 1949; Он же. Торговые договора Советской России. 1917-1922. М., 1923.

Россией[42]. Выдающуюся роль поддержки Советской Россией Турции отмечает А.Д. Желтяков[43]. Советский исследователь Б. Данциг писал, что Московский договор 1921 г. укрепил кемалистскую Турцию морально и материально, создав для нее прочный и крепкий тыл[44]. А. Чапкевич обращает внимание на то, что Россия была заинтересована в признании результатов младотурецкой революции[45]. По мнению Б.М. Поцхверии, для Советской России дружественные отношения с Турцией представлялись как фактор, препятствующий использованию ее державами Антанты в антисоветских целях, поэтому советское правительство шло навстречу Турции[46]. То, что заключение договора о дружбе между советскими республиками Закавказья и Турцией избавляло народы этих стран от кровопролитных войн на Кавказе, признавал М. А. Керимов. Московский договор оказал моральную и политическую поддержку турецкому народу[47]. Подробную характеристику Мудросского договора дает А. М. Шамсутдинов[48]. В работе С.Н. Ростовского, П.С. Кара-Мурзы освещается вопрос, связанный с антантовским планом раздела Османской империи, вопросом реформ[49].

В современной историографии не утратила своего значения проблема советско-турецких отношений. В работах А. Ф. Миллера, П. П. Моисеева, Ю. К. Розалиева, С. И. Кузнецовой, Д.А. Макеева, В. Н. Коптевского на основе архивных материалов, оригинальных турецких источников и зарубежных исследований проанализированы проблемы, способствовавшие установлению политических и экономических российско-турецких отношений[50]. Проблема становлений российско-турецких отношений и роли в этом процессе армянского фактора отражены в работах Л. П. Леволкиной и Е. А. Кургиняна. С использованием новых научных материалов ими были глубоко рассмотрены проблемы влияния пробуждения Азии на качественные изменения в

---

[42] Софиев М. М. ЗСФСР в советско-турецких отношениях (1922-1936). Баку, 1986.

[43] Желтяков А.Д. Национально-освободительная борьба турецкого крестьянства. 1918-1920 // Вестник ЛГУ. 1957. № 8. С. 214.

[44] Данциг Б. Турция. М., 1938.

[45] Чапкевич А. Проблемы русско-турецких отношений в период младотурецкой революции. М., 1987.

[46] Поцхверия Б.М. Основные этапы советско-турецких отношений // Проблемы истории Турции. М., 1978; Он же. Турция между двумя мировыми войнами: очерки внешней политики. М., 1992.

[47] Керимов М.А. Закавказские советские республики и Турция. 1920-1922. М., 1987.

[48] Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции 1914-1920. М., 1960.

[49] Новая история колониальных и зависимых стран / Под ред. С.Н. Ростовского, П.С. Кара-Мурзы. М., 1946.

[50] Миллер А. Ф. Из истории советско-турецких отношений // Миллер А. Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 221-234; Моисеев П. П., Розалиев Ю. К. К истории советско-турецких отношений. М., 1958; Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений. М., 1961; Макеев Д.А. Внешнеторговые связи Советской России со странами Ближнего и Среднего Востока в 1917-1922 гг. // Вопросы истории. 1985. № 3. С.16-31; Коптевский В. Н. Россия – Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества. М., 2003.

отношениях Турции и России[51].

В 2000 г. вышла в свет статья Г. Г. Махмуряна, в которой автор отразил англо-американские противоречия, возникшие при решении вопросов об Армении и вариантах международного мандата над Арменией[52].

В 1991 г. Э. Оганесян опубликовал свою работу, где показал агрессивные планы Турции в отношении Армении. Советская Россия, по мнению автора, настолько ослабила Армению, что вынудила ее на советизацию[53]. Исследователь Ю. Бармов оригинально подчеркивает, что причиной геноцида был политический сговор турецких кемалистов и российских большевиков, руководствовавшихся своими доктринерскими идеями "мировой революции"[54].

В работе историков С. Ф. Орешковой и Н. Ю. Ульченко рассматривается проблема установления армяно-турецкой границы, отмечается сложность решения данного вопроса, его значение и влияние на взаимоотношения стран[55].

В публикациях Н.А. Соколовой рассматривается процесс установления политико-дипломатических отношений между Советской Россией и Турцией с 1917 по 1923 г.[56].

Зарубежная историография представлена преимущественно английскими, французскими исследователями, трудами историков США и Германии. Проблемы политической истории армянского народа, пути разрешения Армянского вопроса получили отражение в трудах зарубежных авторов. Уже в начале XX в. появились ценные публикации документальных и исследовательских материалов о положении армянского населения Турции накануне и в годы Первой мировой войны. Среди них выделяется публикация Д. Барта, где отражена жизнь западных армян и их тяжелое положение[57].

Современная американская историография представлена, в частности, работами Р. Пайпса. Автор весьма необоснованно подчеркивает, что христианские армяне лишь для безопасности искали союза с русскими. Советская Россия, по его мнению, никогда не собиралась предоставлять нациям, в том числе армянской, права на самоопределение и шла напролом в деле советизации Армении. Сама же дашнакская Армения долгое время

---

[51] Деволкина Л.П., Кургинян Е.А. Русская революция и пробуждение Азии // Новая история стран Азии. М., 1983.

[52] Махмурян Г. Г. Англо-американские противоречия и республика Армения. 1918-1920 // США-Канада. 2000, № 3. С. 84.

[53] Оганесян Э. Век борьбы: в 2 т. М., 1991.

[54] Бармов Ю. Новое исследование о геноциде армян // Историко-филологический журнал. 1990. № 3. С. 199.

[55] Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. Россия и Турция: (Проблемы формирования границ). М., 1999.

[56] Соколова Н.А. К вопросу о характере советско-турецких отношений в 1920-1923 гг. // Запад и Восток. Владимир, 2000; Она же. Политические и торговые отношения между Советской Россией и Турцией в 1917-1923 гг.: дис. …канд. ист. наук. Владимир, 2002; Она же. Ход советско-турецких переговоров 1921 г. как отражение процесса становления отношений между Советской Россией и Турцией // Запад, Восток, Россия в новое и новейшее время: политика, международные отношения, право. Вып. 1. Владимир, 2005. С. 48-52.

[57] Барт Д. Расселение армян / Пер. с англ. М., 1929.

отодвигала большевизацию[58].

Американская историография представлена также работами Р. Клояна, отличающимися анализом многочисленных копий сообщений и статей о геноциде армян[59]. Известным историком Р. Ованесяном, проживающим в США, составлен сводный библиографический указатель, в котором приведен перечень архивов различных стран, где хранятся документы по геноциду, а также список основных зарубежных изданий по данной проблеме[60]. Депортация как геноцид, или резня раскрывается также Т. О'Коннором[61], им показана роль Армении как разменной монеты в игре международной дипломатии. Американскими исследователями Дж. Маккарти и К. Маккарти отмечается, что во всех бедах Армении были виноваты великие державы, в том числе и Россия[62].

Во Франции опубликована работа Жана-Мари Гарзу, в которой разоблачается Турция в преступлениях против армянского народа[63]. В работах И. Тернона отмечается, что современные турецкие политики всячески стараются фальсифицировать прошлое, запрещают ссылки на те публикации, которые имелись в турецкой прессе 1918-1920 гг., в которых признавался факт преднамеренного истребления армянского населения Турции[64]. Современник событий Г. Брандес признает, что вся Европа была заинтересована в Армении без армян, поэтому-то Европа прекрасно была осведомлена об уничтожении нации, но не приостановила их, даже не пыталась это сделать[65]. По мнению Л. де Контансона, Россия не проявила в 1912-1914 гг. решительности и упорства в желании провести реформы в Армении[66].

В Германии история Армении, ее взаимоотношений с европейскими странами, Османской империей и затем с Россией исследована прежде всего гуманистом и доктором теологии И. Лепсиусом[67], которым представлена достоверная оценка событий. Им показано, что занятая войной Европа как бы не заметила разыгравшейся трагедии, а кайзеровская Германия, союзница и покровительница Турции, стремилась замолчать трагедию. В немецкой историографии Лепсиус первым в Европе связывал события в Османской империи с идеологией пантюркизма. В труде немецкого востоковеда Иозефа Маркварта делается вывод о том, что османское правительство рассматривало приближение мировой войны как наиболее благоприятного момента для осуществления давно вынашиваемого плана уничтожения армян[68].

---

[58] Пайпс Р. Россия при большевиках / Пер. с англ. М., 1997.
[59] Клоян Р. Армянский геноцид. М., 1980.
[60] Ованесян Р. Армянская резня. М., 1978.
[61] О'Коннор Т. Армения и ее будущее / Пер. с англ. М., 1917.
[62] Маккарти Дж., Маккарти К. Тюрки и армяне / Пер. с англ. Баку, 1996.
[63] Гарзу Жан Мари. Армения 1915 год: образцовый геноцид / Пер. с фр. М., 1975.
[64] Ternon Jres. The Armenians: From genocide to resistence. London, 1983.
[65] Брандес Г. Армянский вопрос / Пер. с фр. М., 1906.
[66] Контансон Л. де. Реформы в азиатской Турции. Армянский вопрос / Пер. с фр. М., 1914.
[67] Lepsius J. Armenien und Europa. Berlin, 1897.
[68] Markwart J. Die Entstehung der armenischen Bishumer kritische untersuhung der armenischen uber lieferung. Roma, 1932.

В современной турецкой историографии выделяется работа историка Танера Акчама[69]. В книге автором вынесен обвинительный приговор Турции, признается виновность турецкой стороны.

Историческая литература разнится не только по времени своего создания, но и по методологическим подходам, степени достоверности и объективности в рассмотрении исторического материала, что обусловлено как принадлежностью исследователей к различным методологическим школам, так и теми задачами не только сугубо научными, но и политическими, которые ставились авторами разных стран.

Источниковая база исследования представлена прежде всего архивными материалами, посвященными теме диссертации. Основные документы находятся в фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ), свидетельствующие о взаимоотношениях стран исследуемого периода. Наибольший интерес вызывают фонды материалов «Армянские дела» за 1780-1915 г. и «Политархивы» за 1913, 1915-1917 гг. (АВПРИ); «Секретариата НКИД РСФСР» (Г. В. Чичерин) и «Референтура по Турции» (АВПРФ). Архивные материалы представлены нотами, депешами, телеграммами, перепиской российских (советских) послов, консулов и других дипломатов с дипломатическими ведомствами и дипломатическими представителями иностранных государств и другие. Все эти материалы содержат обстоятельный анализ происходивших событий, политику государств, участвовавших в конфликтах на Ближнем Востоке, характеризуются инициативы государств по разрешению армянской проблемы. Значительный интерес представляют материалы о переговорном процессе между правительствами Турции и РСФСР по выработке и заключению Московского договора 1921 г. Не менее значительный интерес представляют материалы о трудностях в подготовке и проведению дипломатических переговоров в Карсе Турции с Арменией, Грузией, Азербайджаном с посредничеством РСФСР, а также сам текст Карского договора о дружбе и дополнений к этому договору.

Значительную группу источников составляют публикации официальных документов. К числу наиболее значимых такого рода изданий следует отнести многотомную публикацию «Документы внешней политики СССР»[70], в которой отражен процесс установления советско-турецких отношений; в документах отмечено место Армянского вопроса в отношениях между Россией (СССР) и Турцией. Значительная часть материалов публикации выявлена из фондов центральных архивов и представлена официальными докладами, раппортами и письмами глав государств, министров, послов и других официальных лиц. Документы являются отечественного, турецкого и армянского происхождения. Изучены также документы, содержащиеся в одном из первых изданий правительственных документов[71]. История возникновения Армянского вопроса

[69] Акчам Т. Турецкое национальное «я» и армянский вопрос. Гамбург, 1995.
[70] Документы внешней политики СССР: в 23 т. М., 1957-1995.
[71] Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Сб. док. М., 1925. Ч. 1-3.

со времени Берлинского конгресса до Первой мировой войны отражена в документах, где отмечены усилия и средства великих держав по отстранению России от участия в разрешении судеб армянского народа и по использованию Армянского вопроса в обострении отношений между Россией и Турцией[72].

Сборник материалов и документов, составленный советскими армянскими историками и специалистами, многосторонне отражает отношение к армянской проблеме Османской империи, кемалистской Турции и Советской России[73]. В сборнике содержатся документы из армянских, российских, арабских, западноевропейских и турецких источников. Некоторые материалы представляют спорную информацию, как, например, то, что великие державы всерьез стремились разрешить армянскую проблему в интересах армянского народа. Наряду с материалами данного сборника автором диссертации были использованы материалы документального сборника, отражающего обстановку того времени в Армении, в территориях проживания армян[74].

В 2002 г. вышел сборник документов, цель которого заключается в том, чтобы дать ответы на вопросы международного права, возникающие в связи с попытками Турции уйти от ответственности за геноцид армянского народа. Материалы сборника дают политическую и международно-правовую оценку действий Турции международным сообществом в лице великих держав, Парижской мирной конференции и Лиги Наций[75]. Наряду с документами официального характера, отражающих политическую позицию отдельных стран (заявления глав государств и правительств, министров иностранных дел и других представителей правительств), в сборнике содержатся материалы обсуждения Армянского вопроса в правительственных органах власти, в общественных организациях и политических партиях, а также постановления и резолюции международных конференций и различных официальных органов.

Интересными документальными материалами наполнены публикации документов Политархива МИД Германской империи[76], а также сборник официальных материалов, характеризующих политику младотурецкого правительства по разрешению армянской проблемы, составленный немецким профессором И. Лепсиусом[77].

Дополнительным материалом к изучению избранной темы стали публикации документов Коммунистического Интернационала[78], где отмечается роль большевистского руководства Советской России по единению советских социалистических республик в союзное государство, отражена официальная

[72] Документы Армянского вопроса. Сб. док. Ереван, 1915.
[73] Геноцид армян в Османской империи. Сб. док. Ереван, 1982.
[74] Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сб. док. Ереван, 1959.
[75] Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Сб. док. М., 2002.
[76] Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1914-1919 гг.). Материалы Политархива МИД Кайзеровской Германии. Сб. док. Ереван, 1995.
[77] Lepsius I. Deutschland und Armenien. 1914-1918. Sammlung diplomatischer Aktenstucke. Berlin, 1919.
[78] Коммунистический Интернационал в документах. Сб. док. 1919-1932. М., 1986.

позиция советского правительства в отношении Армении. Ряд материалов посвящен проблемам становления национальной государственности армянского и других закавказских народов.

Отдельную группу составляют воспоминания и мемуары. Значительный интерес среди которых представили публикации армянского писателя А. Раффи[79], президента Франции Р. Пуанкаре[80], французской журналистки Ж. Табуи[81], немецкого генерала Э. Людендорф[82], чьи мемуары и воспоминания не только передали дух эпохи, но и дали возможность сопоставления и сравнения различных позиций западных стран, а также Турции и России. Для оценки отношения Турции и России к армянской проблеме весьма полезны воспоминания М. Кемаля[83] и российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова[84]. Борьбу европейских государств на Парижской мирной конференции описывает британский премьер-министр Ллойд Джордж[85]. Турецкий чиновник Наим-бей в своих воспоминаниях обращает внимание на дискриминационные пантюркистские планы Турции в отношении армян[86]. Весьма ценным источником является архив полковника Хауза, принимавшего непосредственное участие в ряде событий того времени[87].

Особое место среди изученных документов занимают официальные выступления, статьи и работы глав правительств и руководителей официальных органов Советской России (СССР): В. И. Ленина, И. В. Сталина, Т. В. Чичерина, С. М. Кирова, Т. К. Орджоникидзе, С. Касьяна, С. Шаумяна[88]. В этой группе источников содержится значительное количество интересных сведений и фактов, оценок политических событий, помогающих понять сущность политики Советской России по отношению к кемалистской Турции и к проблемам национально-государственного решения Армянского вопроса.

Большой фактический и оценочный материал был почерпнут из периодической печати России и Армении[89].

Использованные в работе документальные материалы имеют разносторонний характер и различную степень достоверности. Наибольший интерес среди них представили архивные документы российского и армянского происхождения, позволяющие решить поставленные в настоящей работе

[79] Раффи. Путешествие от Тифлиса до Агулиса. М., 1878.
[80] Пуанкаре Р. Воспоминания. 1914-1918 / Пер. с фр. М., 1936.
[81] Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы / Пер. с фр. М., 1960.
[82] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 / Пер. с нем. В 2 т. М., 1923-1924.
[83] Кемаль М. Путь новой Турции: в 4 т. М., 1929.
[84] Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.
[85] Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах / Пер. с англ М., 1957.
[86] The Memoirs of Naim Bey. Pennsylvania, 1965.
[87] Архив полковника Хауза / Пер. с англ. В 4 т. М., 1937-1945.
[88] Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1971-1975; Сталин И. В. Сочинения: в 13 т. М., 1951-1952; Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961; Киров С. М. Статьи, речи и документы: в 3 ч Л., 1936; Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи в 2 т. М., 1956. Т. 1; Касьян С. Где выход. Ереван, 1920; Шаумян С. Статьи и речи. Баку, 1917.
[89] Известия. М; 1920-1921; Правда. М., 1930-1935; Заря Востока. Тбилиси; 1920-1922; Труд М., 2000-2005; Независимая газета. М., 1997-1999.

задачи, отметить роль армянского народа в становлении советско-турецких отношений в мирном урегулировании политико-дипломатических отношений Турецкой республики и Советской России и в формировании национальной государственности армянского народа.

Научная новизна работы определяется следующими обстоятельствами: во-первых, введением в научный оборот ряда новых архивных материалов и документов; во-вторых, в выявлении места Армянского вопроса в становлении российско-турецких отношений в начале новейшей истории; в-третьих, отмечена особенность Армянского вопроса в развитии международных отношений в одном из напряженных регионах Ближнего Востока.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть полезны при дальнейшем изучении истории становления российско-турецких отношений и развитии Армянского государства. Кроме того, основные положения диссертации могут быть использованы при разработке вузовских лекционных курсов и специальных семинаров по новейшей истории Востока и истории международных отношений. Можно надеяться и на внимание к работе со стороны специалистов, практически занимающимися вопросами развития отношений современной России с Турецкой республикой и республиками Закавказья.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в четырех публикациях, в выступлениях на двух российских научных конференциях. Работа обсуждалась на заседаниях кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного педагогического университета.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дано обоснование актуальности темы, определены цель и задачи диссертационного исследования, аргументированы хронологические рамки и методологическая основа исследования; дается анализ отечественной и зарубежной историографии по исследуемой проблеме; характеризуются источники, связанные с проблемой исследования.

Первая глава «Армянский вопрос в дипломатическом противостоянии великих держав накануне и в годы Первой мировой войны» посвящена исследованию политики великих держав в отношении Армении, рассмотрен вопрос о том, какое место занимала Армения во внешних политических планах этих держав. Выявляются отличия развития Западной (турецкой) Армении от Восточной (российской), отмечаются причины выступлений армянского народа за восстановление национального государства. В главе выделяются положения о том, что для достижения своих целей в армянских территориях Турцией на передний план были выдвинуты доктрины панисламизма и пантюркизма, направленные внутри империи против армян, а в нее против России, так как население Российской Армении становилось препятствием для осуществления экспансии на Кавказе. К тому же, ликвидация армян внутри страны

представлялась надежным способом решения армянской проблемы, что способствовало бы устранению возможности вмешательства во внутренние дела Турции извне других держав. Великие державы были экономически и политически заинтересованы в Армении и охотно, используя армянский фактор, «помогая» армянам, старались реализовать свои внешнеполитические расчеты в отношении Турции и Кавказа. Совместными усилиями они пытались свести на нет благожелательность и симпатии западно-армянского населения к России. Царизм же, как отмечается в главе, стремился использовать это, чтобы добиться ведущих позиций в Западной Армении. Однако Россия прекрасно понимала, что выступление в пользу армян было преждевременно и могло вызвать значительные осложнения международного характера, поэтому лишь в мягкой форме ею было предложено Турции провести реформы в Западной Армении. Но ни Германия, ни Англия, ни Франция не поддержали Россию в этом вопросе, так как освободительное движение армянского народа против турецкого ига использовали в интересах давления на турецкое правительство в их борьбе за сферы влияния в той или иной области Османской империи. Царское же правительство, опасаясь развития революционного движения в Западной Армении, стремилось убедить Порту в проведении хотя бы минимальных реформ. К тому же, это обеспечивало бы России симпатии армян и могло бы предотвратить вторжение турецких войск в пределы Восточной Армении. Воспользовавшись военными событиями 1914-1918 гг., Турция в 1915 г. совершала чудовищную расправу над населением Западной Армении, а занятая войной Европа как бы не заметила всего происходящего. В главе отмечено, что для великих держав Армения была привлекательна лишь в качестве объекта эксплуатации, а также в качестве плацдарма для борьбы с Россией в Закавказье. Великие державы продемонстрировали равнодушие ко всему происходящему в 1915 г. в Армении, которая в действительности служила разменной монетой в сложной дипломатической игре этих держав на Ближнем Востоке. В главе отмечается также, что армянская проблема так и не была решена в годы Первой мировой войны.

Вторая глава «Состояние Восточной и Западной Армении и Армянского вопроса в 1917-1920 гг.» посвящена рассмотрению проблем, связанных с ситуацией в Армении накануне и в периоды борьбы армянского народа за независимость. Отмечается, что освободительному движению в Армении дала толчок победа Февральской революции 1917 г. в России. В главе рассмотрены объективные причины революционных событий в Восточной Армении. Дается характеристика правящей партии «Дашнакцутюн» и рассматривается противостояние двух идеологий: пантюркизма и дашнакской идеи «Великой Армении». Политика Временного правительства России по отношению к Армении ни чем не отличалась от царской. В октябре 1917 г. Временное правительство предоставило Особому Закавказскому Комитету право подавлять все революционные выступления в Армении. В главе отмечается также, что победа революции в октябре 1917 г. в России дала новый размах революционной борьбе армянского народа. Делается анализ работы Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР по содействию

революционному движению Армении. Анализируется заключенный в 1918 г. Брестский мир, по которому Турция, как один из партнеров Германии, смогла возвратить себе территории, утерянные ею в Восточной Анатолии в ходе Первой мировой войны. Отмечается, что несмотря на все старания Советской России помочь Армении, ее дашнакские правители стремились держать дистанцию по отношению к РСФСР и ориентировались на союз с державами Антанты. Но борьба за Армению и Закавказье обострялась и среди участников иностранной интервенции, между двумя враждебными группами – англо-франко-американской и германо-турецкой. Острый характер в тот момент носили также противоречия между англо-французскими и американскими интервентами. Для укрепления своей власти и подавления антиимпериалистического движения в Закавказье интервенты не только углубляли раздоры между закавказскими народами, как, например, армяно-грузинская война в декабре 1918 г., а также армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха в марте 1920 г., но и всеми средствами способствовали дальнейшему дроблению уже образованных «государств» на более мелкие части, как образование нейтральных зон. В такой ситуации большевистские организации Армении взяли курс на вооруженное восстание. Таким образом, накануне установления Советской власти в Армении, сложилась очень напряженная обстановка и перед армянским народом стояли непростые задачи, находя поддержку в Советской России, народ Армении продолжал освободительную борьбу.

В 1918 г. дашнакам удалось образовать Армянскую буржуазную республику, в главе содержится характеристика положения Армении в этот период. Рассматривается политика армянских революционных организаций и их роль в борьбе за Советскую власть. Подчеркивается, что Советская Россия была крайне заинтересована в советизации Армении. Показательным примером этому служит главное условие посредничества Советской России в армяно-турецком конфликте – советизация. Кроме того, большевистское руководство России выступало за воссоединение Восточной и турецкой Армении, за расширение восточной территории. Таким образом, предложение советской стороны приняли ультимативный характер.

В результате дашнако-кемалистской войны Армянская республика как государство фактически перестало существовать, а народ оказался на грани полного физического уничтожения. Ни одна из европейских держав, «вековых защитников» армян, и не собиралась оказать помощь армянскому народу. Они исходили из того, что удачная война кемалистов в Армении приведет к новому расширению агрессии в Закавказье, а в конечном счете, к советско-турецкому столкновению.

В главе подробно анализируется Александропольский договор, заключенный 2 декабря 1920 г., по которому дашнаки передавали Армению в руки Турции. В главе подчеркивается, что провозглашение Советской власти 29 ноября 1920 г. явилось закономерным результатом социально-экономического и политического развития Восточной Армении в составе России.

В главе рассмотрена также реакция мировой общественности, правительств великих держав на установление Советской власти в Армении. Отмечается, что Турция, формально декларировав признание суверенитета Советской Армении, продолжала борьбу с Красной Армией и не прекращала насилие в отношении армян.

Третья глава «Армения в российско-турецких отношениях. 1919-1921 гг.» рассматривает официальные отношения Советской России с Турцией, а также роль и место Советской Армении в их договорно-правовом становлении.

В главе исследованы причины, побудившие Турцию и Россию на официальные государственные переговоры, отмечен длительный переговорный процесс. Делается анализ переговорного процесса, выработки проектов договора о дружбе, обстоятельств их подписания. Отмечается, что наиболее трудным в разрешении оказался вопрос об установлении границ между Турцией и Арменией. Перед Советской Россией стояла нелегкая задача, так как, выступая в роли посредницы, ей нужно было отстоять независимость Армении и удовлетворить территориальные претензии Турции, чтобы не сорвать подписание советско-турецкого договора. В главе рассматриваются попытки европейских держав сорвать советско-турецкие переговоры в Москве. Анализируется сам Московский договор 1921 г., подписанный с учетом требований Турции, на что последовало резкое выступление армян, обвинявших Россию в предательстве. Необходимо признать, что историческая ситуация была такова, что подписание Московского договора было для всех участвующих в переговорах сторон необходимостью. Тем не менее, проведение Московского договора в жизнь оказалось нелегкой задачей, что отразилось на подготовке заключения Карского договора. Начало переговоров в Карсе затягивалось в силу того, что Турция все еще надеялась, что Советская Армения согласится на новые территориальные уступки в пользу Турции, что Турции удастся заключить сепаратные договора с каждой Закавказской республикой по отдельности. Надежды не оправдались и в результате длительных переговоров в Карсе Турция заключила договор о дружбе с закавказскими советскими республиками.

В заключении подведены итоги исследования. Автор пришел к следующим выводам. Армения, разделенная между Россией и Турцией еще в XIX в., всегда была объектом экспансионистской политики обеих империй. Армения была объектом пристального внимания великих держав Запада, являлась одним из объектов агрессивной политики, так как занимала важное военно-стратегическое положение. Здесь сталкивались интересы Англии, Франции, царской России, а позднее Германии и США. Противоречия между ними на Ближнем Востоке были настолько сильны, что не давали возможности какой-либо одной державе превратить всю Османскую Турцию в свою колонию. В политической терминологии прочно утвердился термин Армянский вопрос. Армянский вопрос сыграл определенную роль в формировании военных блоков накануне Первой мировой войны и определил последующую стратегию мировой политики на Ближнем Востоке. Армянская проблема представляла собою узел противоречий между великими державами, особенно

между Турцией и Россией, и самые разнообразные формы борьбы армянского народа за национальное выживание и восстановление своей государственности.

Армянский народ Западной и Восточной Армении, веками угнетаемый, стремился к воссоединению на исконной территории, добивался суверенитета. Освободительная борьба армянского народа встретила сопротивление не только внутри страны, но и вне ее. Однако ситуация изменилась с появлением Советской России. Борьба за Армению шла между Советской Россией и иностранными интервентами, а также между двумя враждующими группами – англо-франко-американской и германо-турецкой. Великие державы для завоевания Армении и всего Закавказья использовали различные способы: от открытой интервенции до разжигания вражды между закавказскими народами. И чтобы облегчить завоевание Армении, державы поддержали буржуазно-националистическое правительство дашнаков, оказавшееся во главе армянской республики. Основная цель, которую преследовали западные правительства, сводилась к борьбе против распространения революционно-освободительных настроений среди народов Закавказья. Великие державы всеми способами старались также не допустить проникновения Советской России в этот регион. Тем не менее, благодаря политике Советской России, самоотверженной борьбе армянского народа и участии частей Красной Армии в Армении, была установлена Советская власть. С провозглашением Армении советской республикой была сохранена национальная государственность армянского народа, этому способствовала политическая и дипломатическая помощь РСФСР. Советская Россия была заинтересована в устранении спорных вопросов в турецко-армянских отношениях, в установлении между Армянской республикой и Турцией справедливой и мирной границы.

Решению этих проблем содействовали советско-турецкие межправительственные переговоры в Москве, в итоге которых в 1921 г. был подписан договор о дружбе между заинтересованными сторонами. Армянская сторона сочла, что Советская Россия ради получения договора пошла на ряд серьезных территориальных уступок Турции за счет армянских интересов. Российская дипломатия вынуждена была заявить о необоснованности таких обвинений. Конечно, договор явился компромиссом. Последовавший затем Карсский договор, заключенный Турцией с закавказскими советскими республиками при участии представителей Советской России, избавлял народы от кровопролитных войн на Кавказе и создавал условия для восстановления национальной государственности армянского народа. Мирное урегулирование армянской проблемы сыграло положительную роль в формировании советско-турецких отношений и в обеспечении мирного развития закавказских советских республик.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

1. Шутова Н. Е. Армянский вопрос и советско-турецкие отношения// Сборник трудов молодых ученых ВГПУ. Вып. 2. – Владимир: ВГПУ, 2002. – С. 92-98. (0,5 п. л.)
2. Шутова Н. Е. Советская историография армяно-турецких отношений// Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации. Материалы IV региональной научной конференции (19-21 ноября 2003 года). – Владимир: ВГПУ, 2003. – С. 135-138. (0,3 п. л.)
3. Шутова Н. Е. Армяно-турецкие отношения в исследованиях армянских авторов (историографический обзор)// Сборник трудов молодых ученых ВГПУ. Вып. 4 – Владимир: ВГПУ, 2004. – С. 144-148. (0,4 п. л.)
4. Шутова Н. Е. Армянский вопрос на международных конференциях// Проблемы истории России и зарубежных стран. Материалы X Всероссийской научной конференции историков. 6-8 апреля 2005 года / Под ред. Д. А. Макеева. – Владимир: ВГПУ, 2005. – С. 190-194. (0,4 п. л.)

Шутова

Подписано в печать 1.02.06.	Формат 84 108 1/32
Усл. п. л. 1,2	Уч. изд. л. 1,3
Бумага офсетная	Печать трафаретная
Заказ 12-06	Тираж 100 экз.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии ВГПУ
600024, г. Владимир, ул. Университетская, 2

На правах рукописи

АГАБАБЯН Шаген Леваевич

ДИНАМИКА РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Специальность 23 00 02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва
2008

Работа выполнена на кафедре политических наук факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Научный руководитель — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук РУДН
Слизовский Дмитрий Егорович

Официальные оппоненты — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАГС
Ирхин Юрий Васильевич

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии РУДН
Юханов Николай Семенович

Ведущая организация — Московский государственный университет им М В Ломоносова, кафедра мировой и российской политики

Защита состоится «27 » ноября 2008г в 16 00 на заседании диссертационного совета Д 212 203 20 при Российском университете дружбы народов по адресу 117198, г Москва, ул Миклухо-Маклая, д 10а, корп 1, ауд 415

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов

Автореферат разослан «25» октября 2008г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент — М Н Мосейкина

I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования предопределяется динамичностью отношении и высоким уровнем политического диалога между Россией и Арменией Базовым принципом развития этих отношений в терминах «высокой динамики» остается исторически тесное российско-армянское сотрудничество, которое подвергается сегодня серьезным испытаниям на прочность и способностью к эффективному и адекватному реагированию на новые угрозы и вызовы, обусловленные новой расстановкой политических сил в Кавказском регионе, сменой функциональных и политических ресурсов всех его акторов Комбинация ролевых функций России и Армении относительно судеб народов Кавказского региона структурно и содержательно подвергается также динамическому изменению с неопределенными параметрами Вектор развития этой динамики в форме политического диалога испытывает на себе всю гамму возможных и вероятных перемен в мире, в регионе и на локальном уровне

Динамика российско-армянского политического диалога в системе современной геополитики охватывает вопросы сотрудничества во всех сферах политической, военной, экономической, гуманитарной и международный аспект, связанный как с международными организациями, так и с внешней политикой двух стран Наибольшую актуальность приобретают вопросы, касающиеся сверки позиций по отношению к международному праву и принципам регулирования современной архитектуры международной безопасности, региональным процессам на Кавказе, будь то карабахское урегулирование, процессы вокруг Абхазии и Южной Осетии, в очередной раз отложенный армяно-турецкий диалог и т д С политологических позиций для исследователей оправданный интерес вызывают вопросы относительно возможности двух стран выработать совместные подходы по всем этим актуальным вопросам, найти адекватные новой геополитической ситуации механизмы решения замороженных и вновь возникших проблем, положив в основу партнерских отношений России и Армении национальные интересы и приоритеты

Отсюда в **научно-теоретическом плане** актуально, *во-первых*, проанализировать новые элементы содержания в динамике развития отношений

между двумя странами Возможно, что качественные характеристики нового содержания будут определяться в первую очередь регулярностью и насыщенностью политического диалога[1] В политологическом ключе будет оправданным исследовать его в отношениях между двумя субъектами мировой политики не столько как новый по форме, сколько новый по содержанию, принципам и стилистике политический инструмент. Именно этот аспект политического диалога может стать позитивным опытом развития отношений не только России и Армении, но и других стран региона, для которых последний не являлся в прошлом традиционным и признанно эффективным инструментом в межгосударственных отношениях Дополнительную линию актуальности в научно-теоретическом аспекте придает состояние еще недостаточной исследовательской практики в российской и армянской политологии рассматривать политический диалог в качестве основного и эффективного политического инструментария в современных конфликтно обостренных условиях *Во-вторых,* принципиально важно представить объяснение тому фактическому состоянию дел в динамике развития отношений России и Армении, которые должны будут предполагать их изучение и анализ как более сложной комбинации отношений, как многоуровневого и многофакторного политического диалога равных партнеров, имеющих как общие, так и несовпадающие интересы И, *в-третьих*, среди всех уровней такого диалога особе значение приобретают современные политологические изыскания, новые методы и новый аналитический инструментарий качественных характеристик политического диалога на высшем уровне двух государств, представителей новой волны политических лидеров и политических элит стран, где есть политическая оппозиция, транслирующая иные, чем официальная власть взгляды и подходы к международным делам

В политико-практическом аспекте актуально исследование российско-армянских отношений по таким традиционным линиям, как 1) состояние двусторонних отношений и 2) сотрудничество в региональных и международных делах В этой части актуальное значение приобретает вопрос о характере внешней

[1] Одним из факторов, подтверждающим положительную динамику развития отношений между Россией и Арменией являются многочисленные встречи Президентов двух стран Д Медведева и С Саргсяна. Последняя, пятая в 2008 году встреча состоялась 20-21 октября в Ереване Президенты России и Армении встречались ранее – 24 марта и 24 июня в Москве, 6 июня – в Санкт-Петербурге, 2 сентября (все встречи 2008 года) – в Сочи. (См ИА «REGNUM» 21 октября 2008)

политики России по отношению к Армении, и Армении к России С политологической точки зрения неясны и противоречивы оценки по самым ключевым и многим второстепенным вопросам в системе этих отношений между двумя странами Речь может идти о ресурсных возможностях России и Армении в деле выстраивания и реализации совместных политических акций поддержания, отстаивания и продвижения своих национальных интересов Если политическая наука ставит вопрос таким образом, то автоматически выстраивается целая серия новых, адекватных новым обстоятельствам вопросов, на которые еще предстоит дать ответы возможно ли в современных условиях формирование единых для России и Армении интересов, каковы базовые основания этих интересов, какие силы способны их сформулировать, закрепить и продвигать? Каково отношение к единой платформе интересов правящих групп в России и Армении, какие здесь существуют противоречия? Перечень заданных вопросов сам по себе значительно актуализирует проблему стратегического присутствия России в Кавказском регионе и решающую роль Армении в расширении и закреплении последнего

Традиционно динамика армяно-российских отношений создает видимость абсолютной идиллии во взаимоотношениях двух государств В определенной степени данная характеристика представляется уместной для анализа армяно-российских отношений в тех случаях, когда ставится задача обобщенного рассмотрения узловых параметров двустороннего сотрудничества Вместе с тем, актуально при углубленном, комплексном изучении темы выявлять и анализировать как вопросы традиционные геополитического, экономического, военно-технического, культурного, бытового характера, которые в той или иной степени и на определенном этапе исторического развития оказывали немаловажное влияние на динамику армяно-российских отношений, так и новую повестку политического диалога между Россией и Арменией Данное обстоятельство во многом определяет необходимость регулярного и системного анализа основополагающих принципов российско-армянского стратегического партнерства, равно как и критического рассмотрения имеющих место в современных России и Армении озабоченностей по поводу развития ситуации в регионе в целом

Новая расстановка сил в мире и в Кавказском геостратегическом комплексе, в частности, накладывает на отношения двух стран - России и Армении – особую

ответственность, поскольку эти отношения играют здесь ключевую роль Комбинация ролевых функций России и Армении относительно судеб народов кавказского региона структурно и содержательно не только находится в состоянии динамики, но и сама динамика этих отношении подвергается серьезным трансформациям Вектор развития этой динамики в системе современной геополитики с трудом поддается осмыслению политической наукой, поскольку испытывает на себе всю гамму возможных и вероятных переменных факторов, действующих в мире, в регионе и на локальном уровне Из всего многообразия факторов и конкретных дел, влияющих и предопределяющих отношения двух стран, естественно, особого внимания заслуживает ситуация, которая сложилась в Закавказье после агрессии правящего режима Грузии против Южной Осетии Не следует упускать из виду, что актуально и продуктивно исследование единой позиции России и Армении по ряду ключевых вопросов международной политики, отношение к конфликтам, способам их урегулирования, отношение к международному праву, механизмам политического диалога, координационной роли России и Армении в международных организациях Принципиально важно и актуально в политологическом аспекте показать новые возможности двух стран в условиях обострения финансового кризиса и международной обстановки поддерживать традиционные отношения в качестве союзников и стратегических партнеров, как фундамента прогрессивного развития отношений между двумя странами, стабильности и сотрудничества на Кавказе и в мире

Таким образом, комплекс проблем, связанных с изменениями как в самой политической ситуации в Кавказском геостратегическом комплексе, так и в отношениях России и Армении, предопределяет особую актуальность темы диссертационного исследования

Степень научной разработанности темы Проблемы, связанные с динамикой межгосударственных отношений в любой из форм политического действия, являются объектом пристального внимания исследователей политической науки Широко вошло и эффективно используется в специальной и политологической литературе такое понятийно-терминологическое ядро, как «динамика», суть и значение которого отличается, с одной стороны, политической неоднозначностью, с

другой - морфологически существенно расширяет пространство политических акций и действий[2] Исследователь Д А Данилов на примере *трансформации европейской системы безопасности* использует это понятие в таких терминах, как «Смена британского курса открытие «новой динамики» ЕС в сфере безопасности и обороны», «Развитие «новой динамики» проблемы поддержки прежними оппонентами», «Новая динамика» испытание косовским кризисом»[3]

Научно-теоретическая и концептуальная база исследования данной темы представлены в трудах А С Панарина, Е М, Примакова, Э А Позднякова, И А Василенко, Ю М Павлова, П А Цыганкова, А И Соловьева, М М Лебедевой, А И Неклессы, А Д Богатурова, А В Торкунова, А Г Задохина, А Г Здравомыслова, Г И Козырева, Г Г Кадымова[4]

Более чем значимыми в области осмысления основных тенденций и противоречий в области мировой политики и международных отношений являются труды самых известных западных исследователей Г Моргентау, Ф Фукуямы, С Хантингтона, З Бжезинского, Н Спакмена, П Вольфовица[5] При всем множестве публикаций, детально рассматривающих те

---

[2] *Динамизм* - /сила/ - 1) взгляд на мир как на изменяющийся, развивающийся, находящийся в движении (в противоположность статическим представлениям), 2) ложное, идеалистическое представление, согласно которому сила рассматривается как некое самостоятельное начало, независимое от содержания и даже первичное по отношению к нему (см энергетизм)

Динамика – /относящееся к силе, силовой/ 1) в политической науке изучающая действия (движение) субъектов политики в зависимости от действующих в ней сил, 2) состояние движения, ход развития, изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов (противоп *статика*), 3) обилие движения (См Словарь политических слов –М, 1954 С 230)

[3] См *Данилов Д А* ЕС/ЗЕС на пути к идентичности в сфере безопасности и обороны // В кн.Европа. Вчера, сегодня, завтра. – М, 2002 С 649-673

[4] См *А С Панарин* Искушение глобализмом М, 1999, *А С Панарин* Глобальное политическое прогнозирование - М, 2000, *Е М. Примаков* Мир после 11 сентября - М ,2002, *Э А Поздняков* Философия политики В 2 ч - М, 1994, *И А Василенко* Политическая глобалистика. - М, 2000, *И А Василенко* Глобалистика современного мира. - М, 2007, *Ю.М Павлов* Мировая политика и международная экономика - М, 1998, *П А Цыганков* Международные отношения - М, 2002, *А И Соловьев* Политология Политическая теория, политические технологии - М ,2000, *М М Лебедева* Мировая политика. - М, 2002, *М М Лебедева* Теория международных отношении Хрестоматия// Сост науч ред и коммент П А Цыганков - М ,2002, *А И Неклесса* Глобальное общество новая система координат - Спб, 2000, *А И Неклесса* Проблемы глобалистики. - М, 2004, *А Д Богатуров* Очерки теории и политического анализа международных отношении // Научно-образовательный форум по международным отношениям - М, 2003, *А В Торкунов* Современные международные отношения и мировая политика. - М, 2007, *А Г Задохин* Внешняя политика России национальное сознание и национальные интересы - М, 2002, *А Г Здравомыслов* Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве - М, 2004, *Г И Козырев* Политическая конфликтология - М, 2008

[5] См *Г Моргентау* Международная политика // Антология мировой политической мысли. Т 2 - М, 1997, *Ф Фукуяма* Конец истории? // Вопросы философии № 3, 1990, *С Хантингтон* Будущее демократических перемен от экспансии к консолидации - М, 1995, *С Хантингтон* Столкновение

или иные аспекты армяно-российских отношений, достаточно сложно выделить исследование, в котором были бы рассмотрены проблемы российско-армянских отношений в контексте динамично развивающегося политического диалога

В то же время следует выделить ряд работ, в которых армяно-российские отношения исследованы как через призму отдельных ее составляющих, так и с точки зрения смежных дисциплин Значительная часть работ по российско-армянской тематике посвящена изучению военно-политического сотрудничества между двумя странами В этом ряду следует выделить работы С Шакарянца[6], А С Третьякова[7], Г Г Тищенко[8], В Агляна[9]

Одна из особенностей анализа армяно-российских отношений заключается в том, что их нельзя рассматривать в отрыве от широкого круга вопросов, связанных с проблематикой геополитического, военно-политического, экономического присутствия России на Южном Кавказе, реалий и перспектив ее взаимоотношений с различными региональными и внерегиональными силами Среди многочисленных работ, посвященных в том числе и этой тематике, выделим работы Омера Коджамана[10], Сергея Шаракянца[11], Александра Сваранца[12], Сергея Минасяна[13], а также ряд исследований западных авторов[14] Проблематика обеспечения безопасности и формирования устойчивых механизмов регионального сотрудничества с позиции Армении рассматривается в работах Гранта Тер-Абрамяна[15], Рубена Шугаряна[16]

цивилизации? // Полис № 1,1994, *З Бжезинский* Великая шахматная доска - М , 1999, *З Бжезинский* Выбор Мир господства или глобальное лидерство - М , 2007

[6] См *Шакарянц С,* Вопросы коллективной безопасности и обороны СНГ в XXI веке в контексте последних геополитических реалий / Армения 2020 Стратегия развития и безопасности / Армянский Центр стратегических и национальных исследований - Ереван, 2003 С 512-535 (на арм яз), *Шакарянц С* Вопросы коллективной безопасности СНГ и Армения / Ориентиры внешней политики Армении / Под редакцией Г Новиковой – Ереван Центр стратегического анализа "Спектр", 2002 С 97-117

[7] См *Третьяков А С* Вооруженные силы РФ в республике Армения некоторые правовые аспекты пребывания // Право и безопасность – М , 2003 №1-2 Июнь

[8] См *Тищенко Г Г* Вооруженные силы и военно-политический курс Армении / Армения проблемы независимого развития / Российский институт стратегических исследований -М,, 1998 С 555-565

[9] См *Аглян В* Политика безопасности РФ на современном этапе новые тенденции в закавказской стратегии //XXI век №4, 2004 С 62-82 (на арм яз)

[10] См *Коджаман О* Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период / Пер с англ И Самойловой, предис и ред В А Надеина-Раевского - М , 2004

[11] См *ШаракянцС* Политика постсоветской России на Кавказе и ее перспективы - Ереван, 2001

[12] См *Сваранц А* Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе - М , 2002

[13] См *Минасян С* Россия-Иран эволюция и перспективы военно-политического сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ №5, 2003

[14] См Спорные границы на Кавказе / Под ред Б Копитерс - М ,1997, *Эмерсон М* Подходы к стабилизации на Кавказе // Кавказские региональные исследования Том 5, №1&2, 2000 , *Cornell S* The Unruly Caucasus // Current History №3, 1997

[15] См *Тер-Абрамян Г* Региональная нестабильность и Армения // Республиканец №3, 2004 С 5-

Составной частью проблематики обеспечения безопасности и стабильности в регионе являются исследования, посвященные попытке разрешения целого ряда региональных конфликтов на Южном Кавказе (Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия)[17]

Эти конфликты имеют глубокие корни, и их решение зависит от многих факторов А часто эти конфликты становятся инструментами для «Большой игры»[18] Это показали трагичные события, которые произошли в начале августа 2008 года в Южной Осетии Война в Южной Осетии показала, настолько печальны могут быть последствия военного решения конфликта.

Особое место в Кавказском регионе занимает нагорно-карабахский конфликт "Само слово "Карабах", - писал полномочный представитель президента Российской Федерации по политическому урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе в 1992-1996 гг Владимир Казимиров, - стало нарицательным для вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР (видимо, в силу своего "первородства", продолжительности, ожесточенности, иррациональности) И для конфликтов, уже обагривших кровью земли в разных концах Евразии, и для тех, которые еще только назревали или продолжают назревать"[19]

Проблема урегулирования нагорно-карабахского конфликта продолжает оставаться одной из актуальных тем для исследователей, занимающихся изучением всего комплекса вопросов, связанных с развитием геополитических процессов в регионе в целом и армяно-российских отношений, в частности Среди многочисленного числа публикаций по данной проблематике следует выделить те, в которых дается детальный анализ российского посредничества по урегулированию конфликта, рассматриваются вопросы эффективности миротворческого процесса[20]

9(на арм. яз)

[16] См *Шугарян Р* Идея регионального сотрудничества в контексте внешней политики Армении/ Ориентиры внешней политики Армении/ Под редакцией Г Новиковой. – Ереван Центр стратегического анализа Спектр", 2002 С 10-24

[17] *Кюрегян С П* Этнополитические конфликты на Южном Кавказе российская (постсоветская) практика их политического урегулирования Автореф дис на соис учен. степ к.п.н – М, 2005

[18] Статья Министра иностранных дел России С В.Лаврова «Мир в поисках нового равновесия», опубликованная в «НГ-Дипкурьер» 15 сентября 2008 года

[19] *Казимиров В Н* Карабах. Как это было // Международная жизнь №5, 1996 С 41

[20] См *Базоян Т К* Посредничество президентов Б Н Ельцина и Казахстана Н.А.Назарбаева в урегулировании карабахского конфликта // "Актуальные проблем международных отношений в начале XXI века" Материалы 5-ой научно-практической конференции молодых ученых, 18 апреля 2002г - М ДА МИД России, 2002 С 64-68, *Гаспарян Х.С* Россия в Закавказье посредническая роль в урегулировании карабахского конфликта / Десять лет внешней политики России Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / Под редакцией А.В Торкунова - М, 2003 С 283-288, *Кадымов Г Г* Россия и

За последние годы заметно возрос интерес у специалистов по постсоветскому пространству к проблематике диаспоры, как социокультурному феномену, который объективно связан с распадом СССР Образованием на его территории новых независимых государств и соответственно возникновением целой общности людей, объединяемых некоторой двойственностью своего положения являясь гражданами одного государствами, они в то же время имеют историческую родину за ее пределами

Значительный вклад в изучение этой проблематики, а также вопросов формирования и развития армянской диаспоры в России и российской диаспоры в Армении внесли российские исследователи, в частности, Татьяна Полоскова[21] Как подчеркивается в одной из ее публикаций, " диаспора армян — это стратегическое богатство Ее достоинства и слабости влияют на наши *(России - О О)* национальные интересы, поэтому главным вопросом является внимательный анализ политических и пропагандистских возможностей диаспоры"[22]

Объектом исследования являются российско-армянские отношения в структуре современной геополитики

Предметом исследования является динамика российско-армянских отношений в формате политического диалога, который в системе современной геополитики становится основным политическим инструментом продуктивного развития отношений между двумя странами

Целью исследования является комплексный анализ динамики, состояния и перспектив развития армяно-российских отношений в формате политического диалога в условиях нарастания международной напряженности и кавказского кризиса, обеспечивающих не только поддержание традиционного партнерства двух стран, но и его трансформацию до уровня стратегического взаимодействия в интересах России и Армении по международным, региональным и двусторонним

урегулирование конфликтов в СНГ / Внешняя политика современной России Сборник статей. - М ДА МИД России, 2000, *Шахарянц С* Политика Российской Федерации в деле разрешения проблемы Нагорного Карабаха / Армения 2020 Стратегия развития и безопасности / Армянский Центр стратегических и национальных исследований. - Ереван, 2003 С 441-511 (на арм яз)

[21] См *Полоскова Т В* Диаспоры в системе международных связей. - М , 1998, *Полоскова Т В* Принципы и формы взаимодействия дипломатических представительств и консульских служб с зарубежными диаспорами. - М , 2000, *Полоскова Т В* Российская диаспора в странах СНГ и Балтии. - М , 1998, *Полоскова Т В* Современные диаспоры Внутриполитические и международные аспекты - М , 1999

[22] *Полоскова Т В* Современные диаспоры Внутриполитические и международные аспекты - М , 1999 С 84

обязательствам

Для реализации этой цели были поставлены следующие задачи

- исследовать существующие в политической науке проблемы оценок и интерпретаций современного кризиса в антитеррористической коалиции и механизмы управления новой архитектурой международных отношений,

- определить и охарактеризовать политическую проблематику современного кавказского кризиса с точки зрения его последствий на региональное и мировое сообщество,

- установить основные линии взаимосвязи международных, региональных и межстрановых политических отношений и определить степень их влияния на динамику развития российско-армянского политического диалога,

- провести политологический анализ договоров и соглашений, заключенных Россией и Арменией, представить характер проблем их политического воплощения,

- выявить основные параметры отношений Армении и России в качестве стратегических партнеров, определить основные механизмы и приоритеты сотрудничества,

- раскрыть основные направления и особенности армяно-российских взаимосвязей в контексте региональных и общемировых процессов,

- исследовать проблемные вопросы российского посредничества в урегулировании нагорно-карабахского конфликта,

- показать совместные политические шаги России и Армении в деятельности региональных и международных организаций и проблемы их осуществления,

- определить роль и место армянской диаспоры в России и российской диаспоры в Армении в укреплении армяно-российских отношений

Теоретическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы включают использование современных теоретико-концептуальных подходов к анализу международных отношений, выявлению сущности базовых отношений между основными действующими силами политической сцены, прежде всего, Россией и Арменией в системе современной геополитики

В методологии исследования исходной позицией является признанное

среди специалистов видение и понимание кавказского геостратегического региона, как уникальной, целостной структуры, комплекса, к которому применимы различные исследовательские методы Базовым в исследовании является метод системного анализа, позволивший подойти к предмету исследования как к комплексу проблем, находящихся в едином процессе, высветить наиболее характерные особенности изучаемых явлений, установить их взаимосвязь и взаимозависимость Среди отечественных и зарубежных исследователей, заложивших базовые параметры методологии изучения представленной темы, работы которых используются в методологическом плане в нашей диссертации, можно указать Вагифа Гусейнова, Ю П Давыдова, Э Н Ожиганова, В Н Коновалова, Макса Тцветовата[23]

Автор использовал также междисциплинарный подход, поскольку в силу комплексного характера исследования затрагивается не только сфера международно-политической науки, но и область экономики, социологии, истории международных отношений с ее традиционным проблемно-хронологическим подходом

Эмпирическую базу исследования составляют более 200 работ (монографии, книги, статьи, рецензии) российских, армянских и зарубежных исследователей по проблеме российско-армянских отношений в системе современной геополитики Материалы периодической печати по теме исследования, статистические данные, базы данных различных сайтов Интернета

В целом можно выделить несколько групп источников

Первую группу составили международные и двусторонние договоры, декларации, межправительственные соглашения, формирующие основы современных армяно-российских отношений[24] Следует отметить, что за

---

[23] *Коновалов В Н Тцветоват Макс* Геостратегический процесс на Кавказе и Каспийском регионе системный и сетевой анализ (см http //www css gmu edu/maksim/page1/files/SCAGS_Russian pdf), *Ожиганов Э Н* Стратегический анализ политики -М , 2006, *Вагиф Гусейнов* Каспийская нефть Экономика и геополитика - М ,2002, *Довыдов Ю П* Норма против силы Проблема мирорегулирования - М Наука, 2002

[24] Устав Организации Объединенных Наций ООН Департамент общественной информации - Нью-Йорк, 1999, Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций (утверждена резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г), Беловежские соглашения /Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002 Хрестоматия в 4 томах. Т IV Документы /Составитель Т А Шаклеина - М МГИМО (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация Наука. Образование)», «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002, Устав Содружества Независимых Государств 22 января 1993 г /Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002 Хрестоматия в 4 томах. Т IV Документы /Составитель Т А Шаклеина. - М , 2002,

последнее десятилетие в двусторонних отношениях наработана значительная международно-правовая база, регулирующая практически все сферы армяно-российских взаимоотношений Изучение этого обширного *нормативно-правового* материала дает возможность определить динамику и основные параметры в развитии армяно-российского межгосударственного сотрудничества в постсоветский период

Кроме этих системообразующих международных, двусторонних межгосударственных актов был исследован ряд основополагающих многосторонних договоров и соглашений, подписанных Республикой Армения (РА) и Российской Федерацией (РФ) и регулирующих совместное участие двух государств в интеграционных объединениях и системах коллективной безопасности

Большой интерес представляют материалы слушаний в Национальном Собрании РА по вопросам внешней политики Армении, отчеты о встречах руководства РА с российскими делегациями и визитах делегаций РА в РФ, с которыми автор имел возможность ознакомиться, изучая архивы посольства Республики Армения в Российской Федерации Эти документы позволяют рассмотреть процесс развития отношений Республики Армения с иностранными государствами и международными организациями, дают представление о механизме принятия внешнеполитических решений

Вторая группа источников - тексты выступлений, заявлений, обращений, материалы пресс-конференций руководителей Республики Армения и Российской Федерации Особый интерес представляют совместные итоговые документы, принятые по результатам армяно-российских встреч на высшем уровне Использование этих материалов в качестве первоисточников даст возможность практически из первых рук получать информацию об основных направлениях

Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности (Москва, 29 декабря 1991 г) //Дипломатический вестник - 1992 - №2-3 - С 15-21, Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (Москва, 29 августа 1997 г) //Бюллетень международных договоров - 1999 - №2 - С 65-73 Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения (Москва, 21 августа 1992 г) //Справочно-информационная система «Гарант» - 2005 - 15 января, Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования (Ереван, 30 сентября 1992 г), Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о российской военной базе на территории Республики Армения (Москва, 16 марта 1995 г), Протокол о максимальных уровнях для наличия обычных вооружений и техники Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова, Российской Федерации, Украины и Республики Грузия в связи с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (Ташкент, 15 мая 1992 г)

развития двусторонних отношений, позиции руководства двух стран по ключевым вопросам развития двусторонних отношений, региональной и международной политики

В диссертации были также использованы текущие аналитические материалы Государственной Думы Российской Федерации и Национального Собрания Республики Армения, Администрации Президента Российской Федерации и Республики Армения, Аппарата Правительства Российской Федерации и Республики Армения

Отдельную группу источников составили исследования, посвященные анализу широкого круга вопросов, связанных с осмыслением и реализацией внешней политики Республики Армения[25] и Российской Федерации[26] Изучение этого пласта литературы позволило рассмотреть процессы становления, развития и перспектив внешнеполитических стратегий Армении и России и параметры их позиционирования на международной арене

В следующую группу вошли материалы, опубликованные в различных средствах массовой информации Даже несмотря на политическую ангажированность и пристрастность большинства современных СМИ, им нельзя отказать в оперативности освещения событий Кроме того, большое количество периодических изданий и телепрограмм дает возможность, сравнивая и анализируя информацию, получить в итоге объективную картину интересующего

[25] См Հայաստան Նոր ռազմավարության հրամայականը Армения Императивы новой стратегии / Армянский центр стратегических и национальных исследований - Ереван, 2007 (на арм яз), *Агаджанян Г Г* Становление и развитие внешней политики Республики Армения в 1991-2003 гг / Автореф диссер канд истор наук - Воронеж, 2004, Армения проблемы независимого развития / Под общ ред Е М Кожокина Российский институт стратегических исследований - М, 1998, Հայաստան 2020 Զարգացման և Անվտանգության Ռազմավարություն Армения 2020 Стратегия развития и безопасности / Армянский центр стратегических и национальных исследований - Ереван, 2003, (на арм яз), Հայաստանը Փոխակերպվող Աշխարհում Армения в преобразовывающемся мире / Армянский центр стратегических и национальных исследований - Ереван, 2006, (на арм яз), Десятилетний итог/ Армянский Центр стратегических и национальных исследований - Ереван, 2006, *Крылов А* Армения в современном мире - Рязань, 2004, Ориентиры внешней политики Армении / Под редакцией Г Новиковой – Ереван Центр стратегического анализа "Спектр", 2002

[26] См Внешняя политика Российской Федерации 1992-1999 - М МГИМО(У), 2000, Внешняя политика современной России, Сборник статей – М ДА МИД России, 2000, Десять лет внешней политики России Материалы Первого Конвента Российской ассоциации международных исследований / Под редакцией А В Торкунова - М, 2003, Современные международные отношении и мировая политика/ А В Торкунов, И Г Тюлин, А Ю Мельвиль и др - М МГИМО(У), 2004, Военная доктрина Российской Федерации, утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г №706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» 15 января 2005, Концепция внешней политики Российской Федерации //Дипломатический вестник №8,2000, Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008// Официальный сайт президента России

события Особый интерес в этой связи имеют статьи, опубликованные в таких *российских изданиях*, как *"Коммерсант"*, *"Независимая газета"*, *"Ноев* ковчег", а также армянских - "Республика Армения", "Голос Армении", "Новое время", "Азг" и др

В работе также широко использованы материалы информационных агентств "Медиамакс", "Де-факто", "Арменпресс", "АРМИНФО", "REGNUM", "РИА Новости" и ряда других

Особый интерес представляют официальные сайты президентов, парламентов, правительств и внешнеполитических ведомств Республики Армения и Российской Федерации[27]

В отдельную группу источников включены мемуары и воспоминания государственных деятелей, дипломатов Армении и России, в которых освещаются основные вехи становления и развития двусторонних отношений[28], среди которых заметно выделяются работы первого посла Российской Федерации в Армении в 1992-1994 гг В П Ступишина[29]

Таким образом, источниковую базу диссертации составили двусторонние и многосторонние документы, в подписании которых участвовали Россия и Армения, программные заявления, речи и выступления руководителей двух государств, а также материалы СМИ

Научная новизна диссертационного исследования заключается в проведении комплексного анализа динамики российско-армянского политического диалога в системе современной геополитики, особенно после агрессии политического режима Грузии против Южной Осетии

В диссертации

- определены основные теоретико-методологические подходы к анализу внешнеполитического курса России и Армении в международной политике, новым реалиям в структуре расстановки основных политических сил в мире,

- исследована значимость циклов и ритмов развития армяно-российских связей в политической и исторической реальности, выявлена и содержательно

---

[27] www kremlin.ru // www president am // www duma gov ru // www parlament am // www government ru// www gov am// www mid ru // www armeniaforeignministry am

[28] См *Илларионов В П, Галустьян О А* Россия и Армения размышления о прошлом, настоящем и будущем - М, 2003

[29] *Ступишин В П* Моя миссия в Армению 1992-1994 Воспоминания первого посла России - М, 2001, *Он же* Карабахский конфликт - М, 1998

описана структура и морфология динамических изменений российско-армянских отношений с точки зрения формирования ментальности нового поколения политических лидеров и роста потребности в переориентации региональной системы ценностей,

- системно представлено авторское видение процессов развития армяно-российского политического диалога в условиях глобализации и региональной интеграции, функционально проанализированы отношения между Арменией и Россией и их динамическое развитие в контексте зарождения регионального комплекса сотрудничества и безопасности в кавказском регионе с учетом новых мощных внешних факторов,

- проведен ретроспективный анализ двусторонних отношений России и Армении по поддержанию стратегического партнерства и безопасности двух стран,

- дан анализ совместных действий России и Армении в формате политического диалога и деятельности в международных организациях по определению повестки стратегически важных политических действий,

- исследованы совместные политические акции двух стран по отношению к региональным проблемам, в частности, по отношению к проблемам Кавказского стратегического комплекса, особенно по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта,

Практическая значимость исследования заключается в применимости ее результатов для определения основных направлений, динамики, приоритетов дальнейшего укрепления армяно-российских отношений, развития регионального сотрудничества Выводы и рекомендации диссертации могут быть использованы государственными и общественными структурами Республики Армения и Российской Федерации при принятии решений в области развития армяно-российских отношений, взаимодействия двух государств на региональном уровне Данное исследование позволяет оценить эффективность внешнеполитической деятельности Российской Федерации в регионе, ее посреднических усилий по урегулированию конфликтов Результаты исследования могут быть использованы также при разработке учебных программ и подготовке учебных пособий по политологии и международным отношениям

Гипотеза исследования

Российско-армянский политический диалог претерпевает серьезную трансформацию Традиционно обеспечивая союзнические отношения и стратегическое партнерство России и Армении в условиях кардинального изменения геополитической ситуации на Кавказе и мире, Россия в своем политическом диалоге с Арменией обязана более тщательно учитывать возможное отступление Армении под давлением новых факторов от исторической и традиционной политической культуры и стилистики в поведении и сотрудничестве с Россией Возрастает политическая цена поддержания, следования и соблюдения союзнических и партнерских отношений России и Армении И Россия будет настаивать на убедительных доказательствах от Армении следовать курсу поддержания и развития такого рода отношений

Основные положения, выносимые на защиту

1 В сложившихся геополитических условиях Кавказский регион имеет не только геостратегическое значение как для России, так и для Армении, но и политическую потребность поддержания и закрепления его роли Весь комплекс проблем этого региона находится в сфере национальных интересов двух стран Их обеспечение каждой из сторон предполагает целый комплекс совместных действий политического и иного характера, выражаемый государственной политикой Для определения целей и приоритетов государственной политики в регионе, повышения ее адекватности меняющимся политическим реалиям, увеличения результативности необходим постоянный политический диалог на высшем уровне политических элит и народов двух стран Политический диалог становится предпочтительным среди иных инструментов поддержания стратегического партнерства, который в свою очередь предполагает исследование существующих в политической науке проблем оценок и интерпретаций современного кризиса и механизмов управления новой архитектурой международных отношений Политический диалог способен учитывать новую расстановку мировых сил через обновление теоретико-методологической базы интерпретаций международных отношений, постоянное изучение и анализ процессов, которые происходят в мире, в регионе и на политическом пространстве двух стран

2 В структуре современного миропорядка особое место занимает Кавказский геостратегический регион, его совокупные роль и значение в мире

сегодня имеют тенденцию к возрастанию, усилению зависимости проблем мирового уровня от того политико-экономического состояния, в котором находится Кавказский регион Поэтому для политической науки важно изучать политическую проблематику современного кавказского кризиса с точки зрения его последствий на региональное и мировое сообщество, анализировать не только саму политическую ситуацию в регионе, но и содержание, сущность политики, проводимой на Кавказе разными государствами и, в первую очередь, Российской Федерацией и Республикой Армения

3 Анализ имеющихся в научном обороте фактов, событий, материалов по российско-армянским отношениям является достаточным основанием, чтобы установить основные линии взаимосвязи международных, региональных и межстрановых политических отношений и определить степень их влияния на динамику развития российско-армянского политического диалога. Проведенное исследование убедительно показывает, что не меньшую важность представляют также ответы на вопросы о том, кем, как и под влиянием каких обстоятельств принимались и принимаются ответственные политические решения, в какой степени они являются производными от сложившейся социально-экономической, политической, идеологической обстановки Полученные в ходе исследования результаты позволяют дать относительно объективную оценку того или иного политического курса, проводимого в России и Армении тем или иным политическим лидером, политической элитой в разные периоды современной истории двух стран, показать его эффективность или, наоборот, ошибочность, наметить наиболее благоприятные векторы политического воздействия на ситуацию Это особенно важно в современных условиях, когда порой именно от оперативности и быстроты политического реагирования зависят возможность эффективного проведения выбранного политического курса и достижение наибольших его результатов Исследование в то же время указывает на очевидную для политической науки, но не столь очевидную для политики и политических практиков вещь - системное поддержание стратегических партнерских отношений России и Армении Политические процессы на Кавказе должны быть объектом постоянного мониторинга со стороны политиков, но, прежде всего, экспертов, ученых Необходимы дополнительные усилия политиков и экспертного

сообщества, чтобы найти точки постоянного и продуктивного сотрудничества между этими субъектами креативного поддержания политического диалога Только непрерывное изучение политической ситуации на Кавказе дает возможность правильно выстроить государственную политику странам региона и, конечно же, России и Армении

4 Основу двусторонних отношений России и Армении в различных формах составляют договорная база и многочисленные соглашения по вопросам международной и региональной политики, участии в международных организациях, по военным, экономическим, культурным и прочим связям и отношениям Анализ этой политико-правовой базы дает четкое представление о характере отношений двух стран, позволяет выделить ряд существенных признаков Еще не ушел в прошлое этатистский принцип государственной политики как в России, так и в Армении Однако есть признаки его смягчения, наблюдается положительная тенденция на уровне деклараций, заявлений, в выступлениях лидеров двух стран, в стиле общения между государственными структурами и лицами, где доминирует демократическая/квазидемократическая диалоговая форма Смена содержательной части в сторону демократического формирования отношений особенно усилилась после событий августа текущего года, в ходе последующих интенсивных консультаций и подписанных документов договорного свойства между Президентами России и Армении в октябре 2008 года Согласованные действия на международной арене - серьезный фактор безопасности, укрепления российско-армянских позиций и в регионе, и в мире Эта же линия отношений между двумя странами закреплена в совместных или односторонних действиях России и Армении в деятельности региональных и международных организаций

5 Смена стратегического и регионального состояния в политике отношений между основными и второстепенными политическими игроками (блоками стран, государствами) поставила в повестку политических отношений России и Армении проблему аудита и уточнения основных параметров взаимного сотрудничества. Потребовалось обоюдное подтверждение со стороны двух стран курса стратегического партнерства Усилиями высших должностных лиц России и Армении нейтрализовалась попытка «третьих» сил поставить под сомнение под

различными предлогами, используя естественные противоречия, значение партнерства такого уровня Возникший по вине третьих стран кавказский кризис привел к нарастанию динамических процессов, завершившийся на данный период не только поддержанием стратегического партнерства России и Армении, но наполнением его новым содержанием понимания взаимной выгоды такого партнерства, расширением инструментальной базы и новыми механизмами развития отношений как в традиционных сферах, так и в сферах актуального и перспективного взаимодействия В этом, на наш взгляд, состоит основная линия и специфика развития политического диалога и отношений между двумя странами в контексте современных общемировых процессов

6 Динамику российско-армянского политического диалога предопределяет сегодня отношение двух стран к Нагорно-Карабахскому конфликту Серьезно осложняются российско-армянские отношения по этой проблеме по причине многосубъектного участия в нем стран с различными, несовпадающими интересами Симптомом такого усложнения становятся разного рода мнения, соображения, домыслы, представления о том, что-де Россия и США, разошедшиеся по Грузии, Абхазии и Южной Осетии, ищут точки соприкосновения, налаживания приемлемых отношений по отношению к Нагорно-Карабахскому конфликту за счет интересов Армении Принципиальной является позиция России и Армении, во-первых, исключить военный вариант решения этой проблемы, во-вторых, рассмотреть все остальные альтернативные варианты Армения готова продолжать переговоры на основе мадридских принципов В исследовательском ключе пока нет возможности определить стадии разрешения конфликта, уровень достигнутых на сегодняшний момент договоренностей Констатация продвинутой стадии в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта – свидетельство готовности обеими сторонами искать решение, расширять формат переговорного процесса по этой проблеме с учетом новой ситуации в регионе Представляется, что большие державы и политические акторы извне, включая Россию и США, будут поддерживать того, кто сможет предложить более эффективный план разрешения карабахского конфликта, включая решение проблем беженцев, стабильности региона, качества жизни людей и региональной экономики, безопасности границ и правопорядка, соответствующего международным нормам, прозрачности

управления и социальных программ

7 Значительный потенциал для дальнейшего углубления отношений стратегического партнерства России и Армении принадлежат как армянской диаспоре в России, так и русской диаспоре в Армении На современном этапе диаспоры переживают стадию своего институционального развития, и уже сейчас, например, об армянской диаспоре в России можно говорить как о ведущей силе в общемировой армянской диаспоре, мощном потенциале создания и развития целого ряда перспективных политико-экономических, гуманитарных и социальных проектов между Россией и Арменией При этом, у армянской диаспоры есть свои внутренние проблемы - она разнородна, в ней есть свои течения, политические предпочтения и предвзятости На наш взгляд, возможный путь минимизации этих проблем состоит в ее объединении под эгидой какой-либо одной организации и институциональное закрепление ее базовых основ В сравнении с армянской диаспорой в России российская диаспора в Армении не столь многочисленна, но при этом является важнейшим индикатором характера и уровня межгосударственного сотрудничества По этим направлениям и аспектам деятельности сегодня, собственно, и определяется роль и место диаспор относительно укрепления российско-армянских отношений

Структура диссертации подчинена целям и основным задачам исследования и состоит из введения, двух глав, структурированных в семь параграфов, заключения и списка использованных материалов и литературы

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, показана научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации

В первой главе *"Теоретико-методологические подходы к интерпретации современной политической ситуации в Кавказском геостратегическом комплексе"* дан анализ основных подходов к оценке Кавказского региона в сложившихся геополитических условиях Проводится мысль о том, что регион имеет не только геостратегическое значение, но и нуждается в поддержании и закреплении своей роли в среднесрочной и долгосрочной перспективе Весь комплекс проблем этого региона находится в сфере национальных интересов двух стран Их обеспечение каждой из сторон предполагает целый комплекс совместных действий политического и иного характера, выражаемый государственной политикой Для определения целей и приоритетов государственной политики в регионе, повышения ее адекватности меняющимся политическим реалиям, увеличения результативности необходим постоянный политический диалог на высшем уровне политических элит и народов двух стран Политический диалог становится предпочтительным среди иных инструментов поддержания стратегического партнерства, который в свою очередь предполагает исследование существующих в политической науке проблем оценок и интерпретаций современного кризиса и механизмов управления новой архитектурой международных отношений Политический диалог способен учитывать новую расстановку мировых сил через обновление теоретико-методологической базы интерпретаций международных отношений, постоянное изучение и анализ процессов, которые происходят в мире, в регионе и на политическом пространстве двух стран

Охарактеризована политическая ситуация и основные особенности политического, исторического и социального развития региона, обобщены его главные проблемные узлы, включая конфликты Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха Также рассмотрены подходы ведущих в Закавказье внешнеполитических акторов к вопросам региональной стабильности и

интеграции, сделана попытка определения политического измерения стратегического партнерства, определены корреляции армяно-российских отношений с политикой каждого из этих акторов и показана общая соотнесенность диалога Еревана и Москвы с улучшением обстановки в Закавказье и на Кавказе в целом

В первом параграфе ***«Политические процессы и конфликты в Кавказском геостратегическом комплексе: проблемы оценок и интерпретаций»*** изложены сложившиеся в политической науке научно-теоретические концепции относительно роли, места Кавказского региона в структуре международных, региональных и локальных отношений Доминирующим в исследовании суждением является представление о том, что, несмотря на сравнительно небольшую территорию и население, регион Кавказа имеет стратегическое значение Автор раскрывает предпосылки, причины и условия, по которым сегодня регион вновь оказался в центре мировой политики Показывает всю сложность внутрирегиональной ситуации и механизмов разрешения проблем и противоречий в этом регионе Исследовательская и доказательная база диссертации показывает, что политический диалог становится предпочтительным среди иных инструментов поддержания стратегического партнерства Геостратегический комплекс рассматривается нами не как произвольно установленный набор стран, но как особая система государств, объединенных географической близостью, чьи взаимоотношения безопасности настолько существенны, что определяют их национальные интересы и линии разграничения с другими региональными формированиями[30]

Во втором параграфе ***«Эволюция становления и развития российско-армянского политического диалога»*** дан анализ проблемы исследования циклов и ритмов в развитии армяно-российских связей и отношений Имеющиеся в научном обороте факты, события и материалы по российско-армянским отношениям убедительно показывают, что основные линии взаимосвязи международных, региональных и межстрановых политических отношений предопределяют динамику российско-армянского политического диалога Характер и содержание политического диалога между двумя странами находится в прямой зависимости от политико-исторического контекста доминирующих в нем представлений, убеждений и настроений политической элиты и политических лидеров Примером

---

[30] http://www stratnod ru/Geocomplexes html

такого рода зависимости и доказательной базой ее обоснованности являются приведенные в диссертации этапы развития и становления российско-армянских отношений, специфика и характерные особенности каждого из этапов

В третьем параграфе *«Россия-Армения: политическое измерение стратегического партнерства»* полученные в ходе исследования результаты позволяют дать относительно объективную оценку того или иного политического курса, проводимого в России и Армении в разные периоды современной истории двух стран, показать его эффективность или, наоборот, ошибочность, наметить наиболее благоприятные векторы политического воздействия на ситуацию

Обобщенным результатом, полученным в ходе анализа проблемы политического измерения стратегического партнерства, стали следующие выводы На всем протяжении постсоветского этапа взаимоотношений России и Армении в двусторонних отношениях не было спада, они развивались по нарастающей Вектор российско-армянских отношений был направлен в 1991-1997 гг на поиск форм и механизмов сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях, формирование международно-правовой базы межгосударственного сотрудничества, ключевым элементом которого стало подписание в 1997 году Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между республикой Армения и Российской Федерацией, в 1991-2001 гг - на определение основных приоритетов армяно-российского взаимодействия, кульминацией которого стало подписание в сентябре 2000 года Декларации о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированной на XXI век, в 2001 году по настоящее время – на стратегическое партнерство Существенным признаком стратегического партнерства можно считать 1) не ушедший в прошлое этатистский принцип государственной политики как в России, так и в Армении, 2) устойчивая положительная тенденция к использованию инструментов политического диалога, 3) смещение содержательной части межгосударственных отношений в сторону демократических, партнерских принципов

Во второй главе *«Основные направления российско-армянского политического диалога. проблемы выбора и реализации»* предпринята попытка проанализировать, описать и представить отличительные свойства и характеристики действий политических акторов в определенны стратегических интересов государственной политики России в Кавказском регионе, политической роли России и Армении в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта,

значении диаспоры, как фактора укрепления российско-армянского политического диалога

В первом параграфе ***«Определение стратегических интересов государственной политики России и Армении в Кавказском регионе»*** дан анализ попыток в стремлении политических элит и лидеров двух стран решить проблему определения стратегических интересов в Кавказском регионе Локальная политическая проблема, касающаяся двух стран в этой части, крайне осложнена тем, что имеют место неопределенность формирующейся системы международных отношений, незавершенность процесса глобализации В политике и в политической науке господствуют соперничающие модели и сценарии формирования нового миропорядка[31]

Вновь возникший кавказский кризис привел к нарастанию динамических процессов в структуре и содержании межгосударственных отношений, стратегии и тактике их развития, поиску новых оснований доверия, обеспечения безопасности Особенность данного периода в том, чему в диссертации уделено повышенное внимание, что ведущие политические силы России и Армении пришли путем непростых согласований к признанию необходимости не просто поддержания межгосударственного стратегического партнерства, но наполнения его новым содержанием Базовым элементом последнего стали понимание взаимной выгоды такого сотрудничества, политического диалога, расширение инструментальной базы, новые механизмы развития отношений, как в традиционных сферах, так и в сферах актуального и перспективного взаимодействия В этом, на наш взгляд, состоит основная линия в определении стратегических интересов государственной политики двух стран в Кавказском регионе

Во втором параграфе ***«Политическая роль России и Армении в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта»*** дан анализ отношения двух стран к Нагорно-Карабахскому конфликту и его воздействие на динамику российско-армянского политического диалога Принципиальной является позиция России и Армении, *во-первых,* исключить военный вариант решения этой проблемы, *во-вторых,* рассмотреть все остальные альтернативные варианты В исследовательском ключе пока нет возможности определить стадии разрешения

---

[31] *Kissinger H* Does America Need a Foreign Policy? Toward a Diplomacy for the 21-st Century – N Y Simon&Schuster, 2001, *Nye J* The Paradox of American Power Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone – N Y , 2002, *Никонов В* Политическая панорама XXI века // Международная жизнь №6 –М , 2001 С 11, *Лавров С* Настоящее и будущее глобальной политики, взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике, Т 5, №2 – М , 2007

этого конфликта и уровень достигнутых на сегодняшний момент договоренностей Однако, подчеркивается готовность обеих сторон в содействии по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта, поиску решении, расширению формата переговорного процесса по этой проблеме с учетом новой ситуации в регионе В диссертации также учитываются потенциальные осложнения в отношениях двух стран по причине межсубъектного участия третьих стран с несовпадающими интересами в процессы урегулирования и возможного разрешения конфликтной ситуации, что провоцирует обостренность и дополнительное напряжение, замедляя тем самым положительную динамику по поиску точек соприкосновения и налаживанию приемлемых решений в контексте указанных проблем

Взгляды Армении и России по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта в основном совпадают основа урегулирования конфликта – переговоры между самими участниками конфликта при активном содействии международного сообщества

В третьем параграфе ***«Российско-армянское стратегическое партнерство в системе безопасности на Кавказе: противоречия и тенденции»*** проанализированы риски безопасности региона, дана их классификация, указаны основные очаги угроз, которым подвержены и Россия, и Армения В исследовании освещено, что обе страны испытывают угрозы политического, экономического, военного, социального свойства. И если эти болевые точки являются традиционными, «обыденными» объектами политики безопасности для России и Армении, то в современных условиях к этим проблемным точкам добавляются угрозы сугубо политико-межгосударственного, транспортно-коммуникативного, энергетического и культурно-цивилизационного порядка Для Армении на первое место в настоящее время выходят проблемы минимизации экономической безопасности из-за новой конфигурации отношений между Грузией и Россией и того положения, в котором оказалась Армения по причине своего естественного географического расположения В диссертации дан анализ совместных российско-армянских акций по предотвращению двумя странами эскалации военной напряженности, недружественных действии против стран-партнеров со стороны третьих стран

Поддержание и использование стратегического партнерства по вопросам безопасности на Кавказе является производной от процессов интеграции/реинтеграции Сегодня реальные интеграционные связи между государствами региона развиты слабо, а крупные проекты контролируются или

нейтрализуются извне. Идеи комплиментарности, как стратегии внешней политики Армении, не во всех аспектах выдерживают проверку временем, особенно учитывая новую расстановку сил в регионе и мире. Вектор взаимного притяжения в политике двух стран настолько силен, что он продуцирует импульсы военно-стратегического партнерства. Сформирована договорная база такого сотрудничества, фактически создана совместная группировка войск, развивается обширный комплекс и военно-технического сотрудничества, что обеспечивает российско-армянское стратегическое партнерство в современных условиях.

В четвертом параграфе *«Диаспора как фактор укрепления российско-армянского политического диалога»* освещается вопрос влияния фактора диаспор, ее роль и значение в укреплении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Армения. Армянская диаспора России является крупнейшей в мире. По некоторым оценкам число армян в России превышает 2,5 млн. человек. Армянская община России гармонично вписалась во все аспекты российской жизни, эффективно участвуя в разнообразных сферах деятельности институтов многонационального государства. Она является мощным и действенным фактором создания и развития целого ряда перспективных политико-экономических, гуманитарных и социальных проектов между Россией и Арменией. При этом у армянской диаспоры есть свои внутренние проблемы - она разнородна, в ней есть свои течения, политические предпочтения и предвзятости. На наш взгляд, возможный путь минимизации этих проблем состоит в ее объединении под эгидой какой-либо одной организации и институциональное закрепление ее базовых основ. В сравнении с армянской диаспорой в России российская диаспора в Армении не столь многочисленна, но при этом является важнейшим индикатором характера и уровня межгосударственного сотрудничества. Сравнительно малочисленна диаспора русских в Армении, однако это не означает, что их взаимоотношения с титульной нацией менее значимы для общественно-политической жизни республики, чем, например, в Казахстане или странах Балтии. Хотя проблемы, которые стоят перед российской диаспорой в Армении, представляются не столь острыми как в ряде стран постсоветского пространства, тем не менее, они имеют место и во многом являются судьбоносными для перспектив развития армяно-российских отношений.

По этим направлениям и аспектам деятельности сегодня, собственно, и определяется роль и место диаспор относительно укрепления российско-армянских отношений.

В заключении автор приводит результирующие аналитические оценки и формулирует основные выводы исследования, делает обобщения, прогнозы, вносит рекомендации, отмечая важность и настоятельность дальнейшего изучения проблематики армяно-российских отношений

III. Список публикаций автора по теме диссертационной работы.

1 Агабабян Ш Л Политические процессы в Кавказском регионе в условиях новой геополитической ситуации // Вестник РУДН Серия «Политология» М , 2008, №4 С 87-93

2 Агабабян Ш Л Интересы Российской Федерации на территории Кавказского региона и позиция Армении // Актуальные проблемы современной политической науки и политики Сборник статьей студентов, аспирантов и молодых ученых политологов / Под ред Д Е Слизовского М МАКС Пресс 2006 Выпуск 2 С 13-21

3 Агабабян Ш Л Рождение и роль армянской диаспоры в России// Политические институты и процессы в XXI веке Сборник статьеи студентов, аспирантов и молодых ученых политологов/ Под ред Д Е Слизовского М МАКС Пресс 2008 С 5-9

4 Агабабян Ш Л Русская диаспора в Армении // Политические институты и процессы в XXI веке Сборник статьей студентов, аспирантов и молодых ученых политологов/ Под ред Д Е Слизовского М МАКС Пресс 2008 С 9-15

Агабабян Шаген Леваевич

Динамика российско-армянского политического диалога в системе современной геополитики

В диссертации исследуется динамика российско-армянского политического диалога в системе современной геополитики, процессы становления и развития российско-армянского отношений, основные факторы, формирующие современное состояние, динамику, перспективы взаимоотношений между двумя государствами на двустороннем и многостороннем уровнях, а также весь комплекс вопросов, связанный с обеспечением подлинно партнерских и союзнических отношений между Республикой Армения и Российской Федерацией Воздействие, которое оказывают российско-армянские отношения на обстановку в Кавказском регионе и внешние факторы, влияющие на их современное состояние

Aghababyan Shahen Levaevich

Dynamics of the Russian-Armenian political dialogue in system of contemporary geopolitics

The dissertation is devoted to the dynamics of the Russian-Armenian political dialogue in system of contemporary geopolitics, processes of formation and development of the Armenian-Russian relations, the major factors forming a current state, dynamics, prospects of mutual relations between two states at bilateral and multilateral levels, and also all complex of questions connected with maintenance of originally partner and allied relations between Republic Armenia and the Russian Federation Influence which render the Russian-Armenian relations on conditions and in the Caucasian region and the external factors influencing them

Подписано в печать 24 10 2008 г

Печать трафаретная

Заказ № 1052
Тираж 100 экз

Типография «11-й ФОРМАТ»
ИНН 7726330900
115230, Москва, Варшавское ш , 36
(499) 788-78-56
www autoreferat ru

ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КИНЕМАТОГРАФИИ имени С.А. ГЕРАСИМОВА

На правах рукописи
УДК – 778.5
ББК- 85.374(2)
А - 613

Амбарцумян Эдуард Давидович

ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АРМЯНСКОГО КИНО В ТВОРЧЕСТВЕ КИНООПЕРАТОРА СЕРГЕЯ ИСРАЕЛЯНА

Специальность: 17.00.03 –
«Кино-, теле- и другие экранные искусства».

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Москва-2009

Работа выполнена на кафедре киноведения Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова Министерства культуры РФ

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, профессор А.Н. Медведев

Официальные оппоненты: доктор искусствоведения Ю.П. Тюрин

кандидат искусствоведения, профессор Б.А.Смирнов

Ведущая организация: Государственный институт искусствознания (г. Москва)

Защита состоится «16» ноября 2009г. в 15⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 210.023.01 при Всероссийском государственном университете кинематографии имени С.А. Герасимова.

Адрес: Москва, 129226, ул. Вильгельма Пика, 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ВГИКа.

Автореферат разослан «15» октября 2009г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат искусствоведения, доцент Т.В. Яковлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Армянское кино 60-80-х годов XX в. отмечено новым уровнем выражения национального характера и самосознания. Именно в этот период фильмы студии «Арменфильм» получили широкое всесоюзное и международное признание. Большую роль сыграл приход в самостоятельное творчество нового поколения мастеров армянского кино – режиссеров Ф.Довлатяна и Г.Маляна. Созданные ими фильмы: «Здравствуй, это я» (1965г., опер.-пост. А. Явурян) и «Треугольник» (1967г., опер.-пост. С.Исраелян) стали принципиально значимыми в истории армянской национальной кинематографии. Представляется важным в этой связи обращение к факторам становления и развития национальной операторской школы. Разумеется, она развивалась в русле общей школы советского кино. Однако вместе с тем надо отметить, что национальный характер изобразительной культуры армянского кино, особенно в фильмах 60-80-х годов, сопряжен с обращением армянских кинооператоров к эстетическим принципам национальной школы живописи, с осмыслением традиций мировой культуры, ибо армянское искусство и традиции быта народа оказали значительное влияние на процесс формирования армянского операторского искусства.

Актуальность темы научного исследования. Диссертация впервые в киноведении исследует становление «операторской школы» армянского кино на примере эволюции выдающегося мастера-оператора С. Исраеляна, который сыграл в этом становлении определяющую роль. Также впервые в киноведении рассматривается вопрос о взаимосвязи и взаимовлиянии традиций изобразительной культуры Армении и изобразительной палитры армянских операторов. Этим определяется актуальность и в немалой степени новаторство данного исследования.

Советское киноведение обращалось к армянскому кинематографу, и творчество армянских художников часто становилось предметом исследования киноведов. Однако несмотря на то, что армянское кино заняло свою

нишу в истории национальных кинематографий, и работы многих режиссеров, сценаристов и актеров были тщательно проанализированы, именно творчество кинооператоров Армении являет собой сравнительно мало исследованную киноведами область.

В практике советского киноведения специалисты не раз обращались к проблемам и опыту операторского искусства; среди этих работ стоит упомянуть «Операторы советского художественного кино» В. Ивановой, «Изобразительное решение современного фильма» К. Исаевой, «Включить полный свет!» М. Меркель, «Кинооператор Андрей Москвин» Ф. Гукасян и т.д. Но среди армянских киноведов не было специалистов, обладавших профессиональными знаниями, необходимыми для анализа работ выдающихся операторов армянского кино.

Актуальность данной работы заключается в том, что творчество оператора рассматривается в контексте не только единого «профессионального пространства», но и пространства культурного. В диссертации прослеживается история зарождения и эволюции операторского искусства в армянском кинематографе, рассматривается влияние изобразительных средств русской советской кинематографии на армянские картины. Материалом же для подробного рассмотрения самых существенных черт изобразительной культуры армянского кино послужило творчество известного армянского кинооператора С. Исраеляна, фильмы которого занимают достойное место в ряду картин, снятых выдающимися операторами А.Антипенко, Л.Ахвледиани, Й.Грицюсом, А.Заболоцким, П.Лебешевым, Л.Пааташвили, В.Шумским, Л.Калашниковым, В.Юсовым, Г.Рербергом и др.

60-80-е годы XX столетия важны тем, что этот период стал знаковым для армянского кинематографа в первую очередь в мировоззренческом плане. С появлением «субъективной камеры» операторы в качестве эстетического компонента стали вносить в игровое кино и «документальную стилистику»; среди таких картин диссертант выделяет фильмы второй половины 60-х годов («Здравствуй, это я», «Треугольник», «Мосты через забвение»), отличи-

тельной особенностью которых является яркая авторская позиция. Камера в руках операторов этих кинолент преображала объективную реальность.

Имя С. Исраеляна связано с наиболее важными этапами развития армянского советского кино, что дает возможность на материале его творчества рассмотреть существенные аспекты зарождения и развития традиций армянского кинематографа. Фильмы, снятые С. Исраеляном, интересны тем, что в них помимо сохранения всех классических законов операторского мастерства, есть еще и новая стилистика, отсутствовавшая в языке армянского кино до него и давшая новый импульс для развития операторского искусства Армении. Диссертант прослеживает эволюцию изобразительной культуры армянского кино в сочетании с классическими и новыми изобразительными средствами.

Выдвинутые в данной диссертации проблемы могут послужить новым материалом в изучении истории кино, равно как и теории изобразительной природы фильма.

В работе анализируются снятые С. Исраеляном фильмы: «Мнимый доносчик», «Треугольник», «Песни песней», «Мосты через забвение», «Хатабала», «Терпкий виноград», «Утес», «В горах мое сердце», «Приглашение на танец», «Наапет», «Аревик», «Пощечина», «Капля меда». Существенным в них является изменение изобразительного языка кинематографа: камера оператора предстает и «лиричной», и «протокольной», и «репортажной», и «апофеозной», и «эмоциональной», и «субъективной» и т.д., дабы точно и предельно выразительно передать на экране замысел режиссера и автора сценария. В этих фильмах не только изменяются эстетические принципы светописного искусства, но и вырисовывается творческий почерк, подчиненный мировоззренческим задачам того времени.

Вместе с тем в настоящей диссертации описано и в принципиальных моментах исследовано развитие кинооператорского искусства Армении на протяжении десятилетий.

Степень научной разработанности. Как уже было отмечено, вопросы специфики изобразительной культуры армянского кино и тем более влияния на этот процесс творчества видных кинооператоров-постановщиков 60-80-х гг. прошлого столетия недостаточно освещены в научной литературе, однако есть отдельные исследования и публикации по данной проблеме. В работах «Сергей Исраелян» и «Альберт Явурян» кинорежиссера и киноведа Л. Григоряна, обратившегося к творчеству армянских кинооператоров, представлены общие процессы становления их творчества на фоне знаковых лент, созданных этими мастерами. В исследованиях К. Калантара («Верный божеству искусства», «Амо Бек-Назаров», «Очерки истории армянского кино»), С. Асмикяна («Тесный кадр»), Г. Закояна («Армянское немое кино»), Д. Мурадяна («Полный каталог армянского кино»), С. Ризаева («Армянская художественная кинематография») рассматриваются проблемы зарождения и развития кинооператорского искусства в Армении, а также вопросы стилистики светописцев (среди них А. Яловой, Д. Фельдман, С. Геворкян, С. Исраелян и т.д.). Наблюдения и обобщения, составляющие научную значимость этих работ, стали отправной точкой для углубленного исследования заявленной нами темы.

В данном исследовании диссертантом собраны и обобщены разрозненные материалы, являющиеся существенными для формирования научного аппарата. Среди них в первую очередь следует назвать труды выдающихся мастеров светописи А.Головни – «Творчество оператора фильма», Л.Косматова – «Основы кино и искусство оператора» и «Операторское мастерство», С.Урусевского – «С кинокамерой и за мольбертом», Р.Ильина – «Техника съемки фильма», А.Гальперина – «Глубина резко изображаемого пространства при кино- и фотосъемке», С.Медынского – «Компонуем кинокадр», «Оператор. Пространство. Кадр» и «Мастерство оператора-документалиста», М.Волынца – «Профессия оператор». Хотя эти работы (которые служат в свою очередь и учебным пособием) и были написаны в разные периоды истории кино, в них даны все основные понятия, разработанные опе-

раторами на практике. Об изобразительной стороне кинематографа писали и такие режиссеры, как Л. Кулешов, С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, А. Тарковский.

В процессе написания данной работы диссертант изучил архив статей, посвященных творчеству оператора С. Исраеляна. Среди них для диссертанта особенно ценны статьи Армена Медведева «Добрый человек из Еревана», Сабира Ризаева «Лирика кинокамеры», Эрика Паязатяна «Наш друг Сергей Исраелян», Тавроса Даштенца «Мастерство кинооператора» и Эманвела Манукяна «Строки, которые пишутся светом». С данными работами, а также с другими материалами автор ознакомился в Музее искусства и литературы им. Е. Чаренца (г. Ереван), в армянском Национальном архиве и в кабинете отечественного кино ВГИКа. В 2007г. диссертанту выпала честь взять в Ереване интервью у ряда видных кинематографистов Армении, а именно: кинооператоров Альберта Явуряна, Юрия Бабаханяна, Рудольфа Ватиняна, киноведов Сурена Асмикяна, Давида Мурадяна и актера Соса Саркисяна. Вышеупомянутые интервью были засняты на видеокамеру и в дальнейшем могут быть использованы в учебном процессе. Данный материал являет для нас особую ценность, поскольку научной литературы о творчестве кинооператоров Армении, и в частности С. Исраеляна, практически нет, а посему часто приходится ссылаться на высказывания кинематографистов, записанные в ходе этих интервью.

Исследованию формирования операторского стиля С. Исраеляна способствовали как фотоматериалы оператора, так и графические разработки и съемочные карты его курсовых работ («Дама с собачкой», «Артист», «Мнимый доносчик», «Треугольник»). А при анализе фильмов С. Исраеляна неоценимую помощь оказали режиссерские сценарии и раскадровки к этим картинам («Песни песней», «Хатабала», «Терпкий виноград», «Аревик» и т.д.).

Раскрытию индивидуальности Исраеляна-оператора помогли и видеоматериалы, предоставленные супругой С. Исраеляна Анаит Амбарцумян и разными армянскими телекомпаниями («Первый канал», «АЛМ», «Про-

метевс», «Ереван», «Армения»), которые включали в себя интервью мастера, семейный архив и рабочие процессы снятых им фильмов, а также высказывания известных кинематографистов о С. Исраеляне. Часть этих видео- и фотоматериалов, в свою очередь, послужила основой для создания диссертантом документального фильма о С. Исраеляне «Сергей», который является приложением к данному исследованию.

Изучение вышеназванных источников привело диссертанта к заключению, что традиции изобразительной культуры армянского кино до сих пор не были рассмотрены как самостоятельные художественные явления, диалектически связанные с этическими и эстетическими проблемами, решаемыми кинематографистами республики. В свете сказанного подобная связь чрезвычайно важна, поскольку она способствует глубинному раскрытию самой сути операторского искусства армянских мастеров, в их числе С. Исраеляна – человека эмоционального, тонкого, душевного, что и, собственно, ему удавалось перенести на экран – с его отличным знанием профессии, тайн ремесла, без чего невозможно никакое искусство.

В диссертации на основе анализа творчества С. Исраеляна, во многом определившего «лицо» армянского кино, показано, что именно в 60-80-е гг. прошлого столетия подтверждается новый этап синтеза изобразительной и драматургической структур армянского кино.

Научная новизна исследования. В настоящей работе впервые исследуется изобразительная культура армянских фильмов, в частности, кинолент периода с 1960-х по 1980-е гг. Предложенная методология позволяет раскрыть как характерные закономерности развития киноискусства вообще, так и развитие структуры изобразительного пласта фильма.

В диссертации рассматриваются тенденции развития традиций изобразительной культуры армянского кино на примерах фильмов, снятых кинооператором С. Исраеляном в определенный период истории армянского кинематографа. В данном исследовании прослеживается эволюция изобразительных средств в арсенале художника-светописца, во многом определившего изобра-

зительный язык армянского кинематографа в конкретном национальном «ключе» и сумевшего с помощью имеющихся ограниченных средств профессиональной техники поднять на новый уровень качество изображения в армянском кино.

Диссертант фокусирует свое внимание на формировании и развитии национального кинематографа Армении, прослеживая мировоззренческую эволюцию художника, который, опираясь на многовековое культурное наследие (живопись, литературу, театр и т.д.), создавал свои произведения. При этом не следует забывать, что это был период нового художественного сознания, нового понимания страны и времени (1960-е годы – до середины 1980-х), период, ознаменованный созданием фильмов «Здравствуй, это я», «Треугольник», «Мы и наши горы», «Наапет», феноменами Параджанова и Пелешяна. Это выход на новое национальное и кинематографическое самосознание. Бесспорно, именно в эти годы армянское кино достигло наивысшего расцвета. И изменения «картины мира» в созданных кинолентах говорят о новом этапе развития и становления отличительных особенностей киношколы.

Объектом диссертационного исследования стало творчество кинооператора С. Исраеляна. **Предметом исследования** является развитие традиций изобразительной культуры армянского кино.

Целью диссертации является исследование принципов построения кадра, основанных на законах композиции, освещения, сочетания цветов, использования оптики, видов перспектив, живописного начала и выявление той образующей драматургической концепции, которая связывает компонент светописи с другими элементами фильма.

В диссертации выдвинуты следующие научно-исследовательские **задачи**:

• Систематизация основных тенденций, формирующих изобразительный язык киноискусства, вычленение их из общего потока, рассмотрение истоков зарождения и появления светописного творчества в армянской культуре.

• Рассмотрение на конкретных примерах формирования индивидуального стиля Исраеляна-оператора и анализ его работ в разножанровых фильмах с целью выявления причин эволюции авторского почерка.

• Исследование основных эстетических принципов С. Исраеляна в разных видах кино (в черно-белых и цветных игровых лентах, документальном и телевизионном игровом кино).

• Анализ фильмов – с использованием концепций «светописного оформления кадра», «движения камеры», «ракурсной съемки», «цветового решения кадра».

• Рассмотрение изобразительной структуры лент на основе общих понятий тандема «оператор – художник», «оператор – актер», «оператор – режиссер», «оператор – сценарист», «оператор – композитор», «оператор – гример».

Теоретические и методологические основы исследования. Методологической основой исследования послужили: системно-аналитический подход к изучению кинематографического процесса, концепция подчинения изобразительной структуры драматургическим задачам фильмов, сравнительный анализ картин С. Исраеляна и других операторов, определяющих стилистику армянской «операторской школы».

В данном исследовании автор опирается на труды известных операторов, режиссеров, философов, киноведов: А. Головни, А. Гальперина, С. Урусевского, Л. Косматова, С. Медынского, М. Вольнца, В. Пудовкина, С. Эйзенштейна, Дзиги Вертова, Л. Кулешова, А. Тарковского, Г. Козинцева, А. Базена, З. Кракауэра, Г. В.Ф.Гегеля, Д. Киллпатрика, А. Медведева, К. Исаевой. С целью изучения тенденций армянского киноискусства в конкретный исторический период, эволюции его изобразительных средств используются работы специалистов по армянскому кино: Э. Паязатяна, С. Асмикяна, К. Калантара, Д. Мурадяна, Л. Григоряна, П. Зейтунцяна, С. Ризаева, Т. Даштенца, С. Галстяна и т.д. В диссертации также нашли место материалы периодических из-

даний, программ армянских телеканалов и видеоматериалы, содержащие выступления, посвященные С. Исраеляну.

Рамки исследования. Решение задач исследования требует его ограничения определенными рамками:

1. В работе анализируются только те фильмы, которые представляют наибольший интерес для изучения традиций изобразительной культуры армянского кинематографа в творчестве С. Исраеляна.
2. Исследование творчества С. Исраеляна не ограничивается разбором особенностей его операторского мастерства: оно рассматривается сквозь призму творческой индивидуальности художников, сотрудничавших с ним, что в своеобразном преломлении проливает свет на те или иные проблемы чрезвычайно плодотворного периода в истории армянского советского кинематографа.
3. Развитие традиций изобразительной культуры армянского кино в творчестве кинооператора С. Исраеляна анализируется с позиции самобытности его творческой манеры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. 1960-80-е годы ознаменовались тем, что это был период эстетического перелома. Армянское кинооператорское искусство поднялось на новый уровень, в силу чего изобразительный компонент армянских кинокартин на фоне могучего всесоюзного кино не отличался провинциальностью (благодаря качеству, в первую очередь). Изменилась мировоззренческая позиция «камеры», что с особой наглядностью проявилось в творчестве С. Исраеляна.
2. На примерах определенных фильмов, а также исторического обзора периода создания некоторых картин выявлена эволюция эстетических принципов операторского искусства, начиная с первых шагов, сделанных в Армении в этом направлении (особенно в 1960-80-е гг.).
3. На фундаменте, заложенном творчеством С. Исраеляна и других армянских художников-светописцев, данная диссертация предлагает

современную теоретико-практическую платформу для дальнейших исследований как природы фильма в целом, так и истории одной из ветвей многонационального советского киноискусства.

Научно-практическая значимость исследования. Данная научная работа может оказаться полезной как для историков кино, так и для теоретиков, изучающих природу фильма, заинтересованных проблемой сохранения и развития национальной кинематографии Армении. Она может быть использована также в вузовских лекционных курсах, в частности «Истории отечественного кино», а в Армении может стать разделом для лекций по курсу «История армянского кинематографа». Диссертация также может быть полезна в практическом отношении для многих операторов, находящихся в стадии поиска своего изобразительного киноязыка и опирающихся на схемы, «начерченные» армянскими мастерами-светописцами. Исследование может представлять интерес и для тех, кто в дальнейшем будет заниматься (или занимается) теоретическими изысканиями, посвященными вопросам истории изобразительной культуры советского кинематографа.

Апробация результатов исследования. 11-го февраля 2008 года, в г.Ереване, в одном из крупнейших кинотеатров Армении (в кинотеатре «Москва»), по поручению Союза кинематографистов Армении диссертантом был организован вечер памяти, посвященный 70-летию С.Исраеляна.

Диссертация обсуждалась на кафедре киноведения Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А.Герасимова. Основные положения работы были отражены в цикле научных публикаций автора. В период с 2007 по 2009гг. на заседаниях киноклуба Союза армян России диссертантом были прочитаны доклады, в которых излагались ключевые положения настоящего исследования. Автор выступал также с докладом на 2 научной конференции «Мировая литературная классика на отечественном экране», посвященной проблемам экранизации (ВГИК имени С.А. Герасимова, Москва, 17 апреля 2009г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, фильмографии, приложений в виде трех DVD-дисков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, характеризуются его методологическая основа, научная новизна, рамки работы и ее практическая значимость.

В главе первой, «Начальный период творчества кинооператора Сергея Исраеляна», рассматриваются основные этапы развития как операторского искусства Армении, так и становление и развитие авторского почерка оператора С. Исраеляна.

Вопросам внедрения искусства кино в культуру Армении и рассмотрению «поэтапного» развития светописного искусства, начиная с 1907г. до наших дней, посвящена представленная в данной главе краткая история операторского искусства Армении.

История армянского кинематографа тесно связана с историей советской операторской школы, с ее становлением и развитием. Развитие кинематографа в Армении восходит к периоду установления Советской власти в республике в 1920 году (до этого киносъёмки в Армении носили случайный характер); первые киносъёмки в Армении относятся к 1907 году: на киноплёнке были запечатлены похороны католикоса всех армян Мкртича Хримяна. В годы Первой мировой войны хроникёры снимали отдельные эпизоды боёв на Кавказском фронте, трагические события жестокой расправы турецких властей с армянским населением, массовый исход армян из Турции в Россию. А в 1920 году оператор А. Лемберг запечатлел события, связанные с установлением Советской власти в Армении.

Первый армянский игровой фильм «Намус» (1925г., реж.-пост. А. Бек-Назаров) оператором С. Забозлаевым был снят статичной камерой. Для этой ленты характерны крупноплановые композиции, снятые оператором контрастным светом, резко подчеркивающим теневые участки в кадре. А в таких фильмах, как «Зарэ» (1926г., реж.-пост. А.Бек-Назаров, опер.-пост.

А.Яловой, Г.Бекназарян), «Шор и Шоршор» (1926г., реж.-пост. А.Бек-Назаров, опер.-пост. А.Яловой, Г.Бекназарян), «Хас-Пуш» (1927г., реж.-пост. А.Бек-Назаров, опер.-пост. Н.Анощенко), авторы отдают предпочтение изображению сюжетно-важного действия на переднем плане кадра. Фильм «Хас-пуш» построен по принципу эстетики документальной камеры. Авторы стремились к предельной достоверности изобразительного ряда, в нем немало «авторских» съемок и даже прямой деформации реального объекта.

В 1935 году, по приглашению киностудии «Арменфильм», Дмитрий Фельдман снял картину «Пэпо» (реж.-пост. А. Бек-Назаров) – первый звуковой национальный фильм, явявший собой ценный вклад как в армянское, так и советское киноискусство.

Для воплощения замысла каждого фильма Д. Фельдман использовал освещение как серьезное художественно-выразительное средство, способствующее передаче на экране тонкостей актерской игры, эмоциональной атмосферы. Другая отличительная особенность его творческого почерка – это умение прочувствовать идейную концепцию сценария, глубоко вникнуть в режиссерскую трактовку, добиваясь лаконичной выразительности кадра. Замечательный свет, чистота линий, отказ от обыгрывания экзотики, живописность – вот что характеризует работу Фельдмана в этом фильме.

В 1940 году на экранах страны появился фильм «Храбрый Назар» (реж.-пост. А. Мартиросян), оператором которого является Сергей Геворкян. В этой ленте режиссера и оператора привлек колорит армянского фольклора. Операторская работа в этой картине была огромной. Благодаря С. Геворкяну на экране возник поистине сказочный мир.

Новаторской была работа С. Геворкяна и в другом фильме – «Из-за чести» (1956, реж.-пост. А. Ай-Артян), в котором образы складываются из целой галереи портретов. Оператор создает световую характеристику для каждого персонажа. Наиболее драматичные состояния героев фильма переданы крупными планами, и особенно запоминается крупный план финального эпи-

зода – охваченное страхом лицо отца, ставшего причиной самоубийства дочери.

Неоценим вклад, внесенный в операторское искусство в 50-е гг. XX в. Арташесом Джалаляном и Жирайром Вартаняном. Мастерство оператора Джалаляна проявилось в большей степени в съемках портретов. Он изобретательно и со вкусом ставил свет, с помощью которого лица актеров «шлифовались» им в зависимости от задачи, диктуемой драматургией фильма. А Ж.Вартанян часто прибегал к такому творческому приему, как движение камеры, что и проявилось в полную силу в 60-е годы особенно в творчестве другого видного армянского кинооператора – Альберта Явуряна, в частности в снятом им фильме «Здравствуй, это я» (1965г., реж.-пост. Ф. Довлатян).

После XX съезда КПСС Армения, как и весь Советский Союз, переживает период общественной и нравственной свободы. В частности, в искусстве появилась возможность выразить свое субъективное отношение к миру. Уже само название картины «Здравствуй, это я» отражает новое мировоззрение, проявившееся в эти годы. Авторы говорят в этом фильме от собственного имени, чего не было в сталинскую эпоху. В 60-е годы XX в. художники заговорили о человеческом «я». Появилась «субъективная камера», которая эмоционально реагировала на происходящее перед ее объективом действие. А. Явурян в этом фильме (как и С. Исраелян в фильме «Треугольник» (1967г.)) добился «эффекта документальности». Многие кадры им были сняты «скрытой» камерой. По словам киноведа Д. Мурадяна, «это было мировоззренческое изменение, это была авторская камера, авторское кино»[1].

Переходя к цветным картинам армянского кинематографа, считаем нужным остановиться на фильме «Цвет граната», который был снят на «Арменфильме» в 1969 году кинорежиссером Сергеем Параджановым и оператором Суреном Шахбазяном. Вклад этого творческого дуэта как в армянский, так и в мировой кинематограф воистину неоценим. Если до этого художники имели дело с историей, с жизненными ситуациями, то в данном случае авторов

---

[1] Интервью от 07.08.2007, данное автору диссертации.

фильма «Цвет граната» интересует действительность, отраженная во внутреннем мире человека, – душа поэта. Изобразительная культура у С. Шахбазяна во многом обусловлена традициями армянской миниатюры. Если взглянуть на древние армянские рукописи, расписанные средневековыми художниками-миниатюристами, то можно сказать, что выбранный режиссером и оператором изобразительный язык восходит к этой эстетике, «приводя в движение живопись», преобразуя ее в яркие и разноцветные образы-символы. В данном случае живопись трансформируется в кинематограф.

С этой картиной перекликается снятый через много лет, в 2001 году, режиссером Эдгаром Багдасаряном и оператором Ваагном Тер-Акопяном фильм «Страна святых обрядов», который выделялся среди других как в тематическом, так и изобразительном плане. Камера В. Тер-Акопяна в фильме «Страна святых обрядов» субъективна. Она «смотрит» под определенным личностным углом. Именно с ее помощью оператор создает песнь о своей родине, о ее многовековой культуре.

Заслуживает высокой оценки и работа В. Тер-Акопяна в кинокартине «Мариам» (2005г., реж.-пост. Э. Багдасарян). Его камера не поддается всяким модным веяниям, она погружается в атмосферу этой ленты и растворяется в ней.

В данной главе рассматривается также путь к формированию авторского почерка кинооператора Сергея Исраеляна.

С. Исраелян начал свой путь с фотографии. На его черно-белых фотографиях уже прослеживаются тенденции композиционного построения кадра, которые в дальнейшем сформировали его операторский почерк.

В 1955г. С.Исраелян, окончив школу, был принят на киностудию «Арменфильм» в качестве ассистента операторов С.Геворкяна, Ж.Вартаняна, в дальнейшем и Д.Фельдмана, способствовавших его становлению.

Первую самостоятельную работу С. Исраелян снял в 1962 году, будучи студентом третьего курса операторского факультета ВГИКа. Это был даже не короткометражный художественный фильм, а его 120-ти метровая курсовая

работа (Работа № 4 по курсу «Киноосвещение» «Портретный этюд» (черно-белый) – фрагмент «Номер гостиницы» из фильма «Дама с собачкой» по А.П.Чехову). С. Исраелян задался целью так построить всю изобразительную часть эпизода, чтобы в создаваемых зрительных образах глубже раскрыть и подчеркнуть психологическое состояние персонажей. Здесь С. Исраелян работал в основном крупными планами, снимая в низкой тональности и передавая при этом эффект лунного света и горящей свечи, создающий особый характер освещения декорации.

В 1963 году С. Исраелян приступил к съемкам художественного фильма режиссера Армана Манаряна «Артист» и был вторым оператором у корифея советского кино Д. Фельдмана. Этот фильм можно отнести как к фильмографии Д. Фельдмана, так и С. Исраеляна, ибо С. Исраелян в немалой степени способствовал стилистическому своеобразию отснятого материала, работая на натуре и в интерьере как при дневном освещении, так и ночном.

В 1964 году кинорежиссер Генрих Малян предложил С. Исраеляну снять вместе с ним новеллу «Мнимый доносчик» по одноименному рассказу Ерванда Отяна для киноальманаха «Мсье Жак и другие». В этой картине «прочитываются» одновременно две линии. С одной стороны, робость, известная скованность дебютанта, не желающего расстаться с надёжной, классической школой, а с другой – ищущее экспериментальное начало. Можно сказать, фильм составлен из многих графических портретов. С.Исраелян, не нарушая классических законов композиции в создании изобразительного ряда фильма, использовал светотеневое освещение. Однако движение камеры также не было самоцелью. Камера приходила в движение, исходя лишь из драматургических задач картины. В этом фильме С.Исраелян выступил как состоявшийся оператор, нашедший изобразительный пласт кинокартины и не изменивший при этом законам классической школы операторского искусства.

В данной главе на примере фильмов «Треугольник» (1967г., реж.-пост. Г.Малян), «Мосты через забвение» (1969г., реж.-пост. Ю.Ерзинкян), «Терп-

кий виноград» (1973г., реж.-пост. Б.Оганесян) дается анализ творчества оператора С.Исраеляна в черно-белом кинематографе.

В фильме «Треугольник», как, впрочем, и во всех последующих, кинокамера С. Исраеляна не поражала эффектами, контрастами, а была ненавязчива и порой столь незаметна, что, казалось, ее и нет вовсе. В этой картине перед зрителем предстает не живопись, а графика. С.Исраелян ограничивает себя и в изобразительных средствах, оставляя в своей палитре только два цвета: чёрный и белый. Благодаря этому самоограничению изображение становится выпуклым, объёмным и рельефным, а портреты, подчеркнутые особой внутренней динамикой – более выразительными.

Не удивительно, что одной из особенностей визуального ряда фильма является нарочитая иллюстративность кадров, напоминающая снимки провинциального фотографа. Герои фильма словно лишены среды, и, возможно, в силу этого зритель долго не может определить, в какие же годы происходят события.

Художественно осмыслен принцип композиционного построения кадров, проходящих по всей картине, что особенно видно в групповых портретах кузнецов – это, как правило, тесные фронтальные композиции, подчеркивающие близость, дружбу этих людей.

Оператор и режиссёр отказались от декораций, которые могут отвлечь внимание зрителя, чтобы дать возможность прислушаться к каждому слову, к паузам, проследить за мимикой. Не было никаких необычных точек съёмки, никакого эффектного освещения. Разве что камера, двигаясь на рельсах, наезжая или отъезжая, иногда помогала актёрам играть. И действительно, с помощью полутеневого или бестеневого освещения снятые на этом фоне портреты были выразительными, яркими и живыми.

После фильма «Треугольник» в 1968 году С. Исраелян приступил к съемкам картины кинорежиссера Юрия Ерзинкяна «Мосты через забвение». Снятые С. Исраеляном кадры отличаются особым музыкально-изобразительным единством, например, новелла о мостах или долгий кадр пляжа в финале. А в

прекрасной белой зимней концовке, снятой смещенной оптикой в окрестностях Ахпата, видим тонкую филигрань застывших на морозе заснеженных деревьев.

В другом черно-белом фильме – «Терпкий виноград» – для создания в изображении тонкой, богатой полутонами гаммы, дающей возможность передать на экране реалистичность происходящих в фильме событий, С. Исраеляну приходилось снимать все натурные кадры на рассвете.

В эпизоде, которым начинается фильм, С. Исраелян использовал панораму «сопровождения» с применением трансфокатора. Утренний туман, став основным элементом композиционного построения кадра, «разбавляет» его цветовую насыщенность, меняя светотональное соотношение снимаемых объектов, что дает оператору возможность с помощью воздушной перспективы придать кадру глубину.

В главе второй, «Работа Сергея Исраеляна в документальном и телевизионном кино», рассматриваются особенности стилистики С. Исраеляна в неигровом и телевизионном игровом кино.

В данной главе на примере двух фильмов – «Песни песней» (1968г., реж. А. Зурабов) и «Приглашение на танец» (1975г., реж. А.Айрапетян, С.Исраелян), в корне отличающихся друг от друга (картина «Песни песней» выявляет С. Исраеляна в основном как поэта-светописца, а основой фильма «Приглашение на танец» стала хроникальная съемка) – дан анализ творческих исканий С. Исраеляна в неигровом кино.

Во время съемок фильма «Песни песней» режиссер и оператор добивались особой ритмичности, «текучести» изображения. Фильм черно-белый, и это изначально было предусмотрено авторами, ибо черно-белое изображение дает возможность избежать привычного для зрителя восприятия природы как некой самостоятельной красивой материальности. Для авторов этого фильма природа обретает качество материализованной духовности, и каждый изобразительный элемент является живым носителем состояния мира, созвучного чувствам, выражающим нюансы человеческой души.

Если в фильме «Песни песней» камера С. Исраеляна была «лиричной», то в цветном фильме «Приглашение на танец» она, на первый взгляд, являла собой «репортажную камеру». В этой ленте оператор создает эффект живого человеческого глаза, что и делает зрителя полноправным участником событий, происходящих на экране. Весь изобразительный пласт фильма был основан на таком приеме, который можно назвать «эффектом присутствия». «Эффект присутствия» здесь достигается благодаря тому, что практически весь фильм оператор снял, держа камеру в руках. Фильм насыщен панорамами, наездами и отъездами камеры, словом, вся изобразительная часть ленты основана на таком композиционном элементе, как движение камеры. Снимая крупные планы длиннофокусным объективом, оператор выносит на передний план кадра какую-то деталь, находящуюся в нерезкости, придавая изображению глубину с помощью оптической перспективы.

С. Исраелян, будучи оператором игрового кино, метод работы которого во многом отличается от специфики неигрового кинематографа, внес свой неповторимый вклад и в развитие армянского документального кино.

В этой главе рассматривается эволюция изобразительной культуры армянского телевизионного игрового кино на примере снятых С. Исраеляном телефильмов «Утес» (1973г., реж.-пост. В. Аджемян), «В горах мое сердце» (1975г., реж-пост. Л.Григорян), «Аревик», (1978г., реж.-пост. А. Айрапетян, А. Агабабов) «Капля меда» (1982г., реж.-пост. Г. Малян).

В черно-белом фильме-спектакле «Утес» с точки зрения формата киноязыка мизансцены скорее театральны. Однако авторы и не скрывали того, что они изначально придерживались эстетических принципов театрального искусства, тем более, если учесть, что режиссер этой ленты В.Аджемян в 1944г. поставил пьесу «Утес» на сцене ереванского Государственного академического театра им. Г. Сундукяна.

Сохранив все нюансы театральной мизансцены и расширив пространственно-временные ориентиры постановки, авторы фильма вынесли сценическое действие за пределы театральных кулис.

Для съемок этой картины С. Исраеляну пришлось в некоторой степени отойти от ранее выработанной им стилистики. Во-первых, его камера стала более раскрепощенной, во-вторых, ему, как светописцу-портретисту, во многих сценах пришлось отказаться от крупноплановых композиций, больше используя общие планы.

Экранизация пьесы В. Сарояна «В горах мое сердце» представляла определенные трудности. Специфическая театральность, притчеобразный характер происходящего, а также своеобразная поэтика сарояновской прозы – все это требовало очень точного и тонкого изобразительного решения, нашедшего отражение в крупных планах, снятых С. Исраеляном в основном фронтальными, плоскими композициями.

Характерной особенностью творческой манеры С. Исраеляна был также синтез музыки и изображения. Начиная со съемок этого фильма, С. Исраелян стал «строить» кадр, используя движущуюся камеру с учетом закадрового музыкального сопровождения.

Говоря о сценах, снятых на натуре, следует отметить, что С. Исраеляну пришлось вести все натурные съемки под искусственным навесом (затенителем) либо в пасмурную погоду в целях достижения свето- и цветотонального изображения без каких-либо лишних, отвлекающих теней. Тем самым он смог добиться объемности при изображении лица и фигуры актеров.

В фильме «Аревик» камера оператора живо и эмоционально рассказывает обо всем, что оказывается в поле ее зрения. То она по-своему «лирична», когда разгуливает вместе с героиней по улицам города, то «растерянна», когда героиня попадает в драматичные ситуации. Камера дышит, живет вместе с персонажами фильма, фиксирует их мимику, всматривается в их глаза. И это не схематичные операторские приемы, это отношение к жизни и человеческим поступкам, это мировидение, в котором нет места равнодушию, наконец, это нравственная позиция оператора, утверждающего, что «хуже войны может быть только безразличие»[2]. Если во время съемок фильма «В горах

---

[2] Галоян С. Нельзя купить национальную культуру. // «Ерекоян Ереван» – Ереван: 08.04.1993.

мое сердце» камере С. Исраеляна местами присуща некая отстраненность, то фильм «Аревик» изобилует «глубокими» кадрами, характерными для стилистики фильма «Утес».

В этом фильме, как и в предыдущих работах С. Исраеляна, пейзажи передают психологическое состояние героев картины. Его «пейзажи-образы» стали вспомогательным композиционным элементом эпизодов, имеющим непосредственное смысловое содержание, рассчитанное на чувственное восприятие. А световая «палитра» оператора, в свою очередь, подчинилась драматургии ленты.

Фильм «Капля меда» в основном снимался с одной «точки» общими планами, а композиции кадров были фронтальными. При съемках этого фильма-спектакля С. Исраелян придерживался эстетических принципов театрального искусства. Но это вовсе не означает, что его камера была пассивной и лишь фиксировала на пленке эти театральные мизансцены. В таком случае картина превратилась бы в скучное полотно с разворачивающимся во времени действием, а фильм потерял бы свою кинематографическую специфику. Поэтому режиссеру и оператору пришлось, сохраняя специфику театра, наполнять фильм специфическими приемами экранного зрелища, такими, как ракурс, панорамы, наезды и отъезды. Несмотря на то, что все происходит на натуре, камера С. Исраеляна помещена в «закрытый квадрат» театра. Она, как зритель, сидящий в зрительном зале, наблюдает за разворачивающимся на «сцене» действием. И система К. Станиславского (главенство актера) в этой ленте нашла яркое воплощение, поскольку актер на первом плане становится основным объектом внимания зрителя.

В главе третьей, «Анализ творчества оператора Исраеляна в области цветного игрового кинематографа», содержится анализ цветных игровых художественных фильмов «Хатабала» (1971г., реж.-пост. Ю. Ерзинкян), «Наапет» (1977г., реж.-пост. Г. Малян), «Пощечина» (1980г., реж.-пост. Г. Малян), в которых С. Исраелян выступил в качестве оператора-постановщика.

Переход к цвету был связан в первую очередь с тем, что, работая с художниками М. Аветисяном, Р. Элибекяном и Р. Бабаяном, С. Исраелян стал наполнять свою палитру «красками» как армянских, так и зарубежных мастеров живописи. Такая позиция была обусловлена необходимостью создания оператором правдивой среды средствами художественной эстетики того исторического периода, о котором рассказывали фильмы.

Колорит этих лент во многом зависел от творческой близости оператора и художников, ибо цветовой замысел декорационного комплекса (в том числе) являлся результатом их совместных творческих поисков. Цвет открыл для светописца новые творческие возможности не только в изобразительном решении фильма, но и в драматургии. И не случайно, что после съемок цветного фильма «Хатабала» С. Исраелян снял два черно-белых игровых фильма («Терпкий виноград», «Утес») и лишь в 1977г., исходя из эстетических задач изобразительного решения картины «Наапет», он вновь «вернулся» в цветное кино.

Определенные национальные традиции армянской живописи стали художественно-эстетической базой для армянского операторского искусства, и эта тенденция особенно ярко отражена в ленте «Хатабала» Ю.Ерзинкяна.

В фильме «Хатабала» все изобразительные компоненты так органично слились воедино, что было бы неверно отделять работу оператора от работы художников-постановщиков. Все элементы декораций, решенные в одном световом ключе, вся цветовая гамма кадров стали теми неотъемлемыми деталями, которые и создают колорит всего изобразительного пласта картины. Потребовалась длительная подготовка к съемкам – выбор натуры и интерьера, их цветовая организация, и в этом велика была заслуга художников Минаса Аветисяна и Роберта Элибекяна. Художники и оператор связанные с цветом изобразительные вопросы решили в стиле полотен художника XIX века Акопа Овнатаняна, дабы воскресить на экране дух старого Тифлиса.

Все самые удачные сцены в фильме – похороны «родственника» Замбахова, пирушки в «духане Чопура», игра женщин в лото, Хампери на фоне

проходящего по улице военного оркестра – решены в духе площадной мистерии, грубоватого народного юмора.

Камера С. Исраеляна «высвечивает» устои фальшивой морали героев сундукяновского произведения. Достаточно вспомнить доходящую до гротеска иронию в изображении оператором внутреннего убранства дома Замбахова – эти парчовые занавеси, пестрые обои гостиной и комнаты Маркрит.

Во время съемок картины «Наапет» С. Исраелян стал гораздо больше внимания уделять актерскому образу и портрету. Если в его предыдущих фильмах доминировало решение трактовки сюжетной линии, то в этой картине оператор все подчинил одной задаче – детальному воссозданию на экране актерской работы.

В операторском решении фильма превалирует образное значение пейзажа, берущее начало в картине «Терпкий виноград». Иллюстрацией сказанного являются кадры с яблоками в фильме «Наапет». Цвет решал здесь не только живописную задачу, но и драматургическую. О колористическом решении изобразительного ряда С. Исраелян писал: «Правильный выбор выразительных средств был необходим. Цветовое решение выявляло драматическое состояние души героя. Оно нужно было еще, чтоб отразить колорит времени»[3].

В этой картине многие кадры сняты «субъективной камерой», благодаря чему зритель видит все глазами героя.

В ленте «Пощечина» С. Исраелян работает в свойственной ему манере светописи. И его камера служит драматургическим задачам картины. Оператор делает цветовой акцент, с помощью которого строит динамическую композицию всего фильма. Практически во всех кадрах ощущается присутствие голубого цвета, который изначально являлся драматургической основой фильма. Найденные оператором правильные пропорции повторения одного и того же тона в ряде кадров вызывают соответствующую реакцию.

В этой картине, как и в предыдущих, С. Исраелян уделяет большое внимание съемкам портретов. Поскольку динамического действия в фильме не

---

[3] Исраелян С. В связи с выходом на экраны фильма «Наапет». // «Фильм» №33 -Ереван: 30.11.1977.

так уж и много, оператору пришлось обратиться к крупноплановым композициям, позволяющим выявить некую сказочность мышления персонажей. Для съемок портретов С. Исраеляну приходилось обращаться к живописи, и многие кадры фильма «Пощечина» были «написаны» под влиянием творчества французского художника Пьера-Огюста Ренуара. Но это отнюдь не означает, что фильм потерял свой национальный колорит, наоборот, апеллируя к французской живописи, и оператор, и художник (Рафаэл Бабаян) сумели создать композиции в стиле армянской изобразительной культуры.

В **Заключении** подводятся итоги и обобщаются основные результаты диссертационного исследования.

Если рассматривать операторское мастерство как науку, то естественно, что в нем выработаны свои законы, касающиеся света, цвета и композиции, однако они служат лишь той теоретической базой, которая, являясь отправной точкой, на практике будет постоянно видоизменяться.

В данной диссертации речь идет об операторе одной из национальных кинематографических школ могучего советского киноискусства. Армянские художники, основываясь на творческом опыте операторов других советских республик, во многом обогатили изобразительный «фонд» советского кино.

Однако творчество С. Исраеляна с его мировидением, ощущением цвета, с его своеобразной пластикой стало визитной карточкой армянского кино, заявившего о себе мировой кинематографической общественности. Эффект его лирическо-протокольной камеры в фильме «Треугольник» нашел преломление и в последующих работах оператора. Он продолжил дело своих учителей Д. Фельдмана и С. Геворкяна, не изменяя своим профессиональным знаниям и выработав на их основе свою неповторимую стилистику.

В качестве характерных черт стилистики С. Исраеляна можно выделить образно-смысловое значение пейзажа, интерьера и портрета. Его творческой манере присуща еще одна характерная особенность. Это съемки общих планов длиннофокусной оптикой, позволяющей главные объекты съемки «отделить» от второго плана, оставляя его в нерезкости, что прослеживается прак-

тически во всех снятых им фильмах. Однако несмотря на то, что изобразительные приемы С. Исраеляна постоянно менялись, в одном он был верен себе всегда: практически все натурные дневные сцены оператор снимал «сплошным» светом.

Следует подчеркнуть важную особенность авторского почерка С. Исраеляна. Традиции армянской культуры, живущие в армянских храмах, живописи, поэзии, музыке, ощутимы в изобразительной стилистике оператора. Он был первым в армянском кино, кто строил композицию кадра в стиле черно-белых фотографий и придал своим кадрам истинно армянское звучание.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию, можно сказать, что обращение к армянскому кинематографу 60-80-х годов прошлого столетия было отнюдь не случайным, ибо именно этот период являл собой новое слово, новую веху в развитии армянского кино.

В начале последнего десятилетия двадцатого века появились новые режиссеры и операторы: Вреж Петросян, Ашот Мелкумян, Айк Киракосян, Самвел Амирханян, Вааги Тер-Акопян и другие. Каждый из этих кинематографистов создал свой стиль, свою манеру операторского письма. Но после развала СССР и в период Карабахской войны создавшиеся в Армении тяжелые социально-экономические условия вынудили многих из вышеперечисленных операторов покинуть родину, ибо в 90-е годы фильмы снимались редко, да и в тяжелых производственных условиях. Сегодня армянские художники создают фильмы более красочные, с быстрым монтажным ритмом, чтобы активно завоевать внимание зрителя. Этими требованиями продиктованы эстетические особенности современного изобразительного решения фильмов. Но прежде чем построить здание, надо заложить фундамент. Именно этим обусловлен наш экскурс в историю, чтобы рассмотреть и выявить те тенденции развития, которые были сформированы в армянском кинематографе выдающейся плеядой деятелей искусства.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

1. Амбарцумян Э. «Краткий анализ творчества кинооператора Сергея Исраеляна («Треугольник»)»// «Театр Живопись Кино Музыка» № 1 / Ежеквартальный альманах Российской академии театрального искусства (ГИТИС) – М.: «ГИТИС», 2009, с. 123-138. [0,7 п.л.]

2. Амбарцумян Э. «Искусство кинооператора Альберта Явуряна на опыте фильма «Здравствуй, это я»// «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств» № 3 – М.: 2009, с. 247-250. [0,3 п.л.]

3. Амбарцумян Э. «Развитие традиций изобразительной культуры армянского фильма»// «Объединенный научный журнал» № 2 – М.: 2009, с. 37-47. [1 п.л.]

4. Амбарцумян Э. «Начало пути к формированию авторского почерка кинооператора Сергея Исраеляна»// «Объединенный научный журнал» № 6 – М.: 2009, с. 53-60. [0,8 п.л.]

5. Амбарцумян Э. «Анализ изобразительной структуры фильма «Наапет»// «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов» № 5 – Курск: 2009, с. 89-94. [0,5п.л.]

6. Амбарцумян Э. «Анализ операторской работы С.Х. Исраеляна в фильме «Мнимый доносчик»// «Кантех – сборник научных трудов», № 3 – Ереван: «Асохик», 2009, с. 183-190. [0,5 п.л.]

7. Амбарцумян Э. «Опыт работы Сергея Исраеляна в документальном кино («Песни песней»)»// «Вестник общественных наук», № 2, – Ереван: Национальная академия наук Республики Армения, 2009, с. 194-202. [0,4 п.л.]

8. Амбарцумян Э. «Слово на экране (о фильме Л. Григоряна «В горах мое сердце»)» // Мировая литературная классика на отечественном экране. Материалы 2 научной конференции, посвященной проблемам экранизации, состоявшейся 17 апреля 2009г. во Всероссийском государственном университете кинематографии им. С.А. Герасимова (ВГИК). – М.: ВГИК, 2009, с. 136-142. [0,3 п.л.]

Зак. 435-70
Тип.ВГИК

На правах рукописи

ДАЛЛАКЯН Армине Вачагановна

К. Д. БАЛЬМОНТ – ПЕРЕВОДЧИК АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Иваново – 2010

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Тяпков Сергей Николаевич
ГОУ ВПО «Ивановская государственная текстильная академия»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Страшнов Сергей Леонидович
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

кандидат филологических наук, с.н.с.
Эдельштейн Михаил Юрьевич,
ГОУ ВПО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет»

Защита состоится 30 сентября 2010 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при Ивановском государственном университете по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39, ауд. 459.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ивановского государственного университета.

Автореферат разослан ___ июня 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета **Е.М. Тюленева**

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена изучению методов и приемов К. Д. Бальмонта – переводчика армянской поэзии в контексте оригинальной художественной системы поэта и в связи с общими проблемами художественного перевода.

Значительное количество переводных текстов в творчестве К. Бальмонта делает необходимым их всестороннее научное исследование. Объективное изучение переводов поэта позволит, в той или иной мере, объяснить «парадокс» критических оценок его переводческой практики, которая и в настоящее время остается предметом острых дискуссий.

В современных исследованиях переводческая практика К. Бальмонта анализируется преимущественно в связи с общими проблемами теории перевода или истории литературы. Так, А. Г. Образцова («Волшебник или шут? Театр Оскара Уайльда»), К. М. Азадовский и Е. М. Дьяконова («Бальмонт и Япония»), В. Е. Багно («Россия и Испания»), Л. Н. Андгуладзе («Бальмонт и Грузия») и др. обращаются к переводам К. Бальмонта, исследуя проблему межкультурных связей. Ю. Д. Левин («Об исторической эволюции принципов перевода»), А. В. Федоров («О художественном переводе»), Е. Г. Эткинд («Русская переводная поэзия XX века») интересуются переводами поэта в контексте общих проблем переводоведения.

Однако в последнее время предпринимаются попытки и целостного научного осмысления переводческого метода К. Бальмонта: нельзя не отметить в этой связи монографию А. С. Ивановой «К. Д. Бальмонт – переводчик английской литературы», в которой подробно изучены переводы К. Бальмонта с английского языка, а также диссертационное исследование О. М. Серебряковой «Традиции англоязычной поэзии XIX века в лирике К. Д. Бальмонта», значительную часть которого занимает сопоставление переводов стихов английских поэтов и оригинальной лирики К. Бальмонта.

Таким образом, переводы К. Бальмонта в целом активно изучаются современными исследователями на самых разных уровнях. При этом наблюдения над переводческой манерой поэта проводятся, как правило, в рамках переводов с какого-либо одного

языка. Наше диссертационное исследование не является исключением. В настоящей диссертации специфика метода Бальмонта-переводчика рассматривается на материале его переводов с армянского языка.

Несмотря на то, что переводы с армянского языка – важная часть творческого наследия К. Бальмонта и в то же время значимое явление русско-армянских культурных связей, они лишь эпизодически становились предметом изучения. В работах И. Р. Сафразбекян, К. В. Айвазяна переводы Бальмонта лишь конспективно рассматриваются в контексте открытия армянской литературы для русского читателя[1], А. Исаакян касается творчества Бальмонта в связи с общей характеристикой переводов Аветика Исаакяна на русский язык[2], Э. Даниелян в книге «Литература русского Зарубежья (1920-1940)» обращается к переводам К. Бальмонта с армянского, говоря о разносторонности дарования поэта[3].

Все это обусловливает **актуальность** и важность предпринятого нами исследования: диссертация представляет собой первое развернутое исследование поэтики всех переводов К. Бальмонта с армянского языка.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в расширении и углублении представлений о переводческой манере К. Бальмонта: данная работа способствует изучению переводов и оригинальных стихов К. Бальмонта как целостного художественного творчества. Кроме того, диссертация расширяет и уточняет представление о русско-армянских литературных связях.

Объектом диссертационного исследования являются поэтические тексты Петроса Дуряна, Сипил, Иоаннеса Иоаннисяна, Александра Цатуряна, Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Ваана

---

[1] Сафразбекян И.Р. И.Бунин, К. Бальмонт, В. Иванов, Ф. Сологуб – переводчики антологии «Поэзия Армении» // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968; Айвазян К.В. О некоторых русских поэтах – переводчиках «Поэзии Армении» // Брюсовские чтения 1966 года. Ереван, 1968.

[2] Исаакян А. Аветик Исаакян и Россия. М., 1988. С.127-128.

[3] Даниелян Э. С. Литература русского Зарубежья (1920-1940). Ереван, 2005. С. 28-32.

Теряна, а также переводы стихов данных армянских поэтов, сделанные К. Бальмонтом, и его оригинальное поэтическое творчество.

Предметом изучения стали темы, мотивы, сюжетно-композиционные особенности, образы стихотворных переводов К. Бальмонта с армянского языка в их сопоставлении с подлинниками и оригинальным поэтическим творчеством переводчика.

Цель диссертации – на примере переводов стихов армянских поэтов прояснить особенности переводческого метода К. Бальмонта в рамках современной теории художественного перевода, показать, какое место занимают переводы армянской поэзии в контексте оригинального художественного мира поэта.

Цель определяет конкретные **задачи исследования:**

– рассмотреть основные современные теории художественного перевода, определить критерии адекватности перевода;

– воссоздать историю поэтических переводов К. Бальмонта с армянского языка;

– проанализировать художественные образы перевода и оригинала, выявляя специфику переводческого метода К. Бальмонта;

– определить степень и характер влияния на переводы с армянского языка поэтического стиля К. Бальмонта.

Методологическую базу диссертации составляют работы по теории лирики и анализу художественного текста (М. М. Бахтин, Л. Я. Гинзбург, М. Л. Гаспаров и др.), фундаментальные исследования в области теории перевода (М. Л. Гаспаров, С. Т. Золян, В. Н. Комиссаров, Ю. Д. Левин, А. В. Федоров, К. И. Чуковский, И. Левый, Ю. Найда, А. Д. Щвейцер и др.), статьи и монографии, в центре внимания которых находится поэзия К. Бальмонта (П. В. Куприяновский, Н. А. Молчанова, Е. В. Ермилова, Л. А. Колобаева, А. Пайман, И. В. Корецкая и др.).

В работе используются методы структурного и контекстуального анализа, а также герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сопоставительный анализ переводов К. Бальмонта с армянского языка и подстрочников позволяет сделать вывод о значительной трансформации оригинальных текстов. Изменения, которым подвергается исходный текст, показывают, что перевод насыщен образами и мотивами, присущими художественному мироощущению переводчика и модернистской поэзии к. XIX – н. XX вв.

2. В переводах К. Бальмонт опирается преимущественно на референциальные значения лексики оригинала, прагматические же значения или трансформируются, или игнорируются переводчиком, что приводит к изменению структуры отдельных образов и образной системы стихотворения в целом.

3. Эквивалентность переводов, выполненных в такой манере, сложно оценить однозначно. В тех случаях, когда стиль исходного текста близок стилю К. Бальмонта, перевод можно считать адекватным и точным. Тогда же, когда поэтический мир оригинала далек от переводчика, перевод оказывается вольным и излишне субъективным. Стихотворение в переводе К. Бальмонта может выглядеть вполне художественно органично, но далеко не всегда корреспондирует с оригиналом.

4. Переводы К. Бальмонта с армянского языка представляют своего рода интертекст, в котором часть образной системы связана с художественным миром поэзии армянского автора, а другая часть – с лирикой Бальмонта. Изменения, которым подвергается текст оригинала, обусловлены тем, что образная система оригинала и даже форма текста преломляется сквозь видение Бальмонта-поэта.

5. Личность переводчика ощутимо проявлена в переводимых текстах. Стихотворения армянских авторов в переводе К. Бальмонта художественно, органично встроены в контекст оригинальной лирики переводчика. Творческая индивидуальность армянских авторов при таком подходе зачастую нивелируется: личностное переживание замещается поэтической риторикой.

Научно-практическая значимость работы. Основные результаты и методы диссертационного исследования могут быть применены для изучения общих проблем теории и истории художественного перевода, для анализа творчества К. Бальмонта и подготовки изданий его сочинений. Положения диссертации могут быть использованы в общих и специальных лекционных курсах по

истории русской и зарубежной литератур, в курсах по теории перевода, истории русского символизма в вузах и школах.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в публикациях и сообщениях автора на научных конференциях и семинарах: на межвузовском научно-методическом семинаре «Актуальные проблемы русского языка и культуры речи», посвященном году Армении в России (Иваново, 2006), межвузовской научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня рождения А. Н. Карташкова (Иваново, 24 ноября 2007 г.); на Бальмонтовских чтениях (Шуя, 2008); на научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Молодая наука в классическом университете» (Иваново, 18—19 апреля 2006 г.); I Конгрессе МАПРЯЛ «Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве» (Санкт-Петербург, 15-17 октября 2008 г.); IV научно-практической конференции «Человек. Русский язык. Информационное пространство» (Ярославль, 26-28 марта 2009 г.); международной научно-практической конференции «XI Невские чтения» (Санкт-Петербург, 22-24 апреля 2009 г.).

По теме работы осуществлены одиннадцать научных публикаций. Диссертация в целом обсуждалась на заседании кафедры теории литературы и литературы XX века ИвГУ и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы и Приложения, состоящего из оригинальных текстов исследуемых армянских поэтов, подстрочного перевода к ним, сделанных автором диссертации, и художественных переводов этих произведений, выполненных К. Бальмонтом.

Основное содержание работы.

Во **Введении** обоснован выбор темы, ее актуальность и новизна, сформулированы цели и задачи исследования, охарактеризованы основные методологические принципы, отмечена теоретическая и практическая значимость полученных выводов. Кроме того, Введение содержит анализ работ, посвященных изучению переводческой деятельности К. Бальмонта.

Первая глава диссертационного исследования – **«Проблема точности художественного перевода»** – является основной

методологической частью всей диссертации. Глава состоит из двух параграфов.

Первый параграф включает аналитический обзор теоретических работ, посвященных проблемам художественного перевода. В этом разделе диссертации рассматриваются основные лингвистические, литературоведческие и культурологические теории перевода, ставится проблема адекватности и точности художественного перевода.

В нашей работе мы исходим из того, что существующие на сегодняшний день концепции не предлагают универсальной модели художественного перевода, а учитывают лишь отдельные аспекты переводческой деятельности. Каждая из рассматриваемых нами теорий касается определенных уровней формально-смысловых отношений между переводом и оригиналом и предлагает свой научный инструментарий для изучения этого вида творческой деятельности. Нам представляется, что для уяснения сути переводческого метода поэта необходимо комплексное и всестороннее изучение его переводческой практики с использованием различных методологий анализа. Приведем те, которые актуальны в рамках нашего исследования.

Коммуникативная модель перевода (разработанная в трудах немецких ученых О. Каде и А. Нойберта, своим последующим развитием во многом обязанная В. Н. Комиссарову и А. Д. Швейцеру) может быть представлена в виде следующей схемы: отправитель порождает текст, предназначенный для получателя, – переводчик, выступающий в двоякой роли – получателя и отправителя, переводит полученный текст и направляет текст перевода получателю. Схема учитывает содержание высказывания, средства языкового оформления этого содержания и коммуникативное намерение говорящего. В рамках этой концепции художественный перевод мыслится прежде всего как адекватный перевод стилистических средств: основными критериями точности перевода при таком подходе будет, во-первых, тождество единиц языка, во-вторых, тождество денотатов, и, в-третьих, тождество, условно говоря, текстового ряда (контекста) перевода и оригинала.

Интерпретативная концепция перевода (Д. Селескович, М. Ледерер) полагает, что перевод – это операция над идеями, а не

над языковыми знаками, и переводчик добирается до смысла, преодолевая языковое выражение и интерпретируя содержание высказывания. Сам процесс извлечения и перевыражения мысли происходит во многом интуитивно и в каждом случае индивидуально. Художественная форма в рамках этой теории зачастую просто игнорируется. Но в литературе форма и содержание диалектически взаимосвязаны. Художественный смысл существует лишь в той форме, в которой он высказан, в этом суть искусства. Все это говорит о том, что интерпретативная теория лишь отчасти может быть применима к описанию закономерностей художественного перевода.

Согласно теории Ю. Найды (в основе которой лежат идеи генеративной грамматики Н. Хомского), процесс перевода делится на три этапа: анализ, перенос и реструктурирование, так как Ю. Найда считает, что переводчик, вместо того, чтобы устанавливать соответствия между поверхностными структурами разных языков, между которыми, как известно, отсутствуют взаимооднозначные связи, анализирует поверхностную структуру исходного языка, т.е. преобразовывает ее в ядерные предложения (этап анализа), находит иноязычное соответствие ядерному предложению исходного языка (этап переноса), а затем путем обратной трансформации развертывает ее в поверхностную структуру языка перевода (этап расструктурирования).

Точность перевода в рамках интерпретативных теорий и теории Ю. Найды оценивается с точки зрения совпадения смыслов оригинала и перевода, а следовательно, реальное языковое содержание становится лишь первым уровнем научной критики переводного текста, за которым следуют более глубокие языковые или культурные пласты.

Адекватный перевод – это всегда баланс между следованием оригиналу и искажением первоначального текста в силу различных причин. Общие принципы смыслосохранения и смыслоразличения в переводе и оригинале могут быть названы методом перевода. Суть этого понятия впервые сформулировал В. Брюсов в 1905 году в программной статье «Фиалки в тигеле»: «Внешность лирического стихотворения, его форма, образуется из целого ряда составных элементов, сочетание которых и воплощает более или менее полно чувство и поэтическую идею художника, – таковы: стиль языка,

образы, размер и форма, движение стиха, игра слогов и звуков... Воспроизвести все эти элементы полно и точно – немыслимо... Выбор того элемента, который считаешь наиболее важным в переводимом произведении, составляет метод перевода»[4]. Этого определения мы так или иначе придерживаемся на протяжении всего нашего исследования.

Второй параграф главы посвящен рассмотрению проблемы перевода с подстрочника, так как К. Бальмонт переводил стихи армянских поэтов по подстрочнику. При таком способе перевода переводчик пытается проникнуть в поэтическое содержание иноязычного текста, имея в своем распоряжении только общее содержание, условно говоря «фабулу» текста, словарный состав, общее значение соответствующего словарного эквивалента подлинника, выраженное на языке перевода, в нашем случае – на русском языке.

Поэт-переводчик при таком подходе сталкивается не непосредственно с живой стихией другого языка, а с упрощённым «содержанием», уже выраженным на языке перевода, поэтому его задача одновременно упрощается и еще более усложняется. С одной стороны, переводчик сталкивается лишь с необходимостью художественного оформления словесного материала подстрочника. С другой – даже самый точный подстрочный перевод не может передать всех оттенков смысла художественного оригинала, и, не владея языком, их сложно уловить.

Парадокс подстрочного перевода в том, что и он сам одновременно сохраняет и искажает смысл оригинала. В подстрочнике максимально точно переведены все лексические единицы оригинального текста. Однако известно, что такой перевод далеко не всегда способен передать *художественный* смысл. Художественный перевод – это не столько перевод слов, сколько перевод именно художественного смысла, поэтому для «точности» такого перевода часто жертвуют конкретными словами, заменяя их на эквивалентные по значению лексические сочетания в языке перевода.

М. Л. Гаспаров считает, что подстрочник является своего рода «мерой точности» перевода и предлагает методику

---

[4] Брюсов В. Я. Избранные соч.: В 2 томах. Т.2. М., 1955. С.188–189.

«измерения» этой точности. Суть ее заключается в подсчете количества знаменательных слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий), сохраненных, измененных и опущенных-добавленных в переводе по сравнению с подстрочником.

Правда, точка зрения М. Л. Гаспарова на проблему подстрочного перевода не единственно возможная. С. Золян, опираясь на современные исследования в области нейролингвистики, утверждает, что перевод с подстрочника вообще нельзя считать переводом в полном смысле этого слова, «в лингвистическом смысле такая деятельность является перифразированием, то есть сугубо левополушарной деятельностью»[5].

Однако оба исследователя полагают, что лексическое отклонение от подстрочника не может считаться приближением к художественному оригиналу.

Во второй главе диссертационного исследования **«Переводы К. Д. Бальмонта с армянского языка как художественная трансформация подстрочника»** проводится анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала, что позволяет раскрыть ряд особенностей внутреннего механизма переводческой деятельности Бальмонта.

В первом параграфе главы – **«Перевод легенды «Ахтамар» О. Туманяна»** – применяя методику сопоставительного анализа М. Л. Гаспарова, мы пришли к выводу, что бальмонтовский текст в целом достаточно точно воспроизводит предметный мир оригинала. Количество идентичных и однокоренных слов оригинала и перевода преимущественно совпадают, выбор тех или иных словоформ подсказан, несомненно, подстрочником. Сохраняет Бальмонт в переводе и общие сюжетно-композиционные особенности исходного текста. В этом плане перевод Бальмонта сложно назвать неточным.

Однако есть детали, которые принципиально, на наш взгляд, отличают текст оригинала и перевода. Имеют место лексические

---

[5] Золян С. Семантика и поэтика поэтического перевода – заметки об армянской поэзии в зеркале русских переводов. Ереван, 2007. С.43–44.

несоответствия. Вмешательство переводчика в текст оригинала в основном касается добавления новых слов. Семантика включенных слов: «тьма», «чары», «лоно вод» – отсылает к неоромантической традиции, все они впоследствии станут штампами поэтического языка символистов.

Если сохраняется общая семантика слов, сохраняется их корень, меняются в зависимости от контекста оттенки значения. И в оригинале, и в переводе есть слово с корнем «тайн-», но в оригинале речь идет о «тайном укрытии», а в переводе – о «тайне любящих сердец». Очевидно, что в переводе смысл становится более абстрактным и символичным. Так, конкретные приметы пейзажа превращаются в знаки чарующей живой стихии: «остров полон прежних чар»; «свет далекий», «искры света манят лаской тайных чар», «звезды ропщут и трепещут».

При этом развернутые метафоры подлинника («волны касаются берегов, удаляются с шепотом») становятся почти поэтическим штампом: «воды плещут». В подлиннике «кажется», что «шепчутся волны» и «сплетничают звезды», то есть это лишь намек. У Бальмонта же все безоговорочно: «Звезды ропщут и трепещут». Не сохраняется и стилистический диссонанс подлинника «звезды сплетничают». То есть в этом случае можно говорить о том, что, сохраняя предметную картину, перевод Бальмонта не передает стилистических и эмоциональных оттенков образов оригинала.

Характер несовпадений во многом обусловлен восприятием древней легенды, воссозданной Ов. Туманяном, сквозь призму собственных эстетических установок и неоромантического стиля переводчика-символиста К. Бальмонта.

Во втором параграфе – «Перевод стихотворения И. Иоаннисяна «Умолкли навсегда времен былых народы...» – проводится целостный анализ перевода стихотворения И. Иоаннисяна.

Анализ показывает, что К. Бальмонт сохраняет без изменений лишь опорные, ключевые слова, которые обуславливают общий лирический сюжет текста подлинника.

Однако в переводе существенно трансформирована образная система стихотворения армянского поэта. Во-первых, К. Бальмонт придает опорным словам оригинала романтическое звучание, он сохраняет неизменным тот пласт лексики, который созвучен

модернистскому, неоромантическому мироощущению («свобода», «звезда», «бессмертие», «заря» и др.). Эти образы усложняются и становятся более развернутыми. При этом переводчик выбирает преимущественно книжную, высокую лексику в качестве эквивалента словам оригинала или даже привносит в текст высокую стилистику, которой нет у армянского поэта, поэтому перевод выглядит для русского читателя несколько риторично.

Однако парадоксально, что такой метод перевода не приводит к принципиальному искажению стиля оригинала. Дело в том, что поэтический мир И. Иоаннисяна подвергся существенному влиянию риторического стиля поэзии С. Надсона. Но и К. Бальмонт в свое время не избежал увлечения С. Надсоном. Возможно, Бальмонт, переводя гражданское по своему содержанию, риторическое по стилю стихотворение Иоаннисяна, находит такую форму перевода, которая адекватна риторической поэзии на русском языке и отчасти адекватна его собственному раннему художественному решению гражданской темы. И в том, и в другом случае перевод оказывается тесно связан с надсоновской традицией.

Думается, такие совпадения вряд ли можно назвать случайными. Пересечение художественных систем трех разных поэтов, по нашему мнению, во многом определило бальмонтовский стиль перевода данного стихотворения И. Иоаннисяна. И несовпадения с подстрочником в данном случае могут свидетельствовать о стремлении поэта более точно передать «дух» оригинала: стиль армянского поэта – условно-аллегорический, поэтому переводчику удается передать основную лирическую тональность оригинала.

В **третьем параграфе** главы – **«Стихотворения П. Дуряна «Моя скорбь» и «Она» в переводе К. Бальмонта»** – подстрочный перевод рассматривается как некий «инвариант» содержания, относительно которого можно наблюдать формальные, смысловые вариации в переводе К. Бальмонта.

Отклонения от подстрочника видны на протяжении всего стихотворного текста «Моя скорбь». Уже начиная с заглавия, Бальмонт последовательно меняет художественную ткань стихотворения. Так, ключевое слово оригинала «боль» поэт заменяет более «поэтическим» – «скорбь», что не могло не сказаться на стиле перевода: заглавие – своего рода ключ ко всему тексту.

Вслед за заглавием меняется и рефрен. У Бальмонта: «Я не о том скорблю», в оригинале: « Ո՜հ , չէ այնչափ ցավ ինձ համար» (подстрочник: О, это не так больно для меня). Уже этот семантический сдвиг подсказывает общую логику деформации смысла в переводе Бальмонта в сторону «романсового стиля» (так оценивает стиль бальмонтовских переводов с английского К. Чуковский). Переводчик изменяет и композиционное место рефрена: вместо финала строфы он оказывается в зачине.

Обратим внимание и еще на одно принципиальное различие перевода и оригинала: текст П. Дуряна на две строфы длиннее, чем текст Бальмонта. Можно только предполагать, какие причины побудили Бальмонта редуцировать эти две строфы в своем переводе. Возможно, они показались ему избыточными в смысловом отношении: еще две вариации на тему «не это боль для меня». Однако для армянского автора эти строки принципиальны, наполнены личностным смыслом.

Перевод стихотворения П. Дуряна «Она», сделанный К. Бальмонтом, также является примером последовательной трансформации подстрочника и оригинала.

Как и во всех переводах с армянского, К. Бальмонт сохраняет общую словесную канву оригинала: կույս «девушка», վարդը գարնայնի «роза весенняя», երկինք «небо» – «высь поднебесная», даже метафора, Աստված այն երկնից // Մարդ ու՞ր կը կարդար «Богом с того мира // Человек где бы читал» сохранена в переводе.

Но при сохранении деталей утрачивается метафорическая «объемность» текста армянского поэта. П. Дурян с помощью сложной системы «перекличек» создает образ взаимоотражения человека – «юной девушки» – и мира, утраченный в переводе.

Формальное, практически дословное совпадение перевода и оригинала отнюдь не означает, на наш взгляд, совпадения смыслового. В лирическом сюжете Бальмонта третья строфа – это фактически перифраз двух первых: в образе чистой непорочной девушки воплощена вся красота мира. У Дуряна третья строфа – это финальный смысловой штрих: незапятнанная красота (намек на это есть уже в первом четверостишии – девушка-девственница) – это знак высшей гармонии мира. Лирическая героиня Дуряна – часть вселенной, а не ее центр, как в переводе Бальмонта.

К. Бальмонт последовательно отступает от художественного языка подстрочника, трансформирует композицию оригинала в соответствии с собственным пониманием художественного смысла текста. Стиль переводов при этом зачастую нивелирует творческую индивидуальность армянских авторов: личностное переживание замещается поэтической риторикой и поэтическими клише. В переводах К. Бальмонта нет ощутимой разницы между эстетическими системами И. Иоаннисяна и П. Дуряна.

Четвертый параграф второй главы – **«Стихотворение В. Теряна «Наирянка» в переводе К. Бальмонта»** – посвящен одному из наиболее точных во всех смыслах переводов К. Бальмонта с армянского языка.

Перевод стихотворения «Наирянка» В. Теряна в полной мере сохраняет словарный состав оригинала. Причем совпадение можно наблюдать как на уровне отдельных словосочетаний, так и на уровне целых строк. Практически отсутствуют фрагменты, которые можно было бы назвать «вольным» переложением. В переводе Бальмонт опирается на текст оригинала последовательно. Остается неизменным лирический сюжет стихотворения, сохраняются микротемы и мотивы оригинала.

Искажения минимальны. К примеру, эпитет հրեղեն «огненный» заменен глаголом «горел», а նայվածն «взор» метонимически расширяется до «облика девы», однако это не искажает общей структуры образа.

Одна из вероятных причин точности и художественной эквивалентности перевода этого стихотворения – стремление сохранить национальный колорит оригинала. Кроме того, близость лирической эмоции армянского автора и переводчика также может служить объяснением точности бальмонтовского перевода.

В целом, сопоставительный анализ подстрочных переводов армянской поэзии и авторских переводов К. Бальмонта позволяет сделать вывод о том, что доминирующим в переводческой практике поэта является перевод, в котором сохраняются неизменными лирический сюжет стихотворения и «ключевые слова» оригинала. Вторжение «я» переводчика ощутимо на уровнях коннотативной части значения слов, стилистической окраски слова, структуры художественного образа. Иными словами, эквивалентность, точность перевода обусловлена прежде всего опорой на

подстрочник, изменения же оригинала и отступления при передаче художественного смысла согласуются с контекстом эпохи и эстетическими предпочтениями переводчика.

О художественной адекватности переводов К. Бальмонта можно говорить, на наш взгляд, тогда, когда стиль исходного текста близок стилю поэта-переводчика. В остальных случаях перевод зачастую излишне волен и схематичен. То, что К. Бальмонт при переводе привносит собственную художественную логику в текст оригинала, провоцирует парадокс оценок его переводов: языковое соответствие (совпадение на лексическом и синтаксическом уровне) не всегда приводит к тождеству художественного смысла.

Третья глава диссертационного исследования – **«Переводы К. Бальмонта с армянского языка в контексте художественной системы поэта»** – состоит из трёх параграфов.

В первом – «Соотношение семантической структуры и образной системы оригинала и перевода стихотворения Ав. Исаакяна «Колокол воли» – продолжая размышления о переводческом методе К. Бальмонта, мы обращаемся к сравнительному анализу двух художественных текстов: стихотворения Ав. Исаакяна и его перевода, сделанного К. Бальмонтом.

На наш взгляд, важно не только общее несовпадение перевода и оригинала (такое несовпадение неизбежно, особенно в художественном тексте), но и то, что именно сохраняет и искажает перевод. Такого рода анализ позволяет понять механизм трансформации художественного смысла в различном «языковом исполнении» и в различных художественных системах.

«Смыслосохранение» в тексте перевода осуществляется преимущественно за счет сохранения лексического состава оригинала. Эта тенденция прослеживается на протяжении всего текста перевода.

Что же касается закономерностей «смыслоразличения» перевода и оригинала, то здесь отчетливо наблюдается следующая тенденция: переводчик последовательно заменяет исторически конкретные образы и мотивы, связанные с освобождением и объединением Армении, на более общие романтические мотивы стремления к свободе и воле.

Переосмысление отдельных образов оригинала приводит к возникновению интертекстуальности, когда одно слово, один образ отсылает к целому корпусу стихотворений переводчика и, соответственно, входит в текст перевода уже с обогащенным комплексом смыслов, понять истинную природу которых можно только будучи хорошо знакомым с лирикой К. Бальмонта. Кроме того, в переводе возникают неологизмы, которые нехарактерны для поэзии Ав. Исаакяна, но которые – органичная часть поэтики К. Бальмонта: «златоткан», «свирепьтесь», «огнебрызгами» и т.д.

Изменения исходного смысла оригинала приводят к тому, что стихотворение армянского автора воспринимается на русском языке прежде всего в контексте поэзии символизма. Неоромантическая в некоторых своих чертах лирика Исаакяна оказывается пронизана связями на основе аллюзий с современной поэту русской символистской поэзией и прежде всего с художественной системой поэта-переводчика.

Второй параграф главы – «Образ-мотив «ручей» в поэзии К. Бальмонта и в переводах с армянского языка» – посвящен рассмотрению образа, представленного в лирике К. Бальмонта и в двух переводах с армянского языка.

То, что в поэзии символистов варьируется достаточно устойчивый круг образов и мотивов, было замечено неоднократно. Одним из таких устойчивых образов-мотивов в лирике К. Бальмонта является «ручей». Этот образ остается актуальным на протяжении всего творчества К. Бальмонта: он встречается и в раннем сборнике «Горящие здания», и в одной из последних книг поэта – «Голубая подкова».

Устойчивый комплекс смыслов, связанный с образом ручья в лирике Бальмонта, сводится к следующему: во-первых, этот образ выступает так или иначе как ипостась лирического героя, и шире – как символ поэтического вдохновения и творчества. Во-вторых, этот образ, несмотря на предельную художественную конкретность (Бальмонт старается в стихах зафиксировать все возможные впечатления от ручья: зрительные, слуховые, эмоциональные), является подлинным символом – знаком, намекающим на иное, глубинное, подлинное состояние мира. При этом ручей у Бальмонта приобретает своего рода «охранную» функцию, он ассоциируется со «светлым путем», «солнцем», «дорогой сквозь темный лес», ручей

оказывается способен «разогнать тьму» и т.д. Такая семантика образа возникает, благодаря его амбивалентности: ручей причастен к стихии воды и солнечному миру.

Каким же предстает образ-мотив «ручей» в переводах К. Бальмонта с армянского? Переводы стихотворений А. Цатуряна «Ручей» и О. Туманяна «Концерт» отчасти «вынужденные», выполненные по заказу, но то, что Бальмонт выбрал именно эти стихотворения, показательно. Центральный образ и того и другого стихотворения – это образ-мотив ручья.

Нельзя не обратить внимание, насколько близки способы создания образа в этих переводах и в лирике Бальмонта. Комплекс смыслов образа «ручей», воплощенный в оригинальном творчестве Бальмонта, находит отражение в переводах с армянского языка. В переводах стихотворений А. Цатуряна и О. Туманяна мы можем наблюдать, как пересекаются художественные миры автора и переводчика в создании единого художественного образа. Образная система оригинала (и даже национальный колорит, как в случае с текстом Цатуряна, и звуковая инструментовка поэтического впечатления, как в случае со стихотворением Ов. Туманяна) преломляется сквозь видение Бальмонта-поэта, и привычные приемы создания образа обретают иной смысл.

В третьем параграфе главы – «Перевод стихотворения Сипил «Ладан» – мы обращаемся к анализу единственного перевода женской лирики в корпусе переводов К. Бальмонта с армянского языка.

Творчество Сипил принадлежало к западной ветви армянской литературы нового времени. Характерным отличием западно-армянской литературы являлась, с одной стороны, оторванность от родной почвы, обусловленная тем, что творчество западноармянских писателей протекало почти исключительно в колониях за пределами Армении — в Константинополе, Смирне и западной Европе, а с другой стороны, тем, что на литературу турецких армян оказывала влияние уже не русская литература, а преимущественно французская и отчасти итальянская.

Как отмечают исследователи, на западноармянских поэтов рубежа XIX – XX веков оказала особое влияние «парнасская школа» французской поэзии, требовавшая прежде всего безупречности формы. Действительно, стихотворение Сипил виртуозно по форме.

Центральный образ ладана строится в стихотворении на основе сложной системы метафор. Ладан в этом стихотворении мыслится как медиатор, посредник между мирами – эмпирическим и высшим, поэтому он одновременно материален («был веществом») и бесплотен («стал запахом»), но в то же время сгорание ладана предстает как процесс умирания живого существа, одновременно «пожирающего» пламя и превращающегося в огонь («оттенки света»). Метафорическая образность последовательно подчеркивает двойную природу ладана, одновременную его причастность земному и высшему. Возникает параллель «дым ладана – рыдания и мольбы», благодаря которой ладан из элемента ритуала становится своего рода посредником между миром дольним и миром горним, воплощением людских «рыданий». При этом весь комплекс смыслов дан лишь намеком, нет даже открытого (союзного) сравнения – это лишь рядом расположенные образные ряды.

Перевод К. Бальмонта не сохраняет сложности построения центрального образа оригинала. Как можно заметить, в переводе этих двух фрагментов количество неизменных лексических единиц минимально: «колонны», «вещество», «запах», «пламя». Чаще Бальмонт прибегает к приему перевода, который получил название «модуляции или смыслового развития». Этот прием представляет собой замену слова или словосочетания оригинала единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы.

Так, в нашем случае Бальмонт исходное словосочетание գաղտուկ հեծքերու «тайным стоном» превращает в красочную метафору: «стонов тлеет страсть», а լույսի երանգով «оттенками света» становятся у Бальмонта «красочной силой». Очевидно, что при таком способе перевода разрушается структура образа оригинала и возникает иная художественная система. В переводе, благодаря семантическим трансформациям, утрачивается атмосфера таинственности, образы становятся более предметными, их художественный смысл лишается дополнительных коннотаций.

Степень изменений, однако, не одинакова на протяжении всего текста. В тех фрагментах, где используются знаки языка с преимущественно референциальным значением, перевод более точно совпадает с оригиналом. Это можно наблюдать, например, в начале стихотворения.

Поэтическое слово в переводе становится более «литературным» и в то же время более «бальмонтовским». Нельзя не заметить, что везде, где оригинал дает возможность выбора, Бальмонт выбирает лексику с коннотациями высокого стиля. Даже в том случае, если оригинал не дает вариативного прочтения, поэт-переводчик считает возможным прибегнуть к высокой лексике. Так, в оригинале: մրշուշով կ'օծէ «мглой осветят», а в переводе: «молельно осенят» Бальмонт вновь выбирает устойчивое сочетание «осенить чело» вместо авторского образа. Таинственность и загадочность образов оригинала становится в переводе почти литературным клише. В переводе сохраняется референциальное значение слов оригинала, но утрачиваются значения прагматические. Возникает иная образная система, которая требует перестройки и трансформации языка. Условно говоря, у Бальмонта выбор того или иного варианта словоформы соотносится с контекстом перевода в большей степени, чем с эстетической системой оригинала.

Стихотворение в переводе Бальмонта вполне художественно органично, но далеко не всегда корреспондирует с оригиналом. Можно, на наш взгляд, говорить о такой особенности переводческой манеры, когда собственный стиль начинает довлеть над переводчиком в большей степени, чем стиль оригинала.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего изучения темы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Даллакян А. В. Перевод художественного текста: мера точности (на материале перевода К.Д. Бальмонта стихотворения П. Дуряна «Моя скорбь») // Вестник Читинского государственного университета. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2009. №2 (53). С. 138-144. 0,6 п.л.

2. Даллакян А.В. Армянские мотивы в творчестве К. Бальмонта (предварительные замечания) // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2006. С. 114-116. 0,1 п.л.

3. Даллакян А. В. К. Бальмонт: к проблеме литературного перевода // Актуальные проблемы русского языка и культуры речи. Сборник научных трудов. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный химико-технологический университет», 2007. С. 15-20. 0,3 п.л.

4. Даллакян А.В. Образ-мотив «ручей» в поэзии и в переводах с армянского К. Бальмонта // Լրաբեր հասարակական գիտությունների = Вестник общественных наук. Научно-общественный журнал. Ереван, 2007. № 3. С. 19-28. 0,5 п.л.

5. Даллакян А.В. К вопросу об адекватности художественного перевода // Новое в преподавании языковедческих дисциплин: лексикография и методика. Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2008. С. 57-67. 0,4 п.л.

6. Даллакян А. В. Стихотворение И. Иоаннисяна «Умолкли навсегда времён былых народы...» в переводе К.Д. Бальмонта: индивидуальная манера и поэтический контекст // Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве. Материалы конгресса. Санкт-Петербург, 15-17 октября 2008 г.: В двух томах. Том I. Часть I. СПб.: Изд-во «МИРС», 2008. С. 108-112. 0,3 п.л.

7. Даллакян А. В. К. Бальмонт – поэт и переводчик с армянского // Армянские поэты в переводах К.Д. Бальмонта. Иваново: Издатель Епишева О. В., 2008. С. 24-31. 0,3 п.л.

8. Даллакян А. В. Перевод К.Д. Бальмонта стихотворения

Сипил «Ладан» как пример переводческой манеры поэта // Человек. Русский язык. Информационное пространство: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 9. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. С. 80-87. 0,5 п.л.

9. Даллакян А. В. Стихотворение В. Теряна «Наирянка» в контексте переводов К. Бальмонта с армянского языка // Язык и общество: проблемы, поиски, решения. Материалы международной научно-практической конференции научной сессии «XI Невские чтения» (22-24 апреля 2009 г.). СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2009. С. 33-38. 0,2 п.л.

10. Даллакян А. В. Соотношение семантической структуры и образной системы оригинала и перевода на примере стихотворения Ав. Исаакяна «Колокол воли» в переводе К. Д. Бальмонта // Вестник развития науки и образования. М.: Изд-во «Наука», 2009. № 3. С. 54-61. 0,3 п.л.

11. Даллакян А. В. «Ахтамар» О. Туманяна в переводе К. Бальмонта» // Солнечная пряжа: Научно-популярный и литературно-художественный альманах. Вып.3. Иваново-Шуя: Издатель Епишева О. В., 2009. С. 118-123. 0,4 п.л.

ДАЛЛАКЯН Армине Вачагановна
К. Д. БАЛЬМОНТ – ПЕРЕВОДЧИК АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 27.05.2010 г.
Формат 60*84. $^{1}/_{16}$. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл.печ.л. 1,2. Уч.изд.л.1,2. Тираж 100 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39
(4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

На правах рукописи

ЯХШИБЕКЯН
Давид Джамилович

РОЛЬ АРМЯНСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ДАГЕСТАНА С РОССИЕЙ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

Махачкала - 2010

Работа выполнена на кафедре истории России
Дагестанского государственного педагогического университета

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, профессор
Маги Нурмагомедовна Эмирова

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор
г.н с ИИАЭ ДНЦ РАН Багомед Гадаевич Алиев,

доктор исторических наук, профессор
Дагестанского государственного университета
Нина Нурмагомедовна Гарунова

Ведущая организация:
Армавирский государственный педагогический университет

Защита состоится «02» 06 2010 г в 10[00] часов на заседании Диссертационного совета ДМ002 053 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при ИИАЭ ДНЦ РАН

Адрес. 367030, РД, г Махачкала, ул М. Ярагского, 75

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук

Автореферат разослан «28» 04 2010 г

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук Ю М Лысенко

Актуальность темы. СевероВосточный Кавказ, Дагестан в частности, отличается концентрацией населения самых разных национальностей тут сосуществуют, обогащая друг друга, различные историко-культурные пласты, происходит реальный диалог культур, накоплен ценнейший опыт, что сегодня очень важно и востребовано, добрососедского совместничества, сосуществования Межэтнические контакты, формы взаимодействия вырабатывались веками Обращение к прошлому, взгляд назад, изучение предшествовавших исторических процессов имеет особое значение для кавказских народов, в духовной культуре которых историческая память занимает важное место

Чрезвычайную актуальность приобретает сегодня всестороннее освещение проблемы экономической, политической и культурной интеграции народов Северо-Восточного Кавказа и России Особая роль в этом процессе принадлежала взаимовыгодной торговле, которая являлась в изучаемое нами время не только одной из прибыльных сфер хозяйственной деятельности, но и формой образа жизни и культуры людей, населявших регион Реализуя их естественные потребности в обмене товарами, торговля была мощным фактором созидания, так как стимулировала развитие ремесел, науки, искусства, выступала и как фактор мира, так как нуждалась в политической стабильности, безопасности торговых путей Вместе с тем торговля была фактором культуры диалога, культуры цивилизованного общения, уважения обычаев и веры партнеров

Следует отметить, что территория приморского Дагестана и нижнего Притеречья извечно была контактной, интегральной зоной для народов всего Северо-Восточного Кавказа, через которую проходила древняя торговая магистраль, сообщая между собой не только страны Востока и Запада, Европу, Персию и Индию, но и народы Северо-Восточного Кавказа и России Здесь беспрерывно в течение многих столетий велась крупномасштабная транзитная торговля между Востоком и Западом, в которую были вовлечены в той или иной степени и народы Дагестана

Важная роль в развитии торгово-экономических взаимоотношений в регионе в XVIII – первой половине XIX в принадлежала деятельному армянскому купечеству, имевшему богатый коммерческий опыт и традиции Присоединение Западного Прикаспия к России в 20-е годы XVIII в активизировало ее торгово-экономическую политику в регионе Массовое переселение армян в районы Прикаспия и на Терек стало важной составляющей кавказской политики России С армянским населением правительство Петра I связывало планы решения глобального вопроса шелкового транзита из стран Востока в Европу в пользу России, а также развития экономики региона шелководства, виноградарства, виноделия – традиционных для армян занятий Со своей стороны, различные слои армянского населения, вынужденные покинуть свою родину, стремились переселиться под «сберегающее крыло» единоверной России Влившись в исконно пестрый этнический состав обитателей Прикаспия и Нижнего Терека, длительно живя среди них, армяне не только вырабатывали стойкие навыки взаимного сосуществования, но и мастерски приспосабливались к конкретным условиям, освоив, а затем и сосредоточив в своих руках столь необходимые каждому обществу навыки торговли,

превратившись во влиятельную и внутренне спаянную прослойку негоциантов-купцов

Широко применяя свои коммерческие связи в странах Востока и пользуясь покровительственной политикой российского правительства, армянское купечество сумело занять ведущие позиции в восточной торговле России через Дагестан Одновременно оно активно содействовало экономическому развитию Прикаспийского региона, а затем и всего Северо-Восточного Кавказа, глубоко проникнув на его внутренний рынок

Необходимость изучения роли армянского купечества в оживлении и развитии в XVIII – первой половине XIX в торговли с Россией и экономики Северо-Восточного Кавказа, Дагестана в частности, диктуется рядом обстоятельств

– Невозможно воссоздать сколько-нибудь достоверную ретроспективу социально-экономического развития края в изучаемое время не осветив роль и место в этом процессе армянского купечества, пожалуй, самого многочисленного и организованного на тот момент в регионе

– Изучение характера, форм, интенсивности деятельности армянского купечества по развитию региональной и транзитной международной торговли России через Дагестан представляет собой важное звено в исследовании такой актуальной проблемы как кавказская экономическая политика России в XVIII – первой половине XIX в

– Необходимость такого исследования определяется и просветительскими задачами народы региона стремятся знать как можно больше об истории своего края и народов его населяющих.

Актуальность разработки заявленной проблемы сегодня диктуется и острой потребностью показа закономерностей и особенностей многовекового опыта добрососедского сосуществования в этнически мозаичном крае представителей различных народов, объединенных общностью экономических интересов

Научная новизна. Нельзя сказать, что предмет данного исследования не привлекал до сих пор внимания дагестановедов ряд аспектов нашел отражение как в квалификационных трудах, отдельных публикациях, так и в обобщающих исследованиях В этих работах различной степени анализу подверглись различные периоды деятельности армянского купечества в регионе, степень их участия в международной и региональной торговле Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом, но тема как единая, взаимосвязанная проблема в поставленных хронологических рамках в них не рассматривалась

Научная новизна исследования определяется и тем, что в нем впервые в дагестановедении специально рассматривается проблема роли и места армянского купечества в развитии торгово-экономических взаимоотношений народов Дагестана с Россией и другими народами Северо-Восточного Кавказа, в торгово-экономическом интегрировании Дагестана и России с широким диапазоном аспектов в указанных хронологических рамках на основе комплексного изучения и использования всей совокупности имеющихся источников и литературы В работе на конкретном материале обосновывается жизненная необходимость и взаимообусловленность торгово-экономического взаимодействия народов Дагестана с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа в общем русле российско-

кавказского торгово-экономического интегрирования, процесс которого в большей степени был организован и развит армянским купечеством под протекцией Российского правительства

Новизна исследования и в том, что в нем вводятся в научный оборот малоизвестные и новые письменные и литературные источники

Выбор для исследования **хронологических рамок** XVIII – первая половина XIX в обусловлен тем, что для истории Дагестана это был цельный хронологический период, характеризующийся, несмотря на сложные политические процессы, имевшие место в регионе, стабильным расширением взаимовыгодных торгово-экономических взаимоотношений народов Дагестана с соседними народами Северо-Восточного Кавказа в едином русле русско-северокавказского торгово-экономического взаимодействия, устойчивым процессом постепенного интегрирования Дагестана в экономическую систему России, в развитии которого огромную роль играло армянское купечество Именно в этот период начало формироваться и развиваться армянское население, ставшее впоследствии неотъемлемой частью населения региона, играя неоценимую роль в его экономическом развитии

Целью диссертации является на основе комплексного анализа разнохарактерных источников с учетом последних достижений отечественного кавказоведения показать роль и место армянского купечества в развитии региональной и международной транзитной торговли и экономики Дагестана в один из сложных периодов истории в контексте торгово-экономического интегрирования народов Северо-Восточного Кавказа и России в XVIII – первой половине XIX в

В рамках поставленной цели в диссертации определены следующие **задачи:**

– Осветить кавказское направление внешней торгово-экономической политики России в XVIII в , раскрыв ее экономические интересы в Дагестане

– Показать армянское купечество в контексте внешней торгово-экономической политики России, осветив предпринятые правительством Петра I меры по переселению армян в Прикаспие

– Раскрыть причины и осветить основные этапы миграции армян с территории Закавказья, Грузии и Ирана в Прикаспие и на Терек в XVIII – первой половине XIX в

– Показать роль и место армянского купечества в развитии транзитной и региональной торговли народов Дагестана в общем русле российско-северокавказского торгово-экономического интегрирования

– Изучить ассортимент товаров и осветить основные центры деятельности армянского купечества в Дагестане

– Раскрыть роль армянского купечества в экономическом развитии Прикаспия и нижнего Терека

Методологической и теоретической основой исследования послужил принцип историзма, предполагающий изучение любого явления в конкретных исторических условиях и связях, выявление его исторической перспективы, рассмотрение его в единстве настоящего, прошлого и будущего, а также утверднв-

шееся в отечественной историографии учение об экономических взаимоотношениях, о решающей роли экономических основ для развития общества

Диссертант в своем исследовании исходил из достижений таких кавказоведов как Е Н. Кушева, А В Фадеев, Х -М О Хашаев, Р М Магомедов, С Ш Гаджиева, В Г Гаджиев, А Р Шихсаидов, Х Х Рамазанов, М Р Гасанов, Б Г Алиев, М.-С К Умаханов и др Они помогли выделить те аспекты исследования, которые являются наиболее актуальными в свете современных представлений о предмете и задачах исторической науки

Степень изученности проблемы. История армянского купечества Северо-Восточного Кавказа в XVIII – первой половины XIX в как объект научного познания в отечественной историографии освещалась в связи с изучением тех или иных вопросов истории многогранных русско-кавказских, русско-дагестанских в частности, торгово-экономических отношений Изучению различных вопросов формирования армянского населения Северо-Восточного Кавказа в контексте русско-армянских отношений посвящен ряд работ дореволюционных, советских и современных историков Следует однако уточнить, что в них получили освещение либо отдельные аспекты проблемы, либо определенные отдельные периоды и факты истории армянского населения региона.

В работах дореволюционных авторов собран и систематизирован ценнейший фактический материал, отражающий те или иные вопросы изучаемой нами проблемы Однако в современной исторической науке они традиционно рассматриваются скорее как первоисточники, нежели как собственно историографические исследования Из таких работ следует выделить труд И И Голикова, историографа «деяний» Петра Великого, в частности его Каспийского похода, опубликованный еще в XVIII в [1], в котором раскрывается политика России по экономическому освоению Прикаспия по развитию международной торговли, по налаживанию шелкового транзита из Ирана через Дагестан и Астрахань по суше и морем в Россию и в Европу Важная роль в этих процессах в планах Петра I отводилась армянскому купечеству

Не менее значимым следует признать и труд М Д Чулкова, непосредственного участника Каспийского похода, освещающий вопросы политики России в области внешней экономики, в частности ее торгово-экономической политики в Прикаспии[2] Здесь содержатся сведения о развитии русско-армянских отношений, начиная со второй половины XVII в

В 1719 г для обследования берегов и гаваней Каспийского моря Петром I был послан Ф И Соймонов, впоследствии автор ряда научных работ по гидрографии и экономическим вопросам. В 1731 г им была составлена общая карта Кас-

---

[1] Голиков И И Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам М , 1790 Ч I

[2] Чулков М Д Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен доныне настоящего и всех преимущественных узаконений В 7-ми томах СПб , 1781–1788

ния и описание Каспийского моря, где содержится богатый материал по истории торговли на Каспии[1]

Первые официальные статистические данные об армянах в России были опубликованы в труде И К Кирилова[2], видного русского ученого и государственного деятеля

В работе С Броневского[3] содержатся ценные сведения о морской и сухопутной торговле Кавказа в XVIII в, об экономике и торговле отдельных владений Дагестана и Азербайджана, о центрах международной и внутренней торговли Особо ценен для понимания реального состояния коммерции в регионе вывод этого автора о том, что в основном вся торговля в XVIII в в Прикаспии находилась в руках армянского купечества

Среди обширной и разнообразной литературы о Северо-Восточном Кавказе богатейшим обилием фактов и добротной источниковой базой отличается труд П Г Буткова[4] Автором использованы различные материалы, дипломатические, военно-исторические, мемуары и описания современников, выдержки из официальных актов, записки путешественников и участников военных и научных экспедиций по Кавказу Не обошел этот автор вниманием и историю армянского населения региона, в частности Кизляра

В трудах крупнейшего русского историка второй половины XIX в С М Соловьева сосредоточен большой фактический материал, в частности, касающийся и изучаемой проблемы Автор уделил особое внимание политике России на Кавказе, ее взаимоотношениям с Арменией, Османской империей и вопросу переселения армян в Прикаспие

Изучаемая нами проблема рассматривается в контексте русско-кавказских отношений в XVIII – первой половине XIX в В этом плане определенный интерес представляют работы А А Цагарели и С Эсадзе[5]

Для освещения поставленной проблемы интерес представляют работы Е И Козубского, посвященные древнему Дербенту и Темир-Хан-Шуре[6]

Для всестороннего изучения и понимания характера восточной экономической политики России в XVIII в, для показа в динамике процесса торгово-экономических отношений России с народами Прикаспия и доли участия в этом процессе армянского купечества нами были задействованы и труды отечествен-

---

[1] Соймонов Ф И Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великаго СПб, 1763

[2] Кирилов И Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизученными трудами Петр Великий, отец Отечества, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая Кн 1, 2 М, 1831

[3] Броневский С Новейшие географические и исторические известия о Кавказе М Тип С Селивановского М, 1823 Ч I–II

[4] Бутков П Г Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год В 3-х частях СПб, 1869 Ч 1

[5] Цагарели А А Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII столетиях СПб, 1891, Эсадзе С Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе Тифлис, 1913

[6] Козубский Е И Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // СМОМПК Тифлис, 1894 Вып 19, Он же История города Дербента Темир-Хан-Шура «Русская типография В М Сорокина», 1906

ных историографов более раннего периода Ценной работой в этом плане является труд известного дореволюционного историка Н Костомарова, посвященный изучению торговли Русского государства в XVI–XVII столетиях, где большое место отводится вопросами восточной торговли[1]

Становление советской историографии отличается резко критическим подходом к взглядам дореволюционных историков и мероприятиям России на Кавказе В это время выходит в свет «Русская история с древнейших времен» М Н Покровского, который впервые затронул проблему восточной политики России По его мнению противоречия между Россией и Османской империей в противостоянии за сферы влияния на Кавказе являлись порождением экономической политики царской России на Востоке, в частности, ее борьбой за господство в области торговли шелком

В труде последователя этой концепции В П Лысцова[2] подробно освещены экономические предпосылки Каспийского похода Петра I, раскрыты экономические потребности русской мануфактурной промышленности в восточном сырье В этом плане заслуживают внимания и работы Б Б Кафенгаузена, В И Лебедева, В Н Левиатова, Е В Тарле, Н А Смирнова, Н Н Молчанова, в которых освещена внешняя политика и дипломатическая деятельность Петра I, в частности на Кавказе, вопросы образования внутреннего рынка России и его связи с восточными государствами[3].

Без глубокого анализа и осмысления становления и развития экономических связей России с ее юго-восточными окраинами, а также русско-кавказской торговли невозможно осознать значение такого глобального события как включение северокавказских народов в государственную и экономическую систему Российской империи В связи с этим необходимо отметить такие фундаментальные труды советских историков, как Е Н Кушева, О.П Маркова, Н П Гриценко, В Г Гаджиев и др

Главные исследовательские интересы Екатерины Николаевны Кушевой фокусировались на проблеме истории взаимоотношений России с народами Северного Кавказа Акцентируя внимание на политических предпосылках русско-кавказского сближения, Екатерина Николаевна подчеркивала его экономические факторы[4]

---

[1] Костомаров Н Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях СПб, 1862

[2] Лысцов В П Персидский поход Петра I 1722–1723 М, 1951

[3] Кафенгаузен Б Б Внешняя политика России при Петре I М, 1942, Лебедев В И Поход Петра Великого в Персию / ЖМНП 1948 № 10 Ч 60 Отд 2, Его же Внешняя политика Петра I М Высшая дипломатическая школа МИД СССР 1949, Левиатов В Н Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке Баку, 1948, Тарле Е В Русский флот и внешняя политика Петра I М Воен изд-во МВС СССР, 1949, Смирнов Н А Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв М Изд-во соц -эк литературы, 1958, Бобылев В С Внешняя политика России эпохи Петра I М Изд-во УДН, 1990, Молчанов Н Н Дипломатия Петра Великого 3-е изд М Междунар отнош, 1990

[4] Кушева Е Н Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв Махачкала 1954, Она же Народы Северного Кавказа и их связи с Россией М Изд-во АН СССР, 1963

В монографии А В Фадеева[1] изучены вопросы экономического освоения Россией районов Степного Предкавказья в дореволюционный период, в частности показаны характер и методы политики царизма, значение региона как источника сырья и объекта сбыта российских товаров

Значительный интерес представляют труды Н П Гриценко[2], в которых обстоятельно освещается экономическое развитие народов Притеречья, большое внимание уделено развитию торговли народов региона с Россией, исследуется история городов Прикаспия, т е того региона, где и было сосредоточено армянское купечество, освещается их исключительная роль в развитии восточной торговли России

Из работ советских историографов особо следует выделить монографическое исследование О П Марковой, где на конкретном фактическом материале показана экономическая политика России на Кавказе и в Закавказье и освещается торговля России с Закавказьем и Ираном, приводятся интересные данные о морской и сухопутной торговле России вдоль западного берега Каспийского моря через Кизляр и Астрахань, основной удельный вес в которой приходился на армянское купечество[3]

Этой же теме посвящены и публикации Н Г Кукановой[4] и А И Юхта[5], основанные на богатом архивном материале

Несомненный интерес представляет монография Н Б Голиковой[6], в которой на материалах городов Нижнего Поволжья, в частности Астрахани, освещается роль в развитии восточной торговли значительной армянской диаспоры, сложившийся к концу XVII в в Астрахани

Одним из первых исследователей, обратившихся к проблемам истории появления и интеграции в событийную канву социально-экономического развития Притеречья в XVIII в армянских переселенцев являются известный кавказовед профессор В Б Виноградов и представители его научной Школы Их творчество вылилось в ряд важных, будирующих дальнейшие научные поиски, публикаций, в которых в той или иной мере рассматриваются различные аспекты истории ар-

---

[1] Фадеев А В Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореволюционный период М Изд-во АН СССР 1957

[2] Гриценко Н П Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в // Труды ЧИНИИ ИЯЛ Грозный, 1961 Т IV, Он же Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V – серед XIX века Ростов-на-Дону, 1984

[3] Маркова О П Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке М Наука, 1966

[4] Куканова Н Г Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в // Исторические записки М Изд-во АН СССР, 1956 № 57 С 232–254

[5] Юхт А И Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII века // История СССР М, 1961 № 1 С 131–146, Он же Торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в // Историческая география России XVII – начало XVIII в М, 1975 С 177–192, Он же Торговля России со странами Востока во второй половине XVII в и армянское купечество // Историко-филологический журнал АН Арм ССР 1981 № 2 С 85–106

[6] Голикова Н Б Очерки истории городов России конца XVII – начала XVIII в М, 1982

мянского населения региона, в частности Кизлярщины[1] Н Н Великая рассматривая в своих исследованиях демографические процессы на территории Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв, подробно освещает процесс экономического освоения региона армянами и другими переселенцами[2] В монографии Б В Виноградова, посвященной исследованию особенностей российской политики на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века, освещаются проблемы кавказской политики России в отношении закавказских, в том числе армянских, переселенцев в регионе[3]

Нельзя обойти вниманием статью известного кавказоведа-этнографа Н Г Волковой, посвященную истории появления и расселения армян на Северном Кавказе до начала XX в [4], в частности в Дербенте, в большинстве своем купцов, обслуживающих т н «шелковый транзит» между Россией и Прикаспием через Дербент и Астрахань еще в XIV–XVI вв

Проблемам социально-экономического, общественно-политического и культурного развития армян-переселенцев в России и на Северном Кавказе посвятили свои исследования Ц П Агаян, Ж Ананян, Л А Погосян, В А Хачатурян и др.[5] Из них особого внимания заслуживает исследование армянского историка Л А Погосяна, в котором дан анализ всех сторон жизни северокавказских армян В огромном обобщающем фолианте, посвященном истории и культуре армянского народа с древнейших времен до начала XIX в, мы обнаруживаем материалы, наблюдения и выводы конкретно об армянском купечестве в Прикаспии, и на Северном Кавказе, об их коммерческих традициях и торговых связях на Востоке и в России[6]

Из работ дагестанских ученых особое место следует отвести фундаментальной монографии известного дагестанского историка В Г Гаджиева[7], в кото-

---

[1] Виноградов В Б «Уголок России, отчий дом » Очерки истории Тарумовский степей и Кизлярщины Армавир–Кизляр, 1996, Виноградов В Б, Великая Н Н, Нарожный Е И На терских берегах Очерки об исторических группах старожильческого населения Среднего Притеречья Армавир, 1997, Нагапетян Г Ю К истории низовьев Терека Исторические чтения, посвященные 30-летию Кизлярского краеведческого музея им П И Багратиона Кизляр, 1991

[2] Великая Н Н К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв Армавир, 2001

[3] Виноградов Б В Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг Славянск-на-Кубани, 2006

[4] Волкова Н Г О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX в // Историко-филологический журнал Ереван, 1966 Т 3 (34)

[5] Агаян Ц П Роль России в исторических судьбах армянского народа М, 1978, Ананян Ж А Армянская колония Григориополь Ереван, 1969, Хачатурян В А Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII в // Известия АН Армянской ССР (обществ науки) 1965 № 7, Погосян Л А Армянская колония Армавира Ереван, 1981, Айрапетян В Л Из истории поселения армян на Северном Кавказе и их роль в торгово-экономической деятельности // Вестник архивов Армении 1974 № 1

[6] Тер-Саркисянц А История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XX в М «Восточная литература» РАН, 2005

[7] Гаджиев В Г Роль России в истории Дагестана М Наука, 1965

рой большое внимание уделяется процессу присоединения к России восточных дагестанских областей, а также рассматриваются важные аспекты экономической политики России в Западном Прикаспии Монографию этого автора, посвященную критическому анализу источника XVIII в – сочинения И -Г Гербера[1], непосредственного участника событий Каспийского похода Петра I, трудно переоценить в плане изучения истории многоаспектных взаимоотношений России с народами Северо-Восточного Кавказа, Дагестана в частности Большое внимание в ней отводится и политике России по переселению армянского населения в регион, его торгово-экономической деятельности

Нельзя не отметить и важные для нашего исследования работы Ф З Феодаевой[2], посвященные различным аспектам истории русско-дагестанских политических и экономических взаимоотношений во второй половине XVIII – начала XIX вв На основе широкого круга источников, извлеченных автором как в центральных, так и в республиканском архивах, автор рассматривает гибкую торгово-экономическую политику России в Дагестане, освещает ассортимент товаров с обеих сторон, основные торговые центры, подчеркивает обоюдную заинтересованность России и народов Дагестана в дальнейшем усилении этих связей, показывает огромное значение торговли для развития экономики и производительных сил края, высвечивает место и роль в этом процессе армянского купечества

Исследователь-краевед Д С Васильев в своей книге[3] с привлечением широкого круга малоизвестных источников показал как формировался исконно пестрый этнический состав обитателей нижнетерских берегов В работе освещаются сложные процессы колонизации региона различными этническими группами, в частности армянами Значительная часть книги Д С Васильева посвящена городу Кизляр от его возникновения до начала XX в Автору удалось показать неповторимое лицо и яркую специфику «русской столицы на Кавказе» Большое внимание отводится показу процессе взаимовыгодной торговли, осуществлявшейся в Кизляре и через Кизляр с народами Северо-Восточного Кавказа, Дагестана в том числе, с одной стороны и с Россией – с другой

Для правильного понимания некоторых ключевых аспектов кавказской политики Петра I, а также русско-дагестанских взаимоотношений в изучаемый период немаловажное значение имеют работы М Р Гасанова[4]

---

[1] Гаджиев В Г Сочинение И Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курою находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа М Наука, 1979

[2] Феодаева Ф З Русско-дагестанские отношения во II пол XVIII – нач XIX вв Дисс канд ист наук Махачкала, 1973, Она же К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в // Уч зап ИИЯЛ Даг ФАН СССР Махачкала, 2965 Т 14, Русско-дагестанские отношения во II пол XVIII – нач XIX вв М , 2009

[3] Васильев Д С Очерки в истории низовьев Терека Досоветский период Махачкала, 1986

[4] Гасанов М Р Дагестан в истории Кавказа и России Махачкала, 2004, Она же Каспийский поход Петра I – важный этап в истории российско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа Ростов-на-Дону, 1995 № 2–3

Вопросы торгово-экономических отношений древнего Дербента и народов Южного Дагестана с Россией в XVIII – начале XIX вв освещаются в трудах Н А Магомедова[1] Его работы имеют большое значение для понимания многих с вопросов, связанных с деятельностью в Прикаспии армянского купечества

В квалификационных исследованиях А К Киласова[2] и Е И Иноземцевой[3] значительное место отводится освещению деятельности армянского купечества в Прикаспии, его роли в развитии русско-дагестанской торговли Исследования эти базируются на богатом архивном материале, извлеченном авторами в Дагестанском Республиканском и Астраханском областном архивах, а также на литературных источниках

Истории же непосредственно армянского купечества, его роли и места в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений посвящен ряд статей Е И Иноземцевой[4], уделено внимание этой теме и в ее монографии[5]

Квалификационное исследование Д В Аганесовой посвящено истории армянской диаспоры Нижнего Терека в XVIII–XIX вв[6] Впервые в отечественной историографии было предпринято изучение политических и экономических предпосылок формирования армянской диаспоры в низовьях Терека, особенностей ее социально-экономической и политической жизни и, что особенно важно, разнообразных хозяйственно-экономических связей с народами Дагестана и Северо-Восточного Кавказа, показана степень участия армян в экономической жизни региона Позднее материалы этой диссертации послужили основой ее монографии в соавторстве с И А Суздальцевой, в которой помимо нижнетерской диаспоры

---

[1] Магомедов Н А Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в (Политическое положение и экономическое развитие) Махачкала, 1998, Он же Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII–XIX вв (экономический, политический и культурный аспекты) Махачкала, 2008

[2] Киласов Р К Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII вв (по материалам Астраханской таможни) Дисс канд ист наук М, 1971

[3] Иноземцева Е И Русско-дагестанские торгово-экономические взаимоотношения в XVIII в Дисс канд ист наук Махачкала, 1996

[4] Иноземцева Е И Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру Пятигорск, 1998, Она же Кавказское направление во внешней торгово-экономической политике Петра I // Романовы и Северный Кавказ Материалы IV Международных Дворянских чтений (11–12 октября 2008 г) Краснодар, 2008 Она же Дагестан в контексте восточной политики России во второй половине XVI–XVIII вв (Торгово-экономический аспект) // Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике история и современность М-лы Международной научно-практической конференции Махачкала, 2006

[5] Иноземцева Е И Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в проблемы торгово-экономических взаимоотношений Махачкала, 2001

[6] Аганесова Д В Армянская диаспора Нижнего Терека (XVIII–XIX вв) Дисс канд ист наук Махачкала, 1999

изучены и другие армянские общины на территории современного Дагестана, но в XVIII – в первом десятилетии XX в [1]

Ценный материал, наблюдения и важные выводы для нашего исследования содержатся в целом ряде научных публикаций И А Суздальцевой, посвященных изучению истории формирования армянских общин в Дагестане, их роли в социально-экономическом развитии и в культурной жизни региона[2]

Большой интерес в плане исследования непосредственного вклада армянского купечества в развитие экономической жизни низовий Терека представляет монография Н Н Гаруновой[3], в которой автор освещает вопросы, связанные с переселением армян в Притеречье и роль в реализации этой политики русских городов-крепостей на территории современного Дагестана В главе V значительное место отведено деятельности армянского купечества по развитию торговли в регионе

Роли армянского населения Дербента в его социально-экономическом развитии посвящен один из разделов в другой публикации Н Н Гаруновой[4]

Ценные наблюдения и выводы по изучаемой нами проблеме содержатся в монографии и докторской диссертации А С Акбиева, в которых автор, опираясь на конкретные архивные данные, наряду с другими вопросами рассматривая и торгово-экономические связи кумыков с Россией в XVII–XVIII в , освещает роль армянского купечества в развитии этих отношений[5]

Нельзя не отметить и диссертационное исследование Н В Барышниковой[6], в котором исследуется восточная политика Петра I Автор на богатом фактиче-

---

[1] Аганесова Д В , Суздальцева И А Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв Махачкала, 2007

[2] Суздальцева И А Армянская община Дербента в XVIII–XIX вв // Кавказ Балканы Передняя Азия Сб научных трудов Северокавказского регионального отделения МНАБ Вып 2(9) Махачкала, 2004, Она же Хозяйственно-экономическая деятельность армянского и грузинского населения Дагестана в XVIII – начале XX века // Интеллектуальная история факты события, люди Сб научных статей Махачкала, 2005 Вып 1, Она же Восточная политика России и начало массовой миграции армян в прикаспийские регионы Дагестана в первой четверти XVIII века // Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике история и современность Мат-лы международной научно-практич конф-ии Махачкала 2006, Она же О роли армянского купечества в переселенческой политике Петра I на Северо-Восточном Кавказе // Научная мысль Кавказа Приложение № 15 2006, Она же Проблемы формирования армянской и грузинской общин Дагестана в XVI–XVII веках // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказский регион Обществ науки 2007 № 3

[3] Гарунова Н Н Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в проблемы политической, экономической и культурной интеграции Махачкала, 2007

[4] Гарунова Н Н Города-крепости как центры культурных и экономических связей народов XVIII–XIX вв Махачкала, 2009

[5] Акбиев А С Кумыки Вторая половина XVII – первая половина XVIII века Махачкала, 1988, Его же Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв Дис д-ра ист наук Махачкала, 2000

[6] Барышникова Н В Кавказская политика Петра I Дисс канд ист наук Махачкала, 1999 С 39

ском материале рассматривает широкий круг вопросов политики России в Прикаспии, среди которых и важные аспекты переселенческой политики в отношении армян и грузин с целью экономического освоения региона

Обстоятельный анализ узловых вопросов изучаемой проблемы, ценные теоретические выводы содержатся в обобщающий трудах «История Дагестана» Т I (М, 1967), Т I (М, 2004), «История народов Северного Кавказа» Т. I (М, 1988); Магомедов Р М «История Дагестана» (Махачкала, 1968), Гасанов М Р «История Дагестана» (Махачкала, 1997 и др

Приведенный нами выше историографический обзор достаточно красноречиво свидетельствует о том, что определенное освещение проблема, избранная нами для изучения, получила, чего, однако, далеко не достаточно для воссоздания полной обобщающей картины роли и значения армянского купечества в развитии русско-дагестанской торговли и в социально-экономическом развитии Дагестана в XVIII – первой половине XIX в

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы центральных и местных архивохранилищ как вошедшие в известные публикации, так и извлеченные и вводимые в научный оборот автором диссертации и другими исследователями

Ценнейшие документы местного происхождения хранятся в ЦГА РД Наибольший интерес для нашей работы представляет собой комплекс письменных памятников, объединяющий около 8 тыс ед хр под названием «Кизлярский комендантский архив» Документы дагестанского происхождения, наиболее надежные из первоисточников, представляют собой письма и русские переводы с писем от феодальных владетелей Дагестана с просьбой пропустить их подвластных через Кизляр в Астрахань или казачьи городки для торговли, разрешить купить определенные товары в Кизляре и т п Особый интерес для нас представляют документы – таможенные ведомости, из которых можно сделать выводы об ассортименте товаров, ввозимых и вывозимых из Кизляра, о составе российских купцов, в большинстве своем кизлярских и астраханских армян, которые были в своих правах приравнены к российским, о ценах на товары

Ценные документы по исследуемой теме хранятся в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН Наряду с источниками местного происхождения здесь имеются заверенные копии архивных документов, выявленных учеными Института в центральных архивохранилищах РГАДА, РГВИА, АВПРИ и др

В процессе работы над диссертацией мы широко пользовались опубликованным документальным материалом в известных публикациях «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ), «Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею» (Тифлис, 1866–1873 Т I–V), «Письма и бумаги Петра Великого» (Т 1–12) СПб, М-Л, 1887–1975, «Армяно-русские отношения в XVII – втором тридцатилетии XVIII в» (Ереван, 1953–1978 Т 1–3), Эзов Г А Сношения Петра Великого с армянским народом Документы СПб, 1898

Как уже указывалось нами выше, приведенные в историографическом обзоре труды русских и иностранных авторов, побывавших на Северо-Восточном Кавказе, в которых собран и систематизирован огромный и очень ценный фактический материал, скорее следует относить к первоисточникам, нежели к собст-

венно историографическим исследованиям Это труды И И Голикова, П Г Буткова, С М Броневского и др

Для нашего исследования небезынтересны и записки голландского путешественника Яна Стрейса[1] Проблема московской и восточной торговли является ведущей темой описания его третьего «путешествия»

Одним из ценных литературных исторических источников первой трети XVIII в следует признать путевой журнал А Лопухина, проследовавшего из Шемахи через Дербент в Астрахань

Среди источников первой трети XVIII в по истории Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа, как по широте охватываемых вопросов, так и достоверности сообщаемых сведений, исключительное место занимает сочинение И -Г Гербера, вышедшее в свет двумя изданиями[2] Этот чрезвычайно важный источник доносит до нас среди других и неоценимые сведения о торговых взаимоотношениях народов Дагестана как с Россией, так и внутри региона в начале XVIII в

Пятитомное описание путешествия члена Русской академии наук С Гмелина в Прикаспие[3] представляет собой важный исторический источник. Наряду с богатыми сведениями по естествознанию и этнографии народов, населяющих регион, содержатся сведения о производстве риса, шелка, кунжута, о шелковых фабриках, даны подробные описания отдельных местностей и городов, в частности, Дербента и его торговли[4]

Двухтомный труд И Гильденштедта[5], заключающий в себе подробное, обстоятельное и в высшей степени добросовестное описание его путешествия содержит ценные сведения о развитии экономики народов и, главное, о торговле[6]

Поход русских войск в Прикаспие в 1796 г связан с началом большого комплексного изучения истории, этнографии и экономики Азербайджана и Дагестана русскими чиновниками Эти материалы хранятся в архивных фондах РГВИА и АВПРИ, часть из которых опубликована в сборнике ИГЭД[7]

---

[1] Стрейс Я Я Три путешествия / Перевод Э Бородиной Редакция А Морозова М , 1935

[2] Гербер И -Г Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие СПб , 1760 Июль–сент Т 17 № 7 С 3–48, № 8 С 99–140. Он же Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря 1728 г // ИГЭД М , 1958

[3] Гмелин С Г Путешествие по России для исследования трех царств естества СПб , 1771–1785

[4] Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XII–XVIII вв / Сост , введ , вступит статьи к текстам и прим В Г Гаджиева Махачкала Дагкнигоиздат, 1992 С 225–247

[5] Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XII–XVIII вв / Сост , введ , вступит статьи к текстам и прим В Г Гаджиева Махачкала Дагкнигоиздат, 1992 С 225–247

[6] Гильденштедт И А Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика И А Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770 71, 72 и 73 годах» СПб Тип АН, 1809

[7] История география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв Архивные материалы / Под ред М О Косвена и Х -М Хашаева М , 1950 (Далее – ИГЭД)

Внимание к Дагестану особенно усиливается к концу XVIII в Это было «начало организованного и систематического изучения Кавказа и его народов »[1] Сведения о занятиях населения нагорного Дагестана, о торговых связях и торговых путях как внутренней, так и внешней торговли, а именно – с Россией, можно почерпнуть в трудах Д И Тихонова (Описание Северного Дагестана – 1796 г), Ф Ф Симоновича (Описание Южного Дагестана – 1796 г и Описание Табасарана – 1796 г)[2]

В труде А И Ахвердова, кизлярского коменданта, содержатся ценные сведения об Эндирее как о крупном торговом центре Северо-Восточного Кавказа Здесь же сообщаются данные об Аксае, Костеке, Каракайтаге, Казикумухе, Анди и Дербенте[3] Сведения об ассортименте российских товаров, привозимых в Дербент, содержатся в «Выдержках из описания Дагестана и Ширвана 1806 г » А А Кремского[4]

Таков круг основных источников по теме нашего исследования Комплексное изучение всей совокупности имеющихся источников и литературы с учетом достижений отечественного каказоведения позволило нам показать роль и место армянского купечества в развитии региональной и международной торговли народов Дагестана в контексте российско-северокавказского торгово-экономического интегрирования в XVIII – первой половине XIX в

Практическая значимость работы. Материалы, положения и выводы диссертации могут быть использованы при составлении обобщающих трудов по истории Дагестана и народов Северо-Восточного Кавказа, а также при дальнейшем изучении социально-экономического развития региона, при подготовке вузовских и школьных учебников, методических пособий, при написании дипломных и курсовых работ, подготовке спецкурсов и т п

Научная апробация исследования. Диссертация выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре истории России Дагестанского государственного педагогического университета Результаты исследования нашли отражение в материалах научных конференций и опубликованных научных статьях

Структурно диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и списка принятых в работе сокращений

Основное содержание диссертации

Во Введении обоснованы актуальность и научная значимость темы исследования, хронологические и географические рамки, показана степень разработанности вопроса в историографии, дан анализ источниковой базы, обоснованы цели и задачи исследования, освещены методологические и теоретические основы диссертации, раскрыта научная новизна и практическая значимость работы

---

[1] Косвен М О Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник М , 1955 Ч 1 С 189

[2] ИГЭД С 138–158

[3] Ахвердов А И Описание Дагестана 1804 г // ИГЭД С 213–229

[4] ИГЭД С 234–236

Первая глава «Кавказское направление во внешней торгово-экономической политике России в XVIII в.» состоит из трех параграфов **В первом параграфе** раскрываются торгово-экономические интересы России в Прикаспии.

Один из векторов сложного комплекса различных по характеру, но взаимосвязанных вопросов программы российской восточной политики – овладение стратегической инициативой для перемещения восточной торговли с Европой на волжско-каспийскую магистраль Подлинное экономическое значение для России волжско-каспийский путь приобрел только в XVIII в , благодаря интенсивному развитию русского мореходства на Каспии, связанного с деятельностью Петра Великого, хорошо понимавшего значение и выгодность этой удобной торговой магистрали, по которой можно было направить всю восточную торговлю в Западную Европу через Россию, перехватив огромные доходы от шелкового транзита у Османской империи Именно «на восточной торговле складывались крупные купеческие капиталы, которые впоследствии способствовали промышленному развитию России

Московская дипломатия последовательно и целенаправленно стремилась к утверждению своего влияния на народы Северо-Восточного Кавказа Экономические же факторы в этом процессе играли весьма и весьма значительную роль, без уяснения которой трудно понять глубинные причины российской активности в регионе в целом, в Дагестане – в частности Этот процесс был длителен, достаточно сложен и противоречив, но он был предопределен долговременными положительными перспективами, что в конце концов и привело к вовлечению Северо-Восточного Кавказа, в частности Дагестана, в хозяйственно-экономический ритм России

В связи с зарождением мануфактурной промышленности все большее значение приобретает вопрос о сырьевой базе, и в правительственных кругах России Прикаспийский регион стал рассматриваться как возможный источник снабжения шелком-сырцом, хлопком, мареной и другим сырьем В то же время Россия нуждалась и в рынках сбыта для продукции своей нарождавшейся промышленности В этом плане феодальные владения Северо-Восточного Кавказа и Прикаспия открывали широкие перспективы Все это и предопределило исключительную целеустремленность экономической политики России в регионе

Выгодное положение России на пути между Западом и Востоком благоприятствовало развитию и росту внешней торговли Более того, Россия стремилась стать единственной посредницей в торговле между этими частями света, что принесло бы ей колоссальные прибыли и подняло бы ее престиж в европейском сообществе Английская буржуазия, внимательно следившая за развитием отношений России с сопредельными государственными образованиями Прикаспия и Закавказья, стремилась любыми средствами воспрепятствовать продвижению России в этом направлении

Петр I, заинтересованный в расширении российской внешней торговли с Западом, однако не забывавший и об интересах развивающегося русского купечества, отказал в просьбе о транзите через Россию в Иран не только англичанам, но и голландцам и французам

По мере того как усиливался интерес Московского государства к кавказским государственным образованиям, их экономическим ресурсам и, особенно, к торговле с ними, борьба между Персией и Турцией за торговые пути через Кавказ, по которым персидский шелк проникал в Европу, еще более обострилась Оттоманская империя добивалась исключительного господства и на Черном и на Каспийском морях Сефевидское государство на тот момент переживало экономический и политический кризис и уже не могло быть равноценным соперником султанской Турции Активизируя свою внешнюю политику на Кавказе, Блистательная Порта создавала угрозу Русскому государству своими экспансионистскими планами Это, в свою очередь, подталкивало московское правительство к активизации своей внешней политики в Прикаспии, чтобы предотвратить угрозу со стороны турок, пытавшихся, пользуясь слабостью Персии, обосноваться в Кабарде и Дагестане

Итак, Петр I взял курс на укрепление позиций России на Каспийском море и в Закавказье

Во втором параграфе рассматривается армянское купечество в контексте внешней торгово-экономической политики России в XVIII в

Одно из первых письменных сведений об армянах в Прикаспии, в частности в Дагестане, относится к XV в Факт наличия на берегах Волги множества памятников материальной культуры армян, датируемых учеными XI–XIV вв, красноречиво свидетельствует о транзите армянских купеческих караванов по волжско-каспийской коммерческой трассе через Русь в Европу Торговля по этому пути велась с незапамятных времен, а ведущая роль в ней традиционно принадлежала деятельному армянскому купечеству, занимавшемуся посреднической торговлей в Прикаспии Многие из них, наладив тесные связи с местным купечеством, оседали в городах Ширвана и Дагестана

Дагестан, следует подчеркнуть, извечно являлся зоной наиболее активных экономических и политических контактов между двумя евразийскими державами Подавляющее большинство посольств и купеческих караванов, курсировавших между обоими государствами, проходило через дагестанское побережье Путь через Дагестан играл чрезвычайно значимую роль, и безопасность этого пути являлась вопросом первоочередной важности и для Исфахана, и для Москвы Гарантом же безопасности этого пути являлись прочные союзнические отношения русских царей и персидских шахов с дагестанскими феодалами, через владения которых пролегал прикаспийский торговый путь Владетели Тарковского шамхальства, Кайтагского уцмийства охраняли и персидские, и русские дипломатические миссии Помимо этого они покровительствовали иностранным купцам, получая за это «рахтарные» подати за проезд по своей территории и различные экономические льготы для собственных торговых агентов в России и Иране

Переговоры о ввозе шелка-сырца в Россию и его транзите в западные страны (Иран – Астрахань, Архангельск – «немецкие земли») велись давно Важнейшая роль в осуществлении крупномасштабного товарооборота по этой международной торговой артерии отводилась деятельному армянскому купечеству, имевшему богатый коммерческий опыт и традиции Предполагалось, что реализация этих планов не только принесет огромные доходы царской казне, но и нане-

сет крупные финансовые потери Османской империи, тем самым ослабит ее как перманентного противника России

Шелк-сырец из Ирана мог поступать в Россию по двум маршрутам. первый – с иранского побережья Каспия морским путем в Астрахань, второй – из Дербента через владения тарковского шамхала до Терского города, затем в Астрахань – сухопутьем Это обстоятельство и обусловило привлечение к участию в таком важном соглашении тарковского шамхала, контролировавшего участок пути между сефевидским на тот момент Дербентом и русским Терским городом в устье р Терек Царь попросил шамхала заключить с армянскими купцами «о пошлинах и о подводах договор и тот договор закрепить верою, чтоб им до Терка (до Терского города – Авт) и с Терка до Тарков проезд был вольной со всяким береженьем »[1]

Учитывая значение и роль армянского купечества в развитии восточной торговли, правительство Петра I издало ряд указов, поощрявших торговавших в России и через Россию с Западной Европой армянских купцов

С 1712 г армянские купцы большими группами стали прибывать в Астрахань и Москву, а оттуда они отправлялись дальше на Запад С укреплением позиций России на Каспии исходным пунктом ее экономических связей со странами Востока явилась Астрахань, стоявшая при выходе волжского торгового пути в Каспийское море В центре Астрахани стояли каменные гостиные дворы, среди которых был и Армянский, а в пригороде располагалась обширная Армянская слобода, где постоянно проживали армянское купечество и ремесленники Основное направление армянских купцов Астрахани в первой четверти XVIII в приходилось на кавказские порты на Каспии. Это Дербент, Баку, Низовая (Ширван), а так же Гилян Известно, что у армянских купцов в Персии были своим «коррешпонденты», которые присылали по их запросам со своими приказчиками нужные в Астрахани товары

Астраханское армянское купечество, обласканное российскими властями, не могло упустить из круга своих коммерческих интересов и Терский город Тем более, что он был давно знаком армянскому купечеству, да и определенную часть его жителей со дня его основания составляло армянское купечество, связавшее свои коммерческие интересы с Прикаспием и Северо-Восточным Кавказом

Астрахань, ставшая «сосредоточением персидской торговли» на Каспии, вела ее главным образом через Дербент Кроме собственно дербентских торговцев, в городе проживало большое количество представителей восточного купечества, среди которых значительный удельный вес приходился на армянских купцов-компанейщиков Многие здесь жили семьями, более или менее постоянно, наладив тесные связи с местными купцами и населением В Дербент и через Дербент следовали и джульфинские, гянжинские, шемахинские армянские купцы

Армянские купцы могли оперативно реагировать на конъюнктуру рынка, хорошо ее знали, умели приспособиться к изменившейся политико-экономической ситуации, чем выгодно отличались от русских купцов Армянское купечество владело крупными денежными суммами и имело обширные торговые

---

[1] Армяно-русские отношения в XVII в Сб док-ов Ереван, 1953 С 57–58

связи в странах Востока Армянская торговая буржуазия была также заинтересована в транзитной торговле через Россию с Западом, поэтому определенная ее часть стремилась переселиться в российские пределы Учитывая все вышеизложенные факторы, начиная с XVIII в , с ростом роли армянского купечества в международной и внутренней торговле России, и проводилась политика покровительства и поощрения представителей армянского торгового капитала, регламентированная в многочисленных указах Петра I, Сената и других документах

В третьем параграфе освещается Каспийский поход Петра I и политика России по переселению турецко- и иранoподданных армян в Прикаспие

В исторической литературе поход Петра I в прикаспийские области, получивший название «Персидского», достаточно широко освещен, поэтому нет надобности подробно останавливаться на этом вопросе Для решения поставленной в работе задачи важно выделить и осветить в первую очередь экономический аспект этого похода, торгово-экономическую составляющую сложного комплекса кавказской политики России в Прикаспии в этот период

Результаты этого похода были закреплены русско-персидским договором, подписанным в Петербурге 12 сентября 1723 г , по которому к России переходил Дербент, Баку, провинции Ширван, Гилян, Мазандаран, Астрабад, полоса вдоль всего западного и южного побережий Каспийского моря Эти прикаспийские провинции Кавказа, согласно Константинопольскому договору, заключенному в июле 1724 г., признала за Россией и Турция

После Каспийского похода, стремясь создать себе опору в прикаспийских областях, правительство Петра I привлекало сюда христианское население из Закавказья Большая роль в этом отводилось армянскому населению

С армянами-переселенцами российские власти связывали надежды на быстрый экономический подъем этого региона, развитие здесь новых отраслей хозяйства В силу их христианской принадлежности, армяне рассматривались как весьма важный пророссийский элемент Для оживления торговли предполагалось задействовать персидских армян

В июле 1723 г Петром I был подписан указ, предоставлявший армянам, желавшим переехать на временное или постоянное жительство в Россию и в области на Каспии, подконтрольные России, широкую свободу экономической деятельности и льготы

Важнейшая роль в осуществлении крупномасштабной транзитной торговли по волжско-каспийской международной торговой трассе отводилась деятельному армянскому купечеству, имевшему богатый коммерческий опыт и традиции Петр I, предвидя выгоды, связанные с деятельностью армянского купечества и предпринимателей в России, возвел в ранг официальной государственной политики содействие и организацию массового переселения армян в зону российского влияния в Западном Прикаспии После Каспийского похода Петра I переселенческий поток армянского населения Персии и Турции в Западное Прикаспие и на Терек усилился Не последнюю роль в этом играли предоставляемые Россией льготы армянским купцам среди переселенцев преобладали представители армянского купечества Так, в результате организованной на государственном уровне политики покровительства армянскому населению Турции, Ирана и Закавка-

зья, в 20-х гг XVIII в начался процесс массовой миграции армян в Прикаспие, на Терек и Северо-Восточный Кавказ

Глава II «Армянское купечество в контексте русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII – первой половине XIX в.» состоит из трех параграфов

В первом параграфе освещается массовая миграция армянского населения на Северо-Восточный Кавказ и формирование армянской диаспоры в XVIII – первой половине XIX в

В 30-е годы XVIII в политическая обстановка в Прикаспии, в Дагестане в частности, осложнилась Надир-шах стал открыто притязать на Кавказ В борьбу Ирана с Турцией за сферы влияния были втянуты владельцы Дагестана Находясь в затруднительном положении из-за конфликта вокруг польского престола и под угрозой иранотурецкого альянса на Кавказе, подогреваемого западноевропейской дипломатией, Россия вынуждена была ослабить свои позиции в регионе, в Дагестане в частности В силу сложившихся политических обстоятельств и в соответствие подписанному Россией Гянжинскому мирному договору 27 октября 1735 г крепость Святого креста была упразднена Россия перенесла свои границы из Северного Азербайджана на р Терек

Заселение города Кизляра с момента учреждения здесь крепости, шло быстро Российские власти, заинтересованные в увеличении его населения, предоставляли льготы всем пожелавшим в нем поселиться Самый большой квартал Кизляра – Арментир (Армянский) был населен исключительно армянами, часть из которых с давних пор проживала еще в старом Кизляре, часть была переселена из крепости Святого креста

В сложившейся обстановке из районов Прикаспия, оставленных российскими властями, т е из Дербента, Шемахи, Тавриза, ирано-подданное армянское население вынуждено было спасаться бегством в зону российского влияния

Устройству армянских переселенцев в Кизляре уделялось особое внимание Российские власти стремились привлечь в Кизляр как можно больше именно армянского населения, гарантируя им право на свободную торговлю и др льготы

Выгодное положение Кизляра сразу же привлекло сюда купечество, специализировавшееся на восточной торговле Транзитом через Кизляр в Астрахань шли шелк, хлопок, восточные ткани, медь-лом из Ирана и Азербайджана Из Астрахани в Кизляр и через Кизляр шли главным образом промышленные товары широкого потребления русского производства

Во второй половине XVIII в правительство России продолжило политику по привлечению в изучаемый регион переселенцев-армян из стран Закавказья Екатерина II в 1785 г указывала на необходимость создать для армян все условия Заявляя о готовности взять армян под свое покровительство, императрица обещала им право на свободное вероисповедание, занятия ремеслом и торговлей

В 80-х гг XVIII в в Иране к власти пришел Ага-Магомет-хан Каджар В 1795 г он с 50-тысячной армией вторгся в Закавказье Российское правительство, усмотрев в действиях иранского шаха угрозу российскому влиянию в регионе и престижу России вообще на Востоке, немедленно предприняло поход в Закавказье, одной из основных целей которого Екатерина II провозглашала «восстанов-

ление Грузии и Армении» Вступление российских войск в Закавказье возродило у местных народов надежды на освобождение Однако смерть императрицы Екатерины II в ноябре 1796 г привела к прекращению действий российских войск в Закавказье ее сын Павел I принял решение вернуть войска в Россию

События 1796 г, связанные с прекращением похода русских войск, привели к нарастанию нового потока переселенцев из Гянджи, Карабаха, Сюника в российские пределы, в том числе и на Терек Переселялись армяне и из Дербента, Мушкура и др иранских провинций, что было вызвано угрозой их физического уничтожения

Во время пребывания В Зубова в Дербенте к нему обратилась группа армян из Дербента и Мушкура с просьбой о принятии в российское подданство жителей 9 армянских деревень в Дербентском округе – Молахалил и Нюгди, в Мушкуре – Большой Хочмас, Малый Хочмас, Караджалу, Большой Баракум, Малый Баракум, Килявар, Карагутлу

Павел I, получив вести о желании ираноподданных армян переселиться под «сберегающее крыло России», распорядился содействовать их переселению, определить места для проживания, обеспечить провиантом и «оказать им всевозможные выгоды»

Весной 1797 г армянское население вышеназванных деревень, оставив все нажитое имущество, дома, сады, направились к терским берегам

Некоторая часть вышедших из областей Дербента и Мушкура армян, в особенности торговцы и ремесленники, поселилась в Кизляре, а земледельцы обосновались в районе реки Терек, поселившись в трех деревнях Дербентской, Караджалиле и Молахалиле

Значительная часть армян, осевших на юге России в конце XVIII в, была выходцами из Карабаха 7 октября 1797 г император Павел I издал указ о взятии под покровительство России карабахских меликов и их подданных (11 тысяч семей) и поселении их на Кавказской линии В 1798 г часть карабахцев осела в Кизляре По некоторым источникам число переселившихся в Кизляр карабахцев могло быть около 3 тысяч человек

В 1775 г, согласно официальной ведомости, в Кизляре проживало 63,5% армян (всего же в городе насчитывалось 1924 жителя), т е 1222 чел [1] Бутков, опираясь на материалы переписей 1794–1795 гг, указывает цифру в 2779 душ обоего пола

По мнению И Ровинского, в 1804 г в Кизляре проживало 1622 армянина мужского пола[2] Наиболее вероятной, по мнению Д В Аганесовой, представляется цифра 3500 человек обоего пола, которая подтверждается данными последующих периодов[3]

---

[1] Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в / Сост В Н Гамрикели Тбилиси, 1968 С 44, 51

[2] Ровинский И Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний СПб, 1809 С 443

[3] Аганесова Д В Армянская диаспора нижнего Терека (XVIII–XIX вв) Дисс канд ист наук Махачкала, 1999 С 88

Армянские переселенцы из районов Ирана, Турции, Закавказья создавали свои общины не только в бассейне Терека, но и в ряде других районов Дагестана Наряду с азербайджанцами, евреями, армяне проживали в Южном Дагестане В конце XVIII в после массового исхода армянского населения из районов Дербента и Мушкура здесь уцелели только два армянских села – Килявар и Хачмас, в которых в середине XIX в проживало 53 армянские семьи В начале XIX в , когда обстановка в районе Дербента несколько стабилизировалась, часть армян вернулась в город По данным переписи населения 1824 г , в Дербенте из 11060 жителей 239 чел составляли армяне, что подтверждает и Е Козубский[1]

В середине XIX в Дербент стал губернским городом Он традиционно играл важную роль в транзитной торговле между Ираном, Кавказом, Россией, а через Россию с Европой, что, конечно же, привлекало сюда армянскую торговую буржуазию, а также переселенцев из Ирана, Грузии Основу армянской общины Дербента составляли представители купечества, активно участвовавшие в транзитной и региональной торговле Играя заметную роль в экономической жизни г Дербента, армянам удавалось сохранять определенную автономию, открывать свои школы, строить храмы, поддерживать тесные связи с другими группами армян России, Северо-Восточного Кавказа и Закавказья

Переселение армян в XVIII первой половине XIX в в российские пределы гарантировало им правовой и экономический иммунитет, что отвечало их надеждам и чаяниям

К середине XIX в армяне-переселенцы на Северо-Восточный Кавказ, в частности на территорию современной Республики Дагестан, были включены в российское имперское социально-правовое пространство Здесь они нашли свою экономическую нишу, демонстрируя успехи в торговле, промыслах и культуре

Во втором параграфе, состоящим из двух подпунктов, высвечивается роль армянского купечества в развитии **а) транзитной** и **б) региональной торговли** Дагестана в XVIII – первой половине XIX в

а) Россия, проводя гибкую внешнеторговую политику, сочетая внешнеполитические интересы с интересами русских феодалов и купечества, смогла умело использовать азиатско-европейский шелковый транзит мирового значения по волжско-каспийскому пути

Удачное географическое и геополитическое положение Дербента и наличие в конце XVII–XVIII в морского порта способствовало огромной его роли в обеспечении крупномасштабного шелкового транзита из Ирана как по морю, так и суше Астрахань вела торговлю шелком главным образом через Дербент, в котором проживало постоянно или временно восточное купечество, состоявшее в большинстве своем из армянских купцов из Джульфинской торговой компании

Владея значительными капиталами и имея обширные и надежные связи в государствах Ближнего и Среднего Востока, армянская торговая буржуазия была очень заинтересована в развитии транзитной торговли с европейскими странами через Россию

---

[1] Козубский Е История города Дербента С 211

Роль армянского купечества в развитии транзитной торговли через Дагестан была достаточно велика на их долю в XVIII в приходилось 75–80% от общей суммы товарооборота[1] Из Ирана в Кизляр и далее через Астрахань в Центральную Россию поступал шелк, хлопчатобумажные изделия, дорогие восточные ткани, пряности, драгоценные камни и др Вклад армянского купечества от торговых пошлин в российскую государственную казну был наиболее весом три четверти привоза европейских товаров было сосредоточено в его руках, а в иные годы и того больше

Участие в крупномасштабной международной транзитной торговле приносило прибыли не только армянским купцам, но и местным феодалам, через владения которых проходила сухопутная торговая трасса, которые получали доступ к промышленным товарам России, собирали рахтарные пошлины, занимались реэкспортом восточных товаров

Как уже указывалось выше, прикаспийский торговый путь через Дагестан играл чрезвычайно значимую роль, и безопасность этого пути являлась вопросом первоочередной важности и для российского, и для восточного купечества, в основном состоящего из армян Гарантом безопасности этого пути являлись прочные союзнические отношения с дагестанскими феодалами, через владения которых пролегал этот путь Владетели Тарковского шамхальства, Кайтагського уцмийства покровительствовали иностранным транзитным купцам Для сопровождения торговых караванов армянских купцов, следовавших транзитом через Дагестан, выделялись специальные проводники, получавшие определенную плату, а дагестанские феодалы несли ответственность за сохранность товаров и безопасность купцов

Тарки – крупный политический и экономический центр Дагестана, столица Тарковского шамхальства являлся и одним из центров транзитной торговли России со странами Востока Через Тарки транзитом следовали восточные, в основном армянские, а также русские и др купцы

В те времена выезжать куда-либо с товаром было достаточно опасно Часто купеческие караваны подвергались грабежу и насилию, поэтому за безопасное препровождение транзитных купеческих караванов бралась определенная плата

В XVII–XVIII вв в Приморском Дагестане еще действовало так называемое «береговое право», которое в средневековье было распространено во всех восточных и европейских приморских столицах Заключалось оно в том, что если следовавшее транзитом торговое судно из-за непогоды вынуждено было пристать к берегу во владениях какого-нибудь феодала, то тут же появлялись его люди и требовали уплаты дани во избежание разграбления товаров Если же судно терпело крушение и его вместе с грузом и командой выбрасывало на берег или мель, то весь товар забирался полностью, а команда превращалась в пленников Подобным образом поступали и дагестанские владетели В 1737 г сын Адиль-Гирея шамхал Хасбулат ограбил на Учинской косе (Аграханский полуостров – Авт) разбитое штормом судно астраханского купца Шамхал увел в плен всех армянских и гру-

---

[1] Аганесова Д А Армянская диаспора Нижнего Терека (XVIII–XIX вв) Автореф дисс канд ист наук Махачкала, 1999 С 14

зинских торговцев, находившихся со своим товаром на судне, забрал весь товар, а русских людей отпустил в Кизляр Российские власти в Кизляре потребовали от шамхала вернуть награбленное, но это ни к чему не привело[1]

Определенный негативный баланс в развитии товарно-денежных отношений в Дагестане приходился на факт существования здесь чрезвычайного разнообразия метрических мер и денежных систем Вследствие этого наблюдалась необычайная трудность и запутанность коммерческих расчетов В торговле дагестанцев с Россией имели хождение различные денежные знаки, попадавшие в Дагестан с рынков Закавказья

Активное участие армянских купцов, опиравшихся на богатый коммерческий опыт и традиции в транзитной торговле через Дагестан и Россию в европейские страны, способствовало пополнению государственной казны Общая сумма пошлин от русско-иранской транзитной торговли за 8 лет (1737–1745 гг) превысила в 500 тыс руб [2] В этом процессе «шелкового транзита» роль Кизляра была особой и приносила кизлярскому армянскому купечеству значительную прибыль По свидетельству современника, «сей торг столько прибыточен, что из кизлярских армян, как говорят, иногда могут получить на один рубль 50 процентов По такому выгодному торгу многие из них находятся имущее называющихся богатыми остраханских купцов, употребляющих все свои капиталы для увеличения пользы, от торговых оборотов быть могущей»[3]

б) Исторически в Дагестане существовал целый ряд торговых центров, игравших важную роль в его экономической жизни Эндирей – центр Эндирейского феодального владения, наиболее влиятельного в Засулакской Кумыкии, располагался достаточно близко к Кизляру. Роль Эндирея как центра международной торговли, с одной стороны, и центра русско-дагестанских торгово-экономических контактов, связующего звена между Россией и нагорным Дагестаном в XVIII в – с другой, велика Здесь имелись лавки и армянских купцов, которые жили со своими семьями, осуществляя посредническую торговую деятельность через Кизляр с Россией Это подтверждается многочисленными данными Кизлярского комендантского архива В документах фиксируются армяне-торговцы, живущие в Эндирее Амиран Ревазов, Баядур Григорьев, Степан Савельев, Папа Бежанов, Степан Самвелиев и др

Судя по архивным документам, кизлярские купцы-армяне возили в Эндирей на продажу самые разнообразные товары холст, холщевые бурмети (ткани), иголки, наперстки, замки, зеркала, сундуки, «писчую бумагу» и т п Вывозили марену, шелк-сырец, рис, фрукты, мед, сыр и др Здесь же можно было приобрести горские товары· ковры, сукно, глиняную посуду, кубачинское оружие, в больших количествах фрукты

Кроме того, в Эндирее можно было приобрести и «живой товар» – ясырей.

Кизлярское армянское купечество через Эндирей поддерживало связь с Салатавией, Гумбетом, Анди, Ботлихом Отсюда кизлярские купцы, в большинст-

---

[1] Акбиев А С Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв Махачкала, 2000 С 51
[2] АКАК Т VII Ч II С 213
[3] Ровинский И В Указ соч С 447

ве своем из армян, ездили в «тавлинские деревни» Их не задерживали ни трудности пути по горным дорогам, ни незнание языков, ни многочисленные пошлины, взимаемые феодальными владетелями, ни частые разбойные грабежи, случавшиеся в пути Чтобы обезопасить себя и свои товары от всяких «случайностей», купцы прибегали к покровительству местных феодалов Не случайно яркий представитель русской интеллигенции в Дагестане, И С Костемеревский очень образно отзывался об армянских купцах, называя их «неутомимыми саперами», пролагающими «со своими духанами по трущобам Кавказа небывалые пути русской торговли »[1]

Русские торговцы не знали языков местных северо-кавказских народов, их этнической психологии и менталитета, а также обычаев Они страшились суровых теснин кавказских ущелий и не умели находить верных позиций в общении с жителями гор А без этого нельзя было наладить торгового дела, эффективного для пользы обеих сторон Среди людей, способных реализовать данную задачу, могли быть те, кто бы обладал недюженным коммерческим даром, энергией и умением наладить торговлю с горцами вопреки существовавшим препятствиям Такими людьми и являлись армянские торговцы Они могли и хотели реально содействовать развитию торгового обмена между Россией и горскими народами Кавказа

По сравнению с русскими купцами армяне обладали рядом преимуществ они прекрасно знали местный рынок и его нужды, владели всеми приемами сложных меновых операций, имели в горах давних и надежных партнеров, друзей, кунаков

Большую роль в экономической жизни эндирейцев играла такая отрасль хозяйствования, как добыча дикой и разведение окультуренной марены Бурную деятельность по закупке и поставке марены в Кизляр развернуло армянское купечество как проживающее в Кизляре, так и в самом Эндирее Причем, объем поставок этого сырья для производства ценного красителя (крап) для текстильной промышленности России ежегодно возрастал

Необходимость этой культуры для нарождавшейся ткацкой промышленности диктовала крупные поставки ее в Россию, что, конечно же, не могло быть организовано без участия деятельного армянского купечества Кизляра

Один из наиболее богатых русских предпринимателей того времени – владелец московской фабрики Василий Суровщиков, «первый по коммерции с заграницей», торговый оборот которого был выше, чем у всех остальных московских купцов, вместе взятых, связавший свои коммерческие интересы более чем на 10 лет с Дагестаном, имел своих комиссионеров среди армянских купцов г Кизляра, закупавших для него в дагестанских селах более 2 тыс пудов марены ежегодно

Армянское купечество обслуживало торговлю Аксаевского владения и обитало в Аксае с давних времен В ассортименте лавки армянского купца Ефремова в Аксае фиксируются бязь крымская и шемахинская, «сукно мичкиское» (чеченское – Авт), черкесские башлыки, ноговицы и др

---

[1] Егорова В П И С Костемеревский (1813–1891) – представитель русской интеллигенции в Дагестане Махачкала, 2000 С 28

Активное участие во взаимовыгодной торговле Кизляра с Костеком также принимали армянские купцы Через Костек проходила дорога из Кизляра в Тарки Здесь также имелись лавки армянских купцов Комиссионеры из их числа, работавшие на крупных российских предпринимателей, скупали марену, хлопок, поставляя по бартеру «потребные вещи» в Костек

В Тарки как и в Эндирее был особый торговый квартал – Базар-аул, где постоянно проживали российские и восточные купцы, в том числе и армяне, имея свои лавки Тарковские шамхалы поддерживали доверительные, взаимовыгодные отношения с армянским купечеством Они предоставляли им транспорт для перевозки крупных партий товаров: подводы, морские суда, отдавали на откуп добычу марены в их владениях

Изучение архивных данных дает основание утверждать, что казикумухские ханы в XVIII в поддерживали активные коммерческие связи с кизлярским купечеством из армян Следует обратить внимание на тот факт, что и сам хан и кузикумухский кадий, по материалам кизлярского комендантского архива, вели кредитно-ростовщические операции ссужая под проценты кизлярским купцам из армян большие суммы денег

В расчетах между армянским купечеством и народами Дагестана имел место бартер, а также вексельная форма денежных отношений

Дербентское владение было одним из крупнейших в регионе поставщиков марены и шелка-сырца для текстильной промышленности России В свою очередь, Дербент нуждался в российских товарах, особенно в железе и в изделиях из металла Торговавшие с Дербентом кизлярские и астраханские купцы-армяне и др вывозили оттуда марены до 6000 пудов ежегодно

Российские власти, как уже не раз нами подчеркивалось, делали все возможное, чтобы создать армянскому купечеству по возможности благоприятные для коммерции условия Со дня своего основания Кизляр был именно тем местом, где оно чувствовало себя наиболее комфортно и защищено

Большинство купеческого сословия Кизляра составляли армянские купцы и тезики В начале 30-х гг XIX в более десяти кизлярских купцов из армян имели крупный капитал и пользовались правом ведения торговли в российских городах Так, в 1841 г в торгово-коммерческой деятельности г Кизляра было задействовано 8 купцов-армян второй гильдии и 91 купец третьей гильдии

Параграф 3 посвящен раскрытию роли армянского купечества в экономическом развитии региона в границах современной Республики Дагестан

С ростом роли армянского купечества в международной и во внутренней торговле в России в целом и в Дагестане в частности, российским правительством проводилась политика покровительства и поощрения представителей армянского торгового капитала

В истории нижнего Притеречья достаточно известно имя армянского купца Сафара Васильева, которому по его челобитной приказом Петра I были предоставлены все условия для «шелкового завода», а также земля у р Терек для выращивания риса, хлопка, тутовых деревьев Наследники Сафара Васильева сумели значительно расширить шелковый завод Поселение Сарафанниково разрослось и стало называться Шелкозаводским, в наши дни – станицей Шелковской

В 1785 г в Кизляре действовало три завода по выделке шелка Один из них принадлежал армянину – выходцу из Грузии Н Серебрякову Другой завод принадлежал Гургену Арешеву В первой же половине XIX в г Кизляр стал центром шелкоткацкой промышленности в крае Производством шелка-сырца занимались почти все армянское население города В 30-х гг XIX в в окрестностях Кизляра вырабатывалось около 75 пудов шелка в год, что составляло почти половину всего шелка, произведенного на Северном Кавказе

Большая же часть армянского населения Кизляра была занята в сфере торговли, а как известно, армяне в XVIII–XIX вв составляли основное население города Мамаджановы, Фабриковы, Измировы, Калантаровы и другие знатные и богатые армяне сыграли определяющую роль в экономической истории Кизляра и Кизлярщины

С представителями торгово-предпринимательских кругов армянского населения Кизляра, таких как С Арешев, Н Ходжаев, С Мишвелов, Н Серебряков, А Кочкачев и др , связано и развитие рисоводства в крае

Представители армянского купечества Дагестана, в частности Кизляра, активно включились в процесс развития вино-водочного производства, имея для этого материальную и сырьевую базу Им принадлежали десятки винодельческих и винокуренных предприятий, так называемых «заводов», появившихся на Тереке во второй половине XVIII века

В 90-х гг XVIII в в Кизляре армянами и грузинами стали создаваться водочные «заводы» В 1823 г в районе Кизляра действовало уже 123 спиртокурительных завода, производящих в общей сложности более 200 тыс ведер спирта Армянам принадлежало теперь уже 23 завода, на которых было произведено 98589 ведер водки Среди владельцев этих заводов были Калантаров, Хастатов, Тавакелов, Ходжаев, Бурджалов, Аваков и др

Именно трудами предпринимателей из армян была продолжена работа, начатая еще Петром I, по организации и налаживанию виноделия в районе Дербента, т е той отрасли хозяйства, которой в будущем предстояло стать основной для дербентцев

В начале XIX в представители армянских торгово-предпринимательских кругов Х Варданов, В Галустов, А Зоробов, А Степанов основали производство и выделку кож По ведомости 1831 г в Кизляре существовало пять кожевенных «заводов»

Промышленное развитие рыболовство в крае получило во второй половине XIX в при участии таких известных предпринимателей из армян как Мелкумян и Арешян На их предприятиях в районе Каспийского моря вырабатывалась продукция, предназначенная как для местного потребления, так и на вывоз

Трудно переоценить важный вклад трудовых слоев «Притерской Армении» в распространении передовых методов аграрно-производственной, ремесленной, архитектурно-строительной и, особенно, торговой деятельности среди горского и старожильческого русского (казачьего), а также степного (ногайского) населения Северо-Восточного Кавказа

В **«Заключении»** подводятся итоги исследования, которые в целом сводятся к следующему

Армянское купечество, переселившись в российские пределы в Прикаспие, затем на Терек, способствовало решению глобального вопроса «шелкового транзита» в пользу России, т е переводу транзитной восточно-европейской торговли с традиционных путей на волжско-каспийскую трассу

Участие в крупномасштабной транзитной торговле приносило прибыли не только армянскому купечеству, но и местным дагестанским феодалам, через владения которых проходила сухопутная международная трасса, которые получали доступ к промышленным товарам России, собирали рахтарные (дорожные – Авт) пошлины, занимались реэкспортом восточных товаров

Широко применяя свои связи в странах Востока и пользуясь покровительственной политикой Российского правительства, вкладывая значительные по тем верменам капиталы в торговые и кредитные операции, армянское купечество сумело занять ведущие позиции в восточной торговле России через Прикаспие Одновременно оно активно содействовало экономическому развитию региона, глубоко проникнув на внутренний рынок Дагестана, в частности Северо-Восточного Кавказа в целом

До начала XIX в Кизляр сосредотачивал до 90% всей торговли Предкавказья Документы Кизлярского комендантского архива красноречиво свидетельствуют о широкой предпринимательской и коммерческой деятельности армянского купечества Кизляра Это многочисленные сведения о коммерческих сделках торговцев армян в известных экономических центрах Дагестана Дербент, Тарки, Эндирей, Аксай, Анди Архивные документы свидетельствуют о том, что армянские купцы являлись торговыми поверенными крупных феодальных владетелей, в частности шамхала Тарковского

Привлеченный фактический материал свидетельствует о том, что в первой половине XIX в под влиянием активной коммерческо-предпринимательской деятельности армянского купечества в феодальных владениях Дагестана углубляются товарно-денежные отношения и у самих народов региона, Дагестан постепенно втягивается в сферу экономического развития России, что положительно сказывается на его экономике И если в первой половине XVIII в народы Дагестана были участниками транзитной торговли по волжско-каспийскому пути, организованной и осуществляемой в основном деятельным армянским купечеством, то во второй половине XVIII – первой половине XIX в Дагестан превращается в крупного поставщика сырья для текстильной промышленности России Сельское хозяйство начинает приобретать товарный характер Население не только прибрежной морской полосы, но и на 150–200 верст от нее постепенно приспосабливало свое хозяйство к потребностям российской промышленности

Подводя итог вышесказанному, необходимо заметить, что надежды и цели российских властей, связанные с армянской колонизацией Прикаспия и Притеречья, были оправданы и решены, получив свое реальное воплощение В XVIII– первой половине XIX в армянское население региона развернуло активную торгово-экономическую деятельность в Дагестане (в современных границах РД), да и на всем Северо-Восточном Кавказе, разительно преобразившую за короткое время Притеречье Поощряя развитие предпринимательской деятельности в регионе, российские власти предоставляли армянским переселенцам некоторые льготы,

что стимулировало интенсивное экономическое освоение края, интеграцию его в единую экономическую систему России

Основные положения диссертации получили освещение в следующих публикациях:

1. Яхшибекян Д Д , Иноземцева Е.И. Армянское купечество в контексте торгово-экономических отношений Дагестана с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2008. С. 90–92.

2 Яхшибекян Д Д Армянское купечество в контексте торгово-экономической политики России в XVIII в в Дагестане // Научное обозрение Сб статей Ассоциации молодых ученых Махачкала, 2007 Вып № 39 С 68-73

3 Якшибекян Д Д Борьба за государственность и армяно-русские отношения в XVII–XVIII в // Новый взгляд Мат-лы региональной научной конференции студентов и преподавателей Махачкала ДГПУ, 2007 С 104–107

4 Яхшибекян Д Д О роли армянского купечества в восточной политике Петра I // Общественные и гуманитарные науки Мат-лы научной сессии преподавателей и сотрудников университета Махачкала ДГПУ, 2007 С 28-31

5 Яхшибекян Д Д «Притерская Армения» в контексте экономического развития Северо-Восточного Кавказа в XVIII – первой половине XIX вв // Иран-наме Армянский востоковедческий журнал Ереван, 2009 № 49 С 85-88

Формат 60х84 Гарнитура Таймс Бумага офсетная
Тир 100 Размножено ИП «Султанбегова Х С »
Махачкала, М Гаджиева, 34

АВДАЛЯН Карине Акоповна

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В АРМЯНСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание
ученой степени кандидата искусствоведения

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры
Факультета истории искусства
Российского государственного гуманитарного университета

Научный консультант – – доктор философских и кандидат филологических наук, профессор, действительный член РАЕН
Кондаков Игорь Вадимович

Официальные оппоненты: – доктор искусствоведения, профессор
Ромащук Инна Михайловна

– доктор философских наук, кандидат культурологии
Жукова Ольга Анатольевна

Ведущая организация – Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского

Защита состоится «18» апреля 2011 г. в ____ часов на заседании совета Д.212.198.06 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Российского государственного гуманитарного университета.

Автореферат разослан «18» марта 2011 г.

Ученый секретарь совета
кандидат культурологии С.А. Еремеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

На протяжении всего XX века армянская национальная культура (в том числе – армянская музыкальная культура) развивалась под знаком становления и развития национального стиля. Однако в формировании национального стиля профессиональной музыки армянская культура столкнулась с многочисленными трудностями. И поэтому процесс становления и развития национального стиля протекал в армянской музыкальной культуре драматически, испытывая то периоды исторического подъема, то – глубокого спада, мировоззренческого и эстетического кризиса.

Подобная неравномерность в эволюции национального стиля в армянской музыкальной культуре была обусловлена динамикой исторических обстоятельств, в том числе изменениями культурно-исторического контекста, в зависимости от которого менялись не только поиски формул национального стиля, но и сами культурные установки нации в отношении национального стиля армянской музыки.

Обладая богатой и многовековой музыкальной культурой (народной и церковной) Армения, надолго утратившая свою государственность, на протяжении длительного времени не могла создать свою профессиональную музыку, сочиняемую композиторами. Черты национального стиля последовательно сохранялись и оттачивались лишь в народной музыке, прежде всего в среде многочисленных ашугов и гусанов, которые в своем импровизационном мастерстве достигали во многом профессиональных высот, и выработанные в течение столетий образцы мелодического, гармонического и инструментального своеобразия армянского музыкального фольклора сохранили в дальнейшем надолго статус эталона национального стиля в армянской музыкальной культуре. Лишь начиная с середины XIX в. появляются первые профессиональные армянские композиторы, широко опирающиеся на достижения музыкально-фольклорной традиции, а профессиональная армянская музыкальная культура как система вообще начинает формироваться лишь начиная с XX в., не порывая при этом с фольклорными представлениями о национальном стиле армянской музыки.

Уникальное геополитическое положение Армении – между Западом и Востоком – поставило армянскую культуру (в том числе – культуру музыкальную) перед сложным, а нередко и драматическим выбором, предполагавшим отстаивание национально-культурной идентичности армянской музыки перед лицом музыки Запада и Востока; Европы, Азии и России. Фольклорная специфика национального стиля в армянской музыке не позволяла провести принципиальные различия между собственно армянскими чертами музыкального стиля и музыкой смежных народов – арабов, персов и турок; грузин и азербайджанцев, а также других народов Кавказа. Культовое своеобразие армянской церковной музыки сближало ее с европейскими средневековыми образцами – грегорианской традицией, с традициями византийской (греческой) музыки, а позднее – и

новоевропейской музыки Греции, Италии, Австрии. Неслучайно в XIX – начала XX вв. в армянской культуре складываются два «эпицентра» музыкального профессионализма – Константинополь и Закавказье (Ереван, Тифлис, Баку), в которых поначалу формировались два разных эталона национального стиля армянской музыки – так сказать, «европоцентристский» и «закавказский», выступавшие то как конкурирующие друг с другом, то как взаимодополнительные.

Единственным надежным средством обретения своей национально-культурной идентичности для армянской музыкальной культуры было обращение к армянскому крестьянскому фольклору, сохранившему исключительное стилевое своеобразие и избежавшего инокультурных влияний (от которых не мог уберечься, например, армянский городской фольклор), – путь, по которому пошел гениальный Комитас, по праву считающийся основателем армянской профессиональной музыкальной культуры.

Становление в Армении профессиональной музыкальной культуры на этом этапе ее исторического становления и развития было непосредственно связано с поисками национального стиля на путях интеграции с народной музыкальной культурой, обработки и переосмысления фольклорных мотивов и стилевых черт. И действительно, на почве собирания, творческого освоения и углубленного изучения армянского музыкального фольклора армянской профессиональной музыкальной культуре удалось добиться значительных результатов. Здесь особенно показательно появление таких фигур, стоявших у истоков армянской профессиональной музыкальной культуры, как Т. Чухаджян, Х. Кара-Мурза, М. Екмалян, Н. Тигранян, А. Тигранян. Стоит подчеркнуть, что усилиями выдающихся деятелей армянской музыкальной культуры, стоявших у истоков профессионального композиторского творчества в армянской музыке, происходило не только *освоение* богатого музыкально-фольклорного наследия армянского народа, но и его творческое *переосмысление* и даже *преодоление*, без чего было бы невозможно формирование национального стиля профессиональной музыки Армении.

Начавшись еще задолго до Октябрьской революции и обретения Арменией собственной государственности в качестве союзной республики Советского Союза, эти позитивные, культуросозидательные процессы в армянской музыкальной культуре продолжились и в советское время, что привело к формированию мощной композиторской школы армянской советской музыки, почти сразу выделившейся своим уровнем и творческими достижениями на фоне всей многонациональной советской музыки и особенно в сравнении с профессиональными достижениями большинства национальных республик СССР (даже такими развитыми в музыкальном отношении, как Украина и Грузия).

Положение армянской музыки в русле советской многонациональной музыки было также противоречивым: с одной стороны, армянский национальный стиль демонстрировал один из самых ярких национальных стилей Советского Востока; с другой стороны, этот же стиль рассматривался

как производный от музыки условного «Русского Востока», стиля, сформировавшегося в недрах «Могучей кучки»; с третьей стороны, традиции культовой и профессиональной музыки Армении постоянно обращали ее лицом к Западной Европе (к европейским жанровым и стилевым формам, к достижениям западноевропейской эстетики и музыкальной техники.

Третья составляющая – с началом советской политики «железного занавеса» – довольно быстро отпала, – с тем, чтобы снова заявить о себе только в период «оттепели». Армянская советская музыка была провозглашена передовым отрядом национальной советской музыки, особенно музыки восточной, став «визитной карточкой» Советского Востока. Однако и генетическая связь с русской классической музыкальной традицией не была забыта. Классиком и основоположником армянской советской музыки был провозглашен А.А. Спендиаров (Спендиарян), бывший талантливым учеником Н.А. Римского-Корсакова и считавший себя последовательным продолжателем петербургской школы «кучкистов». Одновременно его творчество, преемственное по отношению к наследию «Могучей кучки», было представлено как «эталон национального стиля». Так, была найдена органическая связь между русской музыкой и музыкой национальных республик, а вместе с тем и всего многонационального Советского Союза, которая в данном случае объяснялась, к тому же, и генетически (русская музыка, таким образом, стояла у истоков всех основных национальных стилей советской музыки, сплачивая в интернациональное целое).

После смерти А. Спендиарова место классика армянской советской музыки и эталона национального стиля в музыке недолго оставалось незанятым. На это место стремительно выдвинулся А.И. Хачатурян, талант которого вырос на иной национально-культурной почве. Выходец из Тифлиса, Хачатурян впитал интонации звуковой среды восточного многонационального города, конгломерат национальных музыкальных стилей Закавказья и Кавказа в целом. Хачатуряновский образ армянского национального стиля в такой же мере являлся и воплощением советского многонационального и интернационального стиля, и в этом своем противоречивом качестве он произвел ошеломляющее впечатление на слушателей не только Советского Союза, но и всего мира. Усвоив традиции русской музыки XX века – через творческие контакты со своими великими современниками – Н.Я. Мясковским, С.С. Прокофьевым, Д.Д. Шостаковичем, Хачатурян – больше чем другие советские композиторы – претендовал на то, чтобы создать в рамках своего творчества *универсальный стиль советской музыки* – одновременно национальный и интернациональный.

В рамках советской музыки в целом, в соответствии с общеизвестными установками тоталитарной культуры, сформулированными Сталиным, армянская (и любая иная национальная) музыка СССР должна была одновременно представлять советскую музыку как «национальную по форме» и «социалистическую по содержанию», что неизбежно порождало

сначала зависимость национального стиля музыки от политической идеологии, а затем и углубляющееся противоречие между идеологией и искусством, особенно остро выразившееся в музыке. Помимо этого, проблема национального стиля в подобной концепции искусства постоянно сталкивалась с проблемой стиля интернационального, общесоветского.

Из этого противоречия, поначалу не очень заметного, в течение десятилетий советской власти развился кризис армянской культурной идентичности и национального стиля в армянской музыкальной культуре, что окончательно обозначилось, во всем драматизме, к 1948 году, ко времени принятия печально знаменитого Постановления ЦК ВКП(б) «Об опере В. Мурадели "Великая дружба"». Это постановление оказалось настолько резким и несправедливым, в том числе и по отношению к проблемам советских национальных стилей, что его в скором времени (уже после XX съезда партии) пришлось дезавуировать.

В период «оттепели» (почти сразу после смерти Сталина, но особенно заметно – после XX съезда) советская культура становится более открытой; усиливается интерес к западной культуре (в том числе культуре музыкальной), долгие годы остававшейся дискредитированной, если не вовсе запрещенной – как носительница буржуазно-модернистских начал. Армянская культура – одна из первых в Советском Союзе – вступила в диалог с различными национальными стилями музыки – западноевропейскими, латиноамериканскими, джазовыми и т.п. В кругозор армянских композиторов входит стилевой плюрализм; возникают принципиально новые процессы – стилевой конвергенции и полистилистики. Армянские композиторы, одни из первых в СССР, осваивают наследие нововенской школы – додекафонию, серийную технику. В условиях нарастающего стилевого плюрализма проблема национального стиля армянской музыки вновь вступила в полосу кризиса.

В постсоветский период своего развития армянская музыкальная культура, освободившись от идеологической заданности советского времени, столкнулась с новыми проблемами национально-культурной идентичности – на сей раз в контексте глобализации. Сохранение национального стиля в этом контексте означало в известном смысле сопротивление глобализационным тенденциям и отстаивание армянской культурной идентичности.

Выработавшийся на протяжении XX в. большой творческий потенциал армянской музыкальной культуры и ее известность в мире позволили ей противостоять процессам культурно-стилевой унификации и стандартизации, широко распространившимся в мире, в значительной мере сохранив положение армянской музыкальной культуры как имеющей художественно-эстетическую уникальность и мировое значение.

Сказанное делает проблему эволюции национального стиля армянской музыкальной культуры актуальной и значимой.

Источниками для данной диссертационной работы послужили ключевые тексты произведений армянских композиторов, повлиявших на становление и развитие национального стиля армянской музыки – Т.

Чухаджяна, Комитаса, А. Тиграняна, Р. Меликяна, А. Спендиарова, А. Хачатуряна, А. Бабаджаняна, Э. Оганесяна, Л. Сарьяна, А. Арутюняна, Э. Мирзояна, А. Тертеряна, Т. Мансуряна и др., а также принципиальные интерпретации этих текстов музыковедами и музыкальными критиками, способствовавшими формированию концепции национального стиля армянской музыкальной культуры и его трансформации в XX веке.

Что касается ***состояния научной разработанности*** проблемы, то следует отметить, что наряду с многочисленными экскурсами в проблематику национального стиля, в основном принадлежащими музыкальной критике и публицистике, существует ряд значительных научных исследований по проблематике национального стиля. Среди исследований конкретных национальных стилей музыки наиболее широко представлены работы, посвященные культурной идентичности русской музыки, а из национальных культур бывшего СССР – армянской музыки.

Причины последнего явления во многом раскрыл акад. Б.В. Асафьев. Во второй книге своего труда «Музыкальная форма как процесс», посвященной интонации, он писал, что на Кавказе и в Закавказье интонационные пласты сплелись в сложный клубок, что исследовательская мысль должна проникнуть в истоки и разветвления музыкально-интонационного развития. Сказанное Б. Асафьевым относится и к музыкальной культуре Армении, представляющей собой, может быть, особенно сложный и запутанный музыкально-стилевой «клубок», восходящий к древнейшим пластам архаической музыкальной культуры Месопотамии и Средиземноморья. Между тем, распутывание этого «клубка» по-настоящему только начинается.

Важными шагами по пути осмысления национального стиля армянской музыки стали коллективные труды: «Музыка Советской Армении» (М., 1960); «Музыка республик Закавказья» (Тбилиси, 1975); «Музыкальная культура Армянской ССР» (М., 1985); книга Н.Г. Шахназаровой «Феномен национального в зеркале композиторского творчества (Россия – Армения)» (М., 2007); исследования С. Саркисян «Вопросы современной армянской музыки. 60-е годы» (Ереван, 1983) и «Армянская музыка в контексте XX века» (М., 2002).

Проблематика диалога музыкальных культур и их национального своеобразия поднималась и активно разрабатывалась в СССР в 1970-е годы. Были изданы коллективные научные труды: «Музыкальные культуры народов: Традиции и современность» (М., 1973); «Интернациональное и национальное в искусстве» (М., 1974); «Социалистическая музыкальная культура: Традиции, проблемы, перспективы» (М., 1974); «Октябрь и музыка» (М., 1977). Особый интерес в этом плане вызывают статьи В. Конен, Г. Орджоникидзе и Н. Шазназаровой.

Цель и задачи исследования

Цель – показать эволюцию национального стиля в армянской музыкальной культуре.

Задачи исследования:

- представить национальный стиль в музыке как исторически развивающееся художественно-эстетическое явление;
- показать культурно-исторические факторы, влияющие на динамику национального стиля в музыке (в том числе в армянской музыкальной культуре);
- раскрыть культурные механизмы эволюции и функционирования национального музыкального стиля в Армении (включая такие формы, как кризис национального стиля, конвергенция стилей и полистилистика);
- осмыслить исторически меняющуюся культурную семантику национального стиля в армянской профессиональной музыке и социокультурные закономерности стилевых метаморфоз;
- понять (на примере армянской музыки) феномен национального стиля как особый семиотический механизм культуры, позволяющий в меняющихся культурно-исторических условиях различным образом моделировать национально-культурную идентичность средствами искусства (музыки).

Объект и предмет исследования

Объект – армянская профессиональная музыка XX – начала XXI вв. и ее интерпретации в критике и музыковедческих исследованиях.

Предмет – национальный стиль армянской профессиональной музыки как форма культурной идентичности.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Национальный стиль в искусстве представляет собой форму выражения национально-культурной идентичности. В зависимости от меняющегося культурно-исторического контекста происходит эволюция национального стиля в искусстве. В процессе эволюции национального стиля происходит трансформация критериев культурной идентичности, системы ценностей, включенных в систему установок национального стиля, их иерархия, изменяется культурная семантика и символика, выступающие в каждом конкретном случае как средства художественно-эстетической идентификации национального самосознания на различных этапах становления и развития национальной культуры.
- Формирование национального стиля тесно связано с этногенезом культуры и ее менталитетом. Но в отличие от собственно этнокультурных процессов, развивающихся и изменяющихся крайне медленно, национальный стиль довольно динамичен и отражает взаимодействие различных факторов – как *интрахудожественных* (продиктованных имманентными закономерностями развития данного вида искусства, в том числе эволюцией художественной техники, выразительных возможностей искусства, трансформацией мировоззрения, эстетических представлений, языка искусства), так и *экстрахудожественных*, представляющих собой внешние

факторы воздействия на искусство (географические, политические, религиозные, технические и др.).

- Универсальность и динамичность армянского национального стиля музыки сложилась в эксклюзивных геополитических и культурно-исторических условиях. С одной стороны, армянская культура – одна из древнейших в мире – сохранила в своих недрах архаические пласты культурной семантики, лежащие в основании многих мировых культур, обладающих длительной историей. С другой стороны, занимая пограничное положение между многочисленными цивилизациями древности и средневековья, относящимися к Западу и к Востоку, армянская музыкальная культура впитала в себя интонации как восточной, так и западной музыки. Это сделало армянскую музыку и художественную культуру в целом «всемирно отзывчивой», открытой разным влияниям, но в то же время устойчивой в плане собственной культурной идентичности.

- Длительное время армянская культура, будучи лишена своей государственности, развивалась почти исключительно в русле народной, фольклорной традиции. Армянская музыка начала проникаться импульсами индивидуального творчества и композиторского профессионализма лишь в середине XIX в. И каждый раз становилась перед выбором: между Востоком и Западом, между Европой и Россией, в русле советской, интернациональной тенденции или в качестве национально-культурной автономии. Противоречивые тенденции, сталкивавшиеся внутри армянской музыкальной культуры и нередко конфронтировавшие между собой, приводили к тому, что в истории армянской музыкальной культуры складывались различные, нередко альтернативные эталоны классики национального стиля (Т. Чухаджян; Комитас; А. Тигранян, А. Спендиаров; А. Хачатурян; А. Бабаджанян; А. Арутюнян; А. Тертерян и др.).

- В формировании и развитии национального стиля армянская музыка переживала периоды подъема и спада, а в наиболее трудных случаях – и кризиса. Наиболее острая фаза кризиса национального стиля в армянской музыкальной культуре совпала с кризисом советской музыкальной культуры, который пришелся на 40-е годы XX в., что выразилось в печально знаменитом постановлении ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели – армянского композитора, отрекшегося от национального стиля и даже собственной национальной принадлежности – ради достижения целей политических. С этим кризисом была связана и оскорбительно-резкая критика творчества классика армянской музыки А. Хачатуряна и судьба сломленного сталинскими репрессиями талантливого композитора А. Шишяна, оставшегося неизвестным даже в своей республике.

- Из кризиса армянская музыкальная культура вышла раньше и безболезненнее, нежели другие национальные культуры СССР, что было связано не только с расцветом целого созвездия талантов, но и с мудрым руководством Союза армянских композиторов (Э. Мирзоян). Рано вступив в диалог культур – прежде всего с наследием западноевропейской культуры XX в., армянская музыка активно осуществляла синтез различных

национально-культурных традиций: предпринимала конвергенцию стилей, инициировала полистилистику. Не порывая с национальными истоками своего искусства, развивая культурные связи с Россией, Европой и всем миром, армянская музыкальная культура даже в условиях наступающей глобализации сумела сохранить, в своих лучших достижениях, единство национального и всемирного.

- Рассмотренный в историческом контексте национальной культуры феномен национального стиля предстает как сложно организованный семиотический механизм, средствами искусства регулирующий процессы и результаты культурной идентификации. Отсюда проистекает внутренняя изменчивость национально-культурных стереотипов и эталонов национального стиля, поскольку освоение инокультурного материала приводит к его творческому включению в парадигму национального стиля и эволюции последнего в различных направлениях мировой культуры.

Теоретико-методологической основой ***исследования*** является широко понимаемая семиотика культуры и искусства, к числу основоположников которой мы относим Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, а применительно к музыке Б.М. Гаспарова; из зарубежных авторов – У. Эко и Р. Барта. Будучи приложена к национальной музыкальной культуре, истории музыки, музыкальной стилистике, семиотика культуры и искусства позволяет осмыслить феномен национального музыкального стиля в его функциональной динамике, в его взаимодействии с различными культурно-историческими, политико-идеологическими и эстетическими контекстами. Большое методологическое значение для диссертации имели фундаментальные труды А.Ф. Лосева по теории стиля, акад. Б.В. Асафьева по теории интонации, во многом предвосхитившие семиотический подход к изучению музыкальной культуры и национальных музыкальных стилей. Особое место в связи с нашей проблематикой занимает труд Б.В. Асафьева «Музыкальная форма как процесс», в свете которой и национальный стиль в музыке, являющийся разновидностью музыкальной формы (исключительной по своей сложности), представляет собой *процесс*.

Среди теоретических работ, посвященных общекультурологической, эстетической и теоретико-музыкальной проблематике стиля, следует упомянуть давнюю книгу И.И. Иоффе «Культура и стиль» (Л., 1927), недавно переизданную; работы К.А. Кузнецова «Введение в историю музыки» (М.; Пг., 1923) и «Стиль в музыке» (Музыкальное образование. 1930. № 4 – 5). Среди современных исследований отметим монографию Е.Н. Устюговой «Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля» (СПб., 2003); книгу С.С. Скребкова «Художественные принципы музыкальных стилей» (М., 1973); монографическое исследование М.К. Михайлова «Стиль в музыке» (Л., 1981) и его же книгу «Этюды о стиле в музыке» (Л., 1990). Важные теоретико-методологические проблемы стиля в культуре, в том числе культуре музыкальной, поднимаются в трудах А.В. Михайлова.

Следует также выделить работы В.В. Медушевского, посвященные обоснованию семиотической природы музыкального стиля, Е.В. Назайкинского по типологии и атрибуции музыкальных стилей, исследования М.Г. Арановского по стилевому анализу музыкального текста, Л.О. Акопяна – по анализу глубинной структуры музыкального текста.

Интересный материал для методологии изучения музыкальных стилей как феномена культуры дают и другие, коллективные и индивидуальные труды, учтенные в нашей диссертации. Важными для проблематики настоящего диссертационного исследования являются культурологические работы И.В. Кондакова, посвященные интерпретации музыкального стиля в широком культурно-историческом, идейно-эстетическом и политическом контексте эпохи. Культурно-политические механизмы, определившие динамику музыкальных стилей в истории отечественной музыки XX в. глубоко исследованы в книге Е.С. Власовой «1948 год в советской музыке» (М., 2010); особенно полезной оказалась она при осмыслении кризисных процессов стилеобразования в советской музыке послевоенного времени.

Достижения современного искусствоведения и музыкальной культурологии в области осмысления и анализа национального стиля в музыке; в частности, национального стиля в армянской музыкальной культуре XX в. впечатляют. Однако для большей части исследований в этой области характерны представления о национальном стиле как о чем-то монолитном, константном, раз и навсегда заданном национальным менталитетом, историей национальной культуры. Крайне редко исследователи касаются проблем взаимодействия и взаимопроникновения национальных стилей разных музыкальных культур, их диалога и синтеза. Наконец, остается неопределенным социокультурный статус национального стиля искусства (в том числе – музыки), изменяющийся в зависимости от культурно-исторического контекста эпохи. Это предопределило направленность настоящей диссертации на решение поставленных проблем.

11

Научная новизна

В диссертации впервые национальный стиль в музыке представлен, во-первых, как исторически становящееся и развивающееся явление, зависящее от культурно-исторического контекста, социокультурной политики государства, национальных стилей музыки смежных культур, характера диалога культур, происходящего в рамках той или иной культурно-исторической эпохи. Во-вторых, национальный музыкальный стиль интерпретирован как метаязык национальной культуры, а национальный стиль армянской музыкальной культуры – как метаязык армянской культуры. Наконец, в-третьих, национальный стиль армянской музыки рассмотрен в культурологическом плане – с точки зрения этногенеза и менталитета армянской культуры, ее геополитического положения между Западом и Востоком.

В диссертации показано, почему национальный стиль в армянской культуре и, в частности, в армянской музыкальной культуре обладает особой репрезентативностью именно как стиль. Межкультурные коммуникации, в которые исторически была включена армянская культура, в том числе культура музыкальная, нередко носили негативный характер и были связаны, с одной стороны, с культурной агрессией, подчинением инокультурным началам, навязываемым армянскому народу его завоевателями; с другой, представляли собой борьбу за сохранение и углубление национальной самобытности в условиях, крайне неблагоприятных для этого. Поэтому становление и развитие национального стиля для культуры Армении было равносильно выживанию нации.

На примере армянской музыкальной культуры в диссертации продемонстрированы типологические варианты национального музыкального стиля; показаны процессы кристаллизации и размывания национального стиля; периоды подъема в формировании национального стиля и спада в его развитии; изучены кризисные явления в истории национального стиля в армянской музыке; типологически различные культурные контексты, способствующие или мешающие становлению и формированию национального стиля в музыке.

Впервые национальный стиль в музыке исследуется с точки зрения поиска форм национально-культурной идентичности в меняющемся культурно-историческом контексте. Далее, национальный музыкальнй стиль трактуется с семиотической точки зрения – как особая семиотическая система, обладающая своей культурно-исторической семантикой, которая служит выражению национально-культурной идентичности в меняющемся мире и в процессах межкультурных коммуникаций.

Национальный стиль профессиональной армянской музыки нами исследуется как феномен, развивающийся на перекрестке культур: в диалоге с русской и западноевропейской музыкой, с музыкой других народов Закавказья, во взаимодействии с национальными традициями армянской народной и церковной музыки. Национальный музыкальный стиль Армении в последнюю треть XX и в начале XXI в. изучается в аспекте конвергенции стилей и полистилистики, в контексте современной глобализации и как становящийся феномен мировой культуры.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая и практическая значимость настоящего исследования состоит в том, что изучение исторической эволюции национального стиля в армянской музыке позволяет проследить, в каких формах и с помощью каких культурных механизмов на разных этапах культурной истории искусство, обращаясь к собственным, художественно-эстетическим средствам, осуществляет регуляцию процессов национально-культурной идентификации. Материалы диссертации могут быть использованы при проведении различных музыковедческих курсов – в консерваториях,

музыкально-педагогических вузов, при создании учебников и учебных пособий по истории армянской музыкальной культуры, советской культуры, музыкальной культурологии, истории отечественной музыки.

Апробация

Материалы диссертации докладывались автором на многих международных, республиканских и межвузовских конференциях – в России и Армении. Среди них:

– Международная научная конференция «Глобализация и локальная культура» (Москва: РГГУ, 2002; доклад «Современная армянская художественная культура – ценностные ориентиры в условиях глобализации»);

– Республиканская конференция «Классики армянской музыки XX века» (Гюмри, 2005; доклад «Эволюция национального стиля в армянской музыке XX в.»);

– Международная научная конференция, посвященная 1600-летию создания армянской письменности (Ереван, 2005);

– Международная научная конференция «Композитор и фольклор» (Ереван, 2005);

– Всероссийская научная конференция «Визуальные стратегии в искусстве: теории и практики (Москва: РГГУ, 2006; доклад «Визуальные практики в творчестве армянских композиторов»);

13

– Республиканская конференция «Историко-культурное наследие Ширака» (Гюмри, 2006; доклад «Из армянской музыкально-эстетической мысли второй половины XX в.»);

– Республиканская научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Арно Бабаджаняна (Ереван, 2006);

– Республиканская конференция «Армянское профессиональное музыкальное искусство и Гюмри» (Гюмри, 2007; доклад «У истоков профессиональной музыки и театра в Гюмри»);

– Международная конференция, посвященная 15-летию освобождения города Шуши (Степанакерт , 2007);

– четыре международные научные конференции «Диалог культур» (Гюмри, 2008, 2009, 2010, 2010), организованные и проведенные диссертантом, и др.

По теме диссертации опубликовано два десятка статей, тезисов докладов и др. научных работ, общим объемом свыше 12 а.л., в том числе статья в издании, рекомендованном ВАК РФ – рецензируемом журнале «Вестник РГГУ» (серия «культурология; искусствоведение»).

Идеи и материалы диссертации нашли отражение в педагогической практике (чтение лекций по курсу истории армянской музыкальной культуры XX в., истории армянской музыкально-эстетической мысли, по проблематике диалога культур в истории армянской и мировой музыки), а также в научно-организационной деятельности автора на посту руководителя Гюмрийского филиала Ереванской консерватории имени Комитаса.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура диссертационного исследования

Диссертация состоит из Введения, 3-х глав (7 параграфов), Заключения и Списка источников и литературы, что определяется целью и задачами исследования и соответствует историческому подходу к изучению поставленной проблемы. *1 глава* – Менталитет армянской культуры и генезис национального музыкального стиля; *2 глава* – Развитие национального стиля в армянской музыке XX века; *3 глава* – Проблемы культурной идентичности в армянской музыкальной культуре второй половины XX – начала XXI веков.

Во **Введении** определены актуальность и степень разработанности темы исследования, поставлена научная проблема, сформулированы цель и задачи, объект и предмет исследования, обозначены методологические принципы диссертации и основные положения, выносимые на защиту, обоснована ее научная новизна, теоретическое и практическое значение.

I глава диссертации – **«Менталитет армянской культуры и генезис национального музыкального стиля»** – носит по преимуществу теоретический характер. В параграфе **1.1. – «Национальный стиль музыки как метаязык культуры»** речь идет о наиболее общих представлениях национального стиля, выработанных современной гуманитарной наукой, как о форме культурной идентичности.

Национальный стиль (включая национальный стиль в музыке), представляет собой особую семиотическую систему, являющуюся метаязыком национальной культуры, понимаемым всеми ее носителями. Всеобщность и смысловая универсальность национального стиля, представляющиеся обыденному сознанию как бы само собою разумеющимися и не требующими специального анализа, представляют собой довольно сложную проблему, с точки зрения семиотики искусства. Собственно, всеобщность и универсальность национального музыкального стиля и делает его для огромной массы слушателей – подготовленных и неподготовленных – своего рода метаязыком национальной культуры как целого.

Ведущими компонентами национального стиля являются значимые в смысловом отношении, системообразующие этнокультурные факторы – национальный менталитет, культурные традиции и стереотипы, их исторические трансформации, культурно-исторический контекст формирования и развития данной культуры, результаты межкультурных взаимодействий со смежными или авторитетными культурами, входящими в кругозор данной культуры.

Среди этих факторов есть такие, которые остаются неизменными или меняющимися крайне медленно и незаметно: менталитет, культурные

традиции и этностереотипы и др. В музыке такими компонентами национального стиля являются ладовые особенности традиционной национальной музыки, традиционные ритмы – обрядовые, танцевальные, *песенные, интонационный фонд нации, тесно связанный с речевыми* практиками национального языка, тембровые константы, во многом определенные принятыми в данном регионе музыкальными инструментами. Именно эти составляющие формируют ядро национального стиля в искусстве (в том числе в музыке); они образуют константный набор признаков национального стиля, делающий его узнаваемым как для носителей данной культуры, так и для «посторонних наблюдателей (зрителей, слушателей и т.п.), идентифицирующих национальный стиль искусства как «чужой» – по отношению к собственной национально-культурной специфике – и условно определяющий его культурную принадлежность (например, как стиль «восточный» или «европейский», «латиноамериканский», «афроамериканский» и т.д.). Все эти константные составляющие стилевой парадигмы выражают *центростремительные* тенденции национального стиля в каждой определенной культуре.

Однако другие компоненты национального стиля, в основном приходящие в стилевую парадигму «со стороны», из контекста смежных иди отдаленных культур, оказываются динамичными, постоянно и непредсказуемо изменчивыми, и, самое важное, воплощающими *центробежные* тенденции национального стиля, что, в конечном счете, и обусловливает смысловые, функциональные и исторические трансформации национального стиля в истории каждой культуры. Без действия этих «внешних» факторов национальный стиль прекратил бы развитие и утратил жизненность, волевую целеустремленность, продуктивность, погрузившись в стилевую стагнацию и застой, т.е. неизбежно деградировал в общемировом культурном контексте. С этим связаны процессы кризиса национальной идентичности в искусстве, периодически возникающие в истории культуры, и, наконец, даже гибель национальной культуры, либо растворяющейся в национальных стилях смежных культур, либо подчиняющейся культурной аннексии культур-захватчиков, либо тонущей в стихии национальной бесстильности, глобальной уравнительности и унифицированности.

В конечном счете, становление и развитие каждого национального стиля происходит в процессе противоборства центростремительных и центробежных тенденций, из которых первые отвечают за стилевые константы национальной культуры, а вторые – за стилевую динамику. Национальный стиль в музыке представляет собой многоуровневую систему, в которой находят взаимное соответствие разные индивидуальные, групповые и общекультурные идентичности, объединенные между собой национально-культурной стилевой доминантой.

Глубокая содержательность стилевых характеристик искусства во многом определяется тем, что стилевая парадигма творчества никогда не исчерпывается чисто формальными характеристиками художественных произведений, характеризуемых со стилевой точки зрения. Сказанное,

безусловно, относится и к музыкально-стилевым представлениям. Как справедливо отмечал В. Медушевский, музыкальный стиль – интонируемое миросозерцание. Это лирический субъект, перешагнувший рамки одного произведения, реализовавший себя в разных фабулах и определившийся по отношению к миру в целом.

Национальный стиль – это тоже «интонируемое миросозерцание», только трактуемое в масштабах «музыкально-интонационного словаря» (Б. Асафьев). Так, например, Б.В. Асафьев усматривал в явлении *стиля* – с одной стороны, «интонационно-выразительное постоянство», а, с другой, – происходящий, под воздействием общественного сознания, «*интонационный отбор*», который, собственно, и становится «обнаружением *стиля*». В значительной мере это относится как раз к национальному стилю музыки, но не к явлениям политико-идеологического порядка.

В монографии «Стиль в музыке» М.К. Михайлов, обобщая свои наблюдения за советской музыкой, подчеркивает, что ее «многостильность» (выражение, кстати, намного более удачное, нежели широко распространенное в 1970-е – 80-е годы в советской гуманитарной науке выражение «стилевое многообразие») проявляется на трех основных уровнях: индивидуальном, стиле направления и национальных стилевых систем. Термин «многостильность» означает, что музыка характеризуется одновременно несколькими уровнями стилевой идентичности – индивидуальным, коллективным и национальным, причем ни один из названных уровней не исключает другие уровни, и каждое отдельное произведение оказывается включенным во все три уровня культурной идентичности – индивидуальный, групповой и национальный.

16

Рассматривая как наиболее высокий уровень идентичности – уровень национального стиля, М. Михайлов не может объяснить, что же интегрирует многонациональную советскую музыку в одно смысловое целое. М. Михайлов констатирует, что в основе этого многоголосия лежит некое единство, целостность не стилевого порядка, а идейно-мировоззренческого. Ее составляет глубочайший «подпочвенный пласт», обобщенный категорией метода социалистического реализма (!).

Отдавая дань своему времени, Михайлов явно противоречит логике своего исследования: целостность нестилевого порядка никак не может соединить стилевое многоголосие, а соцреализм в музыке, если он и существовал когда-то, отнюдь не составляет «глубочайшего подпочвенного пласта», но, скорее, является идеологической «надстройкой» над музыкальным материалом. И в самом деле, с концом коммунистической идеологии политическое «сверхъединство советской музыки» распалось на национальные стили и сохранило лишь историческое значение.

Однако и национальный музыкальный стиль не является чем-то раз и навсегда заданным, сложившимся, окончательным. Национальный музыкальный стиль, писал М. Михайлов в книге, вышедшей посмертно, есть форма выражения музыкально-образного содержания, отражающего мировосприятие, мироощущение, идеи, эмоции, специфичные для

определенной национальной культуры. Однако это общее рассуждение требует ряда существенных оговорок. Это связано с тем, что порождающие это музыкально-образное содержание внемузыкальные предпосылки находятся «в состоянии непрерывного развития и изменения вместе с общественно-историческим развитием самой нации (народности). Это означает, что само идейно-образное содержание, образующее в конечном счете феномен национального стиля в музыке, находится в состоянии непрерывного развития, а потому в принципе не может быть определено внеисторично, как жесткая, константная система принципов и свойств.

Во *втором параграфе* первой главы – **«Национальный стиль армянской музыки: общие особенности»** – автор на материале истории музыкально-эстетической мысли Армении (в частности, таких ее выдающихся представителей, как А.А. Адамян и Х.С. Кушнарев) показывает трудности, с которыми сталкивались искусствоведы, осмысляя феномен национального стиля армянской музыкальной культуры XX в.

Армянским эстетикам удалось показать исключительное своеобразие армянской музыки на широком культурном фоне – художественной культуры (и, в частности, музыки) Востока вообще, музыкальных культур Кавказа и Передней Азии в целом и в отдельности; музыки в контексте других видов искусств – литературы, архитектуры, изобразительного искусства, театра; в исторической динамике разных культурных эпох – от родового и рабовладельческого общества до советского периода.

17

Анализ ладово-интонационного своеобразия армянской монодической музыки, всесторонне раскрыл общий *интонационный фонд* армянской музыкальной культуры – как народной, так и композиторской, во многом объясняющий национальное своеобразие армянского музыкального искусства – в контексте музыки других народов Советского Союза. Однако включенность армянской музыкальной культуры в советскую невольно приводил исследователей к идейно-художественной унификации советской музыкальной культуры и размыванию критериев национально-культурной идентичности армянской музыки. Бедность выводов, к которым пришли – каждый по-своему – А.А. Адамян и Х.С. Кушнарев в отношении армянской музыки XX в., свидетельствует о том, что проблемы становления и развития национального стиля в армянской музыке довольно сложны для осмысления и не терпят облегченных, схематичных, идеологизированных решений.

II глава диссертации – **«Развитие национального стиля в армянской музыке первой половины XX века»** – дает представление о динамике национального стиля армянской музыки в первой половине прошлого столетия. В параграфе **2.1. Армянская музыка в поисках культурной идентичности (конец XIX – начало XX вв.)** демонстрируются различные пути обретения армянской профессиональной музыкой своей национально-культурной идентичности.

Историческая опера *Т. Чухаджяна* «Аршак Второй» (1868), фактически до сих пор считающаяся первой армянской оперой, была армянской лишь по

тематике и сюжету, по своему словесно-литературному оформлению, но не была таковой по музыкальному языку. По музыке эта опера, как и другие музыкально-театральные произведения Т. Чухаджяна, находилась целиком в русле традиций итальянской школы, без каких-либо попыток перенести принципы многоголосного письма на подлинно национальный армянский мелос.

Это объясняется целым комплексом причин. Во-первых, Т. Чухаджян жил в Константинополе, вдали от родины и в отрыве от живых национальных традиций армянской музыки; во-вторых, он получил образование в Италии, восприняв опыт итальянской оперной классики; в-третьих, будучи организатором первых музыкально-театральных трупп, он вместе с возглавлявшимися им коллективами с успехом выступал перед этнически неоднородной аудиторией городов Ближнего Востока, Балкан, Египта, для которой интонационная среда армянской музыкальной культуры была мало знакома. В-четвертых, и это не менее важно, Чухаджян был одним из первых музыкантов на Ближнем Востоке, «выступавшим убежденным поборником приобщения восточной музыки к опыту и традициям европейской музыкальной классики, овладевшим композиторской профессиональной техникой, сложными жанрами камерной, симфонической и оперной музыки.

Обстоятельства создания первой армянской оперы привели Т. Чухаджяна к противоречивым результатам: соединение национального сюжета, обращенного к героическому прошлому армянского народа, с интернациональным языком европейской профессиональной музыки привело к рождению стилевого симбиоза, с одной стороны, не отличавшегося художественно-эстетической долговечностью, а, с другой стороны, способствовавшего быстрому распространению и широкой популярности среди населения Западной Армении патриотических образов и идей армянской истории в музыкальной форме стилизованной европейской классики.

18

По существу, композиторы константинопольской школы, во главе с Т. Чухаджяном, всем своим творчеством способствовали не столько становлению национального стиля армянской музыки, сколько способствовали включению армянской музыкальной культуры в культуру музыкальной Европы, т.е. представляли собой процесс интернационализации армянской музыки и ее европейской интеграции. В этом отношении европеизация армянской музыкальной культуры начиналась сходным образом с европеизацией венгерской музыки в творчестве Ф. Листа. Как и Лист, Т. Чухаджян и другие композиторы константинопольской школы подходили к армянской музыке *извне*, с позиций европейского музыкального профессионализма, как к материалу для дальнейшей обработки.

Другой путь становления армянской музыкальной культуры намечал основоположник армянской профессиональной музыки *Комитас* (*Согомон Согомонян*). Комитас стремился обосновать исключительное своеобразие армянской национальной музыки и максимально абстрагировался от

музыкально-культурного контекста возникновения и развития армянской музыки (а в этом контексте есть и восточные ладовые компоненты, и раннехристианские, европейские традиции, оказавшиеся на разных этапах истории армянской музыки влиятельными). Подчеркивая христианский характер исконно армянской церковной музыки, Комитас тем самым утверждал ее глубинный, хотя и совершенно своеобразный *европеизм*.

Для Комитаса более актуальным, нежели выяснение культурно-исторического генезиса армянской культуры (музыки в том числе) было *национальное самосознание* армянского народа, понимание им своей самобытности и исторического предназначения. Доказывая органическое родство между народной и церковной музыкой Армении, Комитас не только реабилитировал, в глазах верующих, светскую народную музыку, но и убедительно доказывал национальное происхождение армянской церковной музыки, которую одни теоретики бездоказательно объясняли решающим воздействием Византии, а другие – столь же безапелляционно – объявляли результатом влияний арабо-иранской профессиональной музыки.

В представлении Комитаса, национальный стиль начинается с мелодии (включая ее ладовые и ритмические характеристики), продолжается в гармонии и полифонии (образующих звучащую вертикаль) и завершается в тембре, куда включаются такие параметры, как «национальная манера пения» и самобытные национальные музыкальные инструменты,

Исследуя ладовую природу армянской музыки, Комитас, с одной 19 стороны, критиковал представления тех музыкантов, которые преувеличивали роль пентатоники и восточных ладов в происхождении армянской музыки, но и довольно скоро отказался от обсуждения проблемы восьмигласия в ладообразовании армянской музыки, первоначально его занимавшей, как и от осмысления взаимосвязи армянской церковной музыки с греческими церковными ладами (октавными звукорядами). Тем самым, и азиатский, и европейский исторические контексты формирования армянской музыки были отодвинуты в сторону как неактуальные для национального самосознания армян, для осмысления специфики армянской музыкальной культуры.

Отвергая перспективы межкультурного диалога с восточными культурами – воинствующими носителями панисламизма (и без того сыгравшими чрезмерную и во многом негативную роль в культурной истории Армении), Комитас усматривал на пути национально-культурного развития и самоутверждения Армении два вида межкультурных контактов, продуктивных для армянской культуры. Это *диалог с русской культурой*, исключающий какие-либо формы подчинения русской культуре или растворения в ней, и *диалог с западноевропейской культурой*, также предполагающий духовную независимость армянской культуры и ее обогащение за счет приобщения к «возвышенным и желанным» для нее «европейским гуманитарным идеям».

На первом плане ближайшей культурной истории Армении у Комитаса стоит самобытность и независимость армянской музыкальной культуры, ее

самоутверждение и самовозрастание. На втором плане оказывается диалог армянской культуры, развившейся и окрепшей в своем саморазвитии, – с культурой западноевропейской, еще во многом чуждой для Армении, но задающей новые ориентиры и формы для армянской культуры. И лишь на третьем плане возможен диалог армянской культуры с русской, в ходе которого должно произойти дальнейшее укрепление национального своеобразия армянской культуры и (в результате русской революции, которая, как надеется Комитас, приведет к национальной независимости Армении) ее восходящее развитие по национальному пути. Так, Комитасом формулируется своего рода *алгоритм культурно-исторического развития* армянской культуры в XX веке, в дальнейшем во многом подтвердившийся.

В следующем параграфе диссертации – **2.2. «Становление национального стиля армянской профессиональной музыки (конец XIX – середина XX вв.)»** повествуется о создании *А. Тиграняном* оперы «Ануш», по существу являющейся настоящим истоком армянской национальной оперы и следующим шагом в формировании национального стиля армянской музыкальной культуры.

А. Тигранян, в отличие от Т. Чухаджяна и других музыкантов Западной Армении, не получил серьезного, профессионального музыкального образования, и это, особенно поначалу, негативно сказывалось на его творчестве. Так, первая редакция оперы «Ануш» отличалась бедной и однообразной инструментовкой, страдала примитивной гармонией и

упрощенным голосоведением; опере недоставало сквозного симфонического развития. Молодому композитору явно не хватало школы и творческого опыта, владения симфонической техникой.

Однако этот, своего рода «дилетантизм» А. Тиграняна, осваивавшего профессиональные навыки и критерии серьезной музыки самодеятельно, в течение всей своей творческой жизни, имел и свои достоинства. Во-первых, это глубокий, почти профессиональный интерес к армянской народной музыке, великолепное знание ашугских традиций и конкретных произведений армянского музыкального фольклора; во-вторых, исключительное ощущение и понимание основ национального стиля армянской музыки, проявляющегося в фиксации характерных интонаций, попевок, ладовых и ритмических оборотов армянского народного мелоса, характерного для народных песен и танцев, причетов и заплачек, пастушеских наигрышей и ашугских баяти. В-третьих, интерес к народной музыке, к непрофессиональному музыкальному творчеству и к профессиональному некомпозиторскому творчеству не только компенсировали А. Тиграняну его собственный недостаточный профессионализм, но и делали его творчество открытым к музыкальным явлениям, не укладывающимся в готовые, устоявшиеся представления о музыкальном профессионализме (европейском или русском), ко всему новому и необычному, с общепринятой точки зрения.

В этом отношении А Тигранян был творчески более свободен от канонов профессионализма, по сравнению с многими его современниками – М.

Екмаляном, А. Тер-Гевондяном, окончившими – вслед за А. Спендиаровым – Петербургскую консерваторию, а также Г. Сюни, Р. Меликяном, учившимися в ней, а значит, в той или иной мере впитавшими сильные традиции русской композиторской школы Н. Римского-Корсакова и стереотипы «русского ориентализма». Поиски критериев национального стиля, осуществлявшиеся молодым А. Тиграняном, были ближе всего к исканиям, во многом еще любительским, Х. Кара-Мурзы и Н. Тиграняна (первого – в области хоровой музыки; второго – в обработках мугамных мелодий для фортепиано) а также, конечно, к высоко профессиональной деятельности Комитаса – композитора и фольклориста. Однако, если последние (включая отчасти и Комитаса) добивались близости к фольклору прямым использованием народных образцов, а также их обработкой и переложениями, то А. Тигранян использовал гораздо более редкий метод – «вживания» в фольклорный стиль, когда авторская музыка воспринимается «как народная» (что особенно ярко демонстрирует классический пример – опера «Ануш», которая, начиная с первых, еще весьма несовершенных исполнений, воспринималась слушателями как фольклор).

Решая актуальные для армянской культуры художественно-эстетические, музыкальные проблемы (поиски армянского национального оперного стиля), А. Тигранян поднимал насущные для традиционного общества нравственные, политические, религиозные проблемы. Может быть, впервые армянская опера становилась общественной трибуной (что уже давно происходило с итальянской, французской, немецкой и русской оперой). Если же говорить об инокультурных влияниях на оперу А. Тиграняна «Ануш», то это были русские оперные традиции, но не эпические – «кучкистов» (как, например, у А. Спендиарова), – Н. Римского-Корсакова, А. Бородина, отчасти М. Балакирева, а лирические – А. Даргомыжского (прежде всего – «Русалка») и П. Чайковского («Черевички», «Евгений Онегин»), отличающиеся косвенным, авторски преломленным и творчески переосмысленным фольклоризмом. Подобный культурно-исторический контекст расширил представления о национальном стиле армянской музыки, не сводимому буквально к армянскому музыкальному фольклору.

Армянская национальная опера родилась в многонациональном контексте, на стыке разных музыкальных культур, вступивших в плодотворный творческий диалог – итальянской, русской и собственно армянской, с неизбежными вкраплениями иных восточных культур – прежде всего других культур Закавказья (а также персидской и турецкой, в опасном соседстве с которыми жила и развивалась культура Армении). Этой тенденцией было обусловлено и становление национального стиля армянской профессиональной музыки в целом.

Заключительный параграф второй главы – **2.3. Кризис национального стиля в советской музыке (середина XX в.)** посвящен трансформациям национального стиля армянской музыкальной культуры в послевоенное время, отмеченное чертами кризиса советской культуры в условиях позднего

сталинизма. Главной вехой этого периода стал выход в свет Постановления ЦК ВКП(б) «Об опере "Великая дружба" В. Мурадели» (1948).

Постановление можно было понять как четко сформулированную устремленность сталинской культурной политики 1940-х гг. на создание *общего стиля советской музыки* с опорой на национально-русский стиль как фундамент интернационального единства. Поэтому в нем упоминаются не *национальные*, а *народные* мелодии (что следует понимать как обращение к фольклорным истокам); поэтому советская музыка в целом противопоставляется буржуазной музыке Запада, реализм – модернизму, народность – индивидуализму и формализму.

Сталинская концепция национального стиля в советской культуре, оформившаяся еще на рубеже 1920 – 30-х гг., предельно проста. Согласно сталинскому определению, любая культура в Советском Союзе, с одной стороны, по своему содержанию является *социалистической*, и в этом отношении все национальные культуры народов СССР должны быть унифицированы в качестве составляющих единой советской социалистической культуры; с другой стороны, каждая культура по своей форме – *национальна*, и в этом качестве обладает своей качественной (этнокультурной и национально-художественной) спецификой. Если исходить из того, что, с традиционной марксистской точки зрения, содержание первично, а форма вторична, что содержание определяет форму, а форма лишь соответствует содержанию, то культуры народов СССР были, в первую очередь, социалистическими и лишь во вторую – национальными.

22

Применительно к художественному стилю (в том числе в музыке) это означало, что национальные культуры, по мере своего исторического развития (по пути к социализму) должны демонстрировать прежде всего свое идейное единство, а уже затем – свои национальные различия. В музыке, как и в других искусствах, должен был формироваться *общий социалистический стиль* (стиль «социалистического реализма»), которому должен быть подчинен стиль национальный (как чисто стилистическое оформление идейно-политической концепции). Во всяком случае, приоритет социалистического стиля над национальным в каждой культуре должен был быть несомненным. Этим судьба национальных стилей советской музыки была предрешена.

Развитие национального стиля, как и любого стиля вообще, не бывает только поступательным – в положительном или отрицательном смысле. Как правило, такие процессы в культуре носят пульсирующий, волнообразный характер. Периоды подъема и расцвета того или иного явления (в данном случае национального стиля, как и других форм культурной идентичности) закономерно сменяются периодами спада, деградации, кризиса. Обычно те явления культуры, которые прошли периоды кризиса, выходят из состояния кризиса обновленными, преодолевшими кризисные черты. Это относится и к феномену национального стиля, в истории которого наблюдаются свои «приливы» и «отливы». Конец 1940 – начала 50-х гг. отмечен всесторонним кризисом национальных стилей советской музыки культуры.

Кризис армянского национального стиля, наблюдаемый в это время, имеет ряд причин общего характера, нуждающихся в культурно-историческом объяснении, исходящем из особенностей тоталитарной эпохи. В настоящем исследовании, наряду с обсуждением общих проблем этого кризиса, речь идет и о трех отдельных творческих судьбах, показательных для него. Одна из них – творчество великого национального художника мирового значения – *Арама Хачатуряна*, подвергшегося несправедливой разгромной критике и сломленного ею. Другая – деятельность художника среднего уровня дарования, но дальновидного политика, сумевшего построить свою карьеру в границах существующих социальных обстоятельств, – *Вано Мурадели* (*Ованеса Мурадяна*) выбравшего путь политической конъюнктуры и ради этого даже поменявший свою национальность, чтобы оказаться ближе к вождю. Третья судьба – человека талантливого, но раздавленного катастрофическими жизненными испытаниями, обрушившимися на него, и оказавшегося ничем не защищенным от роковых ударов, – *Азата Шишяна*, ставшего жертвой Большого террора. Сравнение между собой трех разных судеб, на наш взгляд, красноречиво характеризует кризис национального стиля в его различных непредсказуемых проявлениях.

III глава диссертации – **«Проблемы культурной идентичности в армянской музыкальной культуре второй половины XX – начала XXI веков»** характеризует историческую динамику национального стиля армянской музыкальной культуры, наметившуюся с наступлением «оттепели» в СССР и усугубившуюся с распадом СССР и обретением Арменией политической независимости.

Первый параграф третьей главы – **«Армянская музыка: диалог на перекрестке мировых культур»** обозначает наметившуюся тенденцию развития национального стиля армянской музыки в условиях начавшейся политической и культурной конвергенции Востока и Запада, большей открытости Советского Союза и расширения межкультурного диалога.

Классик армянской, советской и мировой музыки Арам Хачатурян нередко заявлял, что он, «воспитанный и выросший на русской культуре», не перестает ощущать себя «истинным патриотом-армянином». Это явное противоречие не казалось ему неразрешимым. В письме к А.Я. Гаямову от 3 июня 1945 г. (откуда взяты процитированные выше слова) композитор писал: «…Я жажду свое армянское вынести на большую дорогу. На этой большой дороге много русел, одно из больших русел – это русская музыка; вот мое, я хочу, чтоб присовокупилось к этому большому руслу, называемому русская музыка…». «Русская музыка», как мы видим, интерпретировалась Хачатуряном как социокультурное «русло» развития и распространения армянской музыки, т.е. как своеобразная «матрица», функционально и социально важное цивилизационное средство культурного процесса. Все эти мысли Хачатурян набросал вскоре после окончания Великой Отечественной войны, как известно, пронизанной русским патриотизмом.

Трактовка русской музыки и русской культуры в целом как «большой дороги» советского искусства была объективно актуальной и востребованной. Однако речь в данном случае должна идти не только о распространенной в советской культуре тенденции – гибком совмещении *национальной специфики* с *традициями русской культуры*, выступавшей в Советском Союзе (в силу присущей ей, по выражению Достоевского, «всемирной отзывчивости») – как средство межнационального общения среди культур народов СССР. Применительно к личности и творчеству А. Хачатуряна мы должны говорить о рождении нового *межкультурного синтеза*, и многие армянские композиторы – вслед за Хачатуряном продолжили свои поиски в этом направлении именно потому, что он открыл, вслед за М. Сарьяном, но применительно к музыке, свойство *«всемирной отзывчивости»* для армянской культуры (впоследствии, применительно к кино, это открытие упрочил С. Параджанов).

Возникновение интегрального неостиля свидетельствует о создании стилевого синтеза, в котором, наряду с данным национальным стилем, появляются стилевые черты других национальных стилей и, наконец, возникают признаки наднационального или интернационального искусства, которое идентифицируется не как армянское или, например, русское, а как, скорее, общесоветское.

Выходец именно из Тбилиси, А. Хачатурян услышал музыку Востока не только как армянскую, но и как синтез многих национальных культур

Кавказа и Закавказья. На следующем этапе своего становления как композитора ему удалось достигнуть органического синтеза европейского и восточного, как до него никому другому. Однако значение эстетического переворота, произведенного Хачатуряном, не исчерпывается этим синтезом. Мы можем констатировать, что творчество Хачатуряна не только впитало в себя плодотворное влияние русской музыки XIX – XX вв. (что общепризнано), но и само оказало влияние на русскую музыку XX века.

Достаточно сказать, что знаменитый Вальс из музыки А. Хачатуряна к драме Лермонтова «Маскарад», апеллировавший, с одной стороны, к знаменитому «Вальсу-фантазии» М. Глинки, а, с другой, к веберовскому «Приглашению к танцу», послужил основой для множества вальсов XX века, символизирующих танцевальную стихию русского XIX в. (таковы вальсы С. Прокофьева – «Пушкинские вальсы», вальсы из оперы «Война и мир», из балета «Золушка», из кинофильма Лермонтов, позднее – вальсы Г. Свиридова, Е. Доги и т.п.). Таким образом, диалог русской и армянской музыки, начиная с творчества Хачатуряна, приобрел двухсторонний характер. Здесь можно назвать то влияние на русскую музыку, которое оказали впоследствии А. Арутюнян, А. Бабаджанян, М. Таривердиев, А. Долуханов, Д. Тухманов и др.

В послевоенное время складывался сплав армянских интонаций, относящихся еще к довоенному времени, и западноевропейских, отображающих разные стилевые эпохи – барокко, классицизма, романтизма в одних и тех же музыкальных произведениях. Многие исследователи

отмечают, что обращение армянской музыки к традициям европейского неоклассицизма очень органичны художественным принципам Комитаса, более тяготевшим к эмоциональной сдержанности, стилевой уравновешенности, а не к повышенной патетике и драматизму.

У истоков непосредственного обращения армянской музыки к западным стилевым традициям в 1940- е годы стоят яркие фигуры выдающихся армянских композиторов – Александра Арутюняна, Эдварда Мирзояна и Арно Бабаджаняна. Следует подчеркнуть, что подобные тенденции в послевоенный и «оттепельный» периоды прослеживаются, например, у прибалтийских композиторов, но их обращение к западным стилевым традициям не казалось неожиданным, как в случае с армянской музыкой.

Следующий шаг в развитии диалектики национального и интернационального в музыкальном творчестве, а вместе с тем и в музыкально-эстетической мысли сделал А. Бабаджанян, который сумел, обращаясь к средствам нововенской классики (додекафонии и серийной техники), опираясь на принцип хроматических интервальных групп А. Веберна, воссоздать музыкальные образы, близкие интонационно древнеармянским погребальным плачам – вохбам (Третий квартет, Шесть картин, Поэма; отчасти Скрипичный и Виолончельный концерты).

Не сразу были поняты аналогичные искания и других выдающихся армянских композиторов – Дж. Тер-Татевосяна, Л. Аствацатряна, А. Тертеряна, Т. Мансуряна, Л. Сарьяна, А. Зограбяна, В. Бабаяна, Е. Ерканяна, Э. Айрапетяна – на определенном этапе (в 1960 – 70-е годы) ставших в своем творчестве активно обращаться к традициям нововенцев и ультрасовременной композиторской технике – додекафонии и сериальности, сонорике и алеаторике, конкретике и полистилистике (хотя следует подчеркнуть, что в целом официальное отношение к формальным исканиям композиторов в Армении было уже в это время гораздо более терпимым и лояльным, нежели в славянских республиках – России и Украине.

25

Второй, заключительный параграф третьей главы – «**Конвергенция стилей и полистилистика в армянской музыкальной культуре второй половины XX века**» осмысляет метаморфозы национального стиля армянской музыки, вызванные интенсификацией диалога армянской культуры с другими культурами мира. В результате усилившейся диалогичности культур обозначились две тенденции – конвергенция национальных стилей и формирование полистилистики.

Первая тенденция ярче всего заявила о себе в позднем творчестве А.И. Хачатуряна, начиная с 1950 – 60-х гг. В музыке балета «Спартак» он создает такой универсальный музыкальный язык, который, сохраняя органическую связь с национальными интонациями и ладами армянской музыки, в то же время вызывает ассоциации и с музыкой античного мира, музыкой Древнего Востока, широким спектром различных национальных мотивов как архаики, так и современности. Этот язык как бы хранит память об эллинистическом периоде армянской культуры, об общих истоках различных музыкальных культур Средиземноморья и воплощает в себе поистине общечеловеческое

начало (любовь Спартака и Фригии, высокомерие Красса, чувственность Эгины, пафос восстания рабов и обретенной свободы пленниками Римской империи).

Свой стиль А. Хачатурян в балете «Спартак» вывел на качественно новый уровень обобщения. В нем синтезированы, во-первых, обобщенные особенности музыки народов Востока, в котором отдельные национальные интонации (в том числе народной армянской музыки, шире – мелодическое наследие народов Закавказья в целом) могут лишь угадываться, восприниматься как намек, как «знак» Древнего Востока, к которому, в той или иной степени, гипотетически были причастны и древние армяне, и древние греки, и древние римляне. Во-вторых, в этом интегральном стиле не утрачиваются особенности авторского, индивидуально-творческого стиля Хачатуряна, что делает музыку композитора узнаваемой во всех его произведениях, относящихся к разным периодам его творчества, а в случае «Спартака» – репрезентирует современный авторский взгляд на исторические события Древнего Рима, представляя авторскую точку зрения в современной интерпретации и оценке античной истории и культуры с большой культурно-исторической дистанции. Для такой трактовки восстания Спартака и патрицианской повседневности характерны и огромная, почти символическая обобщенность, и известная модернизация отдаленного прошлого, придающая чувствам и страстям героев музыкально-хореографической симфонии (как нередко называют балет «Спартак») общечеловеческие, внеисторические черты.

26

С другой стороны, этот стиль в своем симфоническом развитии опирается не только на стилевые особенности русской классической музыки (прежде всего «кучкистов» – Бородина, Римского-Корсакова, Балакирева, а также Глинки, Чайковского и Рахманинова, нередко обращавшихся к разработке стилизованных восточных мотивов (как это бывало ранее, например, в Первой и Второй симфониях, триаде инструментальных концертов), апеллирует не только к опыту коллег – классиков советской музыки С.Прокофьева и Д. Шостаковича, – но и к западно-европейским традициям – Г. Берлиоза, Ф. Листа, Э. Грига, К. Дебюсси, И. Альбениса, Б. Бартока с их инструментальной красочностью, изысканностью колорита, предвосхищающего сонорные эффекты, и особенно Вагнера, с его системой сквозных лейтмотивов и «бесконечной мелодией».

Это позволило Хачатуряну в «Спартаке» создать такой обобщенный неостиль, который смог выйти за грани общесоветского большого стиля (национально-интернационального) и предстать как стиль всемирный, в котором восточное начало органически сочетается с западноевропейским, а намек на архаичность уравновешивался современными музыкальными средствами (к примеру, политональностью, нетерцовой аккордикой, сложными ладовыми тяготениями, интенсивным полифоническим развитием и т. п.). Этот же стилевой синтез характерен и для творчества А. Хачатуряна 1960-х гг., особенно явно в триаде Концертов-рапсодий – для скрипки с

оркестром (1961), для виолончели с оркестром (1963), для фортепиано с оркестром (1968).

Одной из форм стилевой демократизации советской музыки в середине XX в. стала так называемая *полистилистика*. В самом деле, полистилистика становится не только средством *расширения*, *плюрализации* художественно-эстетических вкусов и стилей (а вместе с тем и идейно-эстетических видений мира, и культурно-исторических представлений, т. е. мировоззрений), но и своего рода «противоядием» против всяческого «идейно-эстетического *монизма*» (тоталитарного, авторитарного и т.п. диктата).

В этом смысле феномен полистилистики в истории музыкальной культуры XX века – от самых своих истоков до развитых, сознательно культивируемых стилевых форм – символизировал протест против любой идейно-эстетической и художественно-стилевой унификации, «заорганизованности», стилевой «клишированности», против всякой художественно-эстетической монополии, символизировал борьбу против исключительного признания только одних, определенных авторитетов и образцов и запрещения, даже изъятия иных, оппозиционных, альтернативных или идейно скомпрометированных – имен и произведений, стилевых тенденций и идеологических, эстетических и т. п. принципов.

Подобное *уравновешивание* полярной стилистики – стилизованного европейского неоклассицизма и национальной армянской музыкальной традиции – характерно и для А. Арутюняна (Симфониетта для струнного оркестра (1966); концерт «Армения-1988»), и для Э. Оганесяна (Концерт-барокко для скрипки, клавесина и струнного оркестра, 1981, 1983; Третья симфония для струнных, ударных и клавишных инструментов, 1983); они заметны в творчестве Т. Мансуряна (Партита, 1965) и Е. Ерканяна («Песнь Песней», 1973 и «Canticle», 1975), Л. Аствацатряна («Голографии и спирали», «Lacrimosa dies illa») и др.

«Прививка» западноевропейской классики, прошедшей многовековую культурную историю, к стволу молодой армянской музыки, только становившейся на почву серьезного профессионализма – после веков господства фольклорной и церковной традиций армянской музыки – была перспективна для дальнейшего развития армянской музыкальной культуры.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы работы. Автор констатирует, что общая тенденция развития армянской музыки XX века, выразившаяся в культурно-исторических трансформациях национального стиля, связана с углублением национального своеобразия армянского искусства, с постепенным освобождением от «пут» эстетической догматики того или иного рода, с усилением интернациональных тенденций, а значит, обретением всемирно-исторического, глобального ценностно-смыслового пространства, в координатах которого в дальнейшем реализуется национально-самобытное начало армянской художественной культуры в его единстве с общечеловеческими критериями искусства и мировой культуры в целом.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. *Авдалян К.А.* Рождение армянской национальной оперы в контексте диалога культур // Вестник РГГУ. Сер. культурология, искусствоведение. – М.: РГГУ, 2008. – № 5/08. – С. 43 – 51.

В других изданиях:

2. *Авдалян К.А.* Современная армянская художественная культура – ценностные ориентиры в условиях глобализации // Глобализация и локальная культура. Сборник научных статей / Сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. – М.: РГГУ, 2002. – С. 137 – 145.

3. *Авдалян К.А.* Многообразие искусства // Музыкальная Армения. – Ереван, 2005. – № 1 (16). – С. 55 – 59.

4. *Авдалян К.А.* Эволюция национального стиля в армянской музыке XX в. // Научные труды Ширакского центра арменоведческих исследований НАН Республики Армения. – 2005. VIII. – Гюмри, 2005. – С. 110 – 115.

5. *Авдалян К.А.* К семиотике музыки // Искусство и время: Взгляд из Гюмри. – Гюмри, 2006. – № 1. – С. 40 – 49.

6. *Авдалян К.А.* Визуальные практики в творчестве армянских композиторов // Визуальные стратегии в искусстве: Теория и практика. Тезисы всероссийской научной конференции. Москва, 16 – 18 мая 2006 г. – М.: РГГУ, 2006. – С. 18 – 19.

7. *Авдалян К.А.* Из армянской музыкально-эстетической мысли второй половины XX века // Классики армянской музыки XX века: Материалы научной конференции. – Гюмри, 2006. – С. 12 – 27.

8. *Авдалян К.А.* Полистилистика в армянской музыке XX века // Искусство и время: Взгляд из Гюмри. – Гюмри, 2007. – № 1. – С. 45 – 53.

9. *Авдалян К.А.* Из армянской музыкально-эстетической мысли второй половины XX века // Искусство и время: Взгляд из Гюмри. – Гюмри, 2007. – № 3. – С. 12-27.

10. *Авдалян К.А.* Сводки с «музыкального фронта» (Кризис национального стиля в армянской советской музыке середины XX века) // Искусство и время: Взгляд из Гюмри. – Гюмри, 2007. – № 4. – С. 48 – 57.

11. *Авдалян К.А* У истоков профессиональной музыки и театра в Гюмри // Армянское профессиональное музыкальное искусство и Гюмри: Материалы научной конференции. – Гюмри, 2007. – С. 7 – 23.

12. *Авдалян К.А.* Армянская и русская культура: диалог на перекрестке мировых культур // Диалог культур: Армяно-российские культурные связи (история и современность): Материалы Международной научной конференции. Гюмри, 13 – 15 мая 2008 г. / Гюмрийский филиал Ереванской государственной консерватории им. Комитаса. – Гюмри. 2008. – С. 7 – 12.

13. *Авдалян К.А.* Армянская музыка: Национальное и общемировое // Искусство и Время. – Гюмри, 2009. – № 1-2. – С. 35 – 43.

14. *Авдалян К.А.* Армянская музыка в поисках культурной идентичности. Конец XIX – начало XX вв. // Искусство и Время. – Гюмри, 2009. – № 3-4. – С. 38 – 48.

15. *Авдалян К.А.* Армянская музыка в диалоге культур // Диалог культур: Армяно-российские культурные связи (история и современность): Материалы 2-й Международной научной конференции. Гюмри, 18-20 мая 2009 г. / Гюмрийский филиал Ереванской государственной консерватории им. Комитаса. – Гюмри, 2009. – С. 3 – 14.

16. *Авдалян К.А.* Этногенез и национальное своеобразие армянской культуры // Искусство и Время. – Гюмри, 2010. – № 1 – 2 . – С. 23 – 37.

17. *Авдалян К.А.* Армянская музыка в контексте русской и мировой культуры // Дни аспирантуры РГГУ: Материалы научной конференции. Материалы Круглого стола. Научные статьи. Переводы. Образовательные программы аспирантуры РГГУ. – Вып. 4 / Редкол.: Д.П. Бак (отв. ред.) и др. Рос. гос. гуманит. ун-т; Управление аспирантурой и докторантурой. – М.: РГГУ, 1910. – С. 206 – 215.

18. *Авдалян К.А.* Армянская музыка в контексте мировой культуры // Диалог культур: Всемирная культура и Армения. Материалы 3-й Международной конференции. Гюмри, 6 – 8 мая 2010 г. / Гюмрийский филиал Ереванской государственной консерватории им. Комитаса. – Гюмри, 2010. – С. 7 – 11.

19. *Авдалян К.А.* Полистилистика А. Арутюняна // Диалог культур: Всемирная культура и Армения: Материалы 4-ой международной конференции. Гюмри, 16 – 18 декабря 2010 г. Гюмрийский филиал Ереванской государственной консерватории им. Комитаса. – Гюмри, 2011. – С. 7 – 15.

20. *Авдалян К.А.* «Прививка» западноевропейской классики армянской музыке // Дни аспирантуры РГГУ: Материалы научной конференции. Материалы Круглого стола. Научные статьи. Переводы. Образовательные программы аспирантуры РГГУ. – Вып. 5 / Редкол.: Д.П. Бак (отв. ред.) и др. Рос. гос. гуманит. ун-т; Управление аспирантурой и докторантурой. – М.: РГГУ, 1910. – М.: РГГУ, 1911. – С. 260 – 268.

Заказ № 341. Объем 1 п.л. Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Петроруш».
г.Москва, ул.Палиха 2а.тел.(499)250-92-06
www.postator.ru

На правах рукописи

ПЕТИКЯН Сирануш Гарниковна

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОЧНИКОВ АРМЯНСКОГО ПРАВА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Специальность 12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Нижний Новгород – 2011

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного национально-исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор **Романовская Вера Борисовна**

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор **Золотухина Наталья Михайловна**

доктор юридических наук, профессор **Петренко Николай Иванович**

Ведущая организация: Тольяттинский государственный университет

Защита состоится «29» апреля 2011 года в 12 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.166.16 в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Автореферат разослан «26» марта 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.ю.н., доцент Л.П. Ижнина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Зарождение русско-армянских отношений восходит к глубине веков. Еще в X–XII веках сложились торговые и культурные связи Древней Руси с Закавказьем. Начиная со второй половины XVIII века, армянский народ, не имевший в тот период своей государственности, стал связывать свои надежды на избавление от персидского и турецкого ига и воссоздание армянского государства с Российской империей[1]. Особенно укрепились русско-армянские отношения после присоединения Восточной Армении к России в начале XIX века.

В результате длительного отсутствия государства у армян, армянский народ рассеялся по всему миру. Во всех странах, где поселились армяне, стали образовываться армянские диаспоры[2]. Такие диаспоры имелись и имеются в России. Можно с уверенностью утверждать, что они играли и до сих пор продолжают играть важную роль в развитии и укреплении русско-армянских отношений.

На сегодняшний день политические отношения, складывающиеся между Россией и Арменией, свидетельствуют о тесных союзнических отношениях и о многовековой дружбе двух народов. В связи с этим возрос интерес к изучению истории права армянского народа.

Актуальность настоящего диссертационного исследования также обусловливается тем, что одной из задач, поставленных перед Мини-

---

[1] Авакян Р.О. Памятники армянского права. Ереван: «ЕФ МНЮИ – XXI век», 2000. С. 14.

[2] Армянские колонии (*диаспоры*) начинали складываться еще до начала V века. В результате нашествий арабов (VII–IX вв.), а также сельджуков (XI в.) эмиграция армян носила массовый характер, что привело к увеличению количества диаспор в различных странах. Значительно увеличилось их количество в результате геноцида армян 1915 года. В связи с этим, для объединения армянского народа, проживающего почти во всех странах мира, содействия единению нации и укреплению отношений «Армения – Диаспора» в 2008 году было создано Министерство Диаспоры Республики Армения, которое является связующим звеном между Арменией и армянами, проживающими вне Армении. На сегодняшний день имеются крупные армянские диаспоры в России, в странах Европы, Среднего и Ближнего Востока, в США.

стерством Диаспоры Республики Армения, является сохранение национальной самобытности, идентичности армянского народа на основе таких ценностей, как: армянская семья, армянская церковь, армянский язык и культура. С нашей точки зрения, в силу исторических причин, эта задача стояла перед армянским народом на протяжении долгого времени. В разные исторические эпохи возникали различные способы ее решения, некоторые из которых получили отражение в тех или иных источниках армянского права.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что некоторые правовые идеи, закрепленные в правовых актах, не утратили своего значения и актуальности в настоящее время. Более того, необходимо отметить важность моральных и религиозных предписаний, которые получили отражение в источниках армянского права и оказали влияние на становление правовых принципов.

Анализируя источники армянского права, автор использовал термины современного законодательства и юридической науки.

Степень научной разработанности проблемы. Эволюция источников армянского права в целостном аспекте никогда ранее не изучалась. Отдельные источники армянского права были предметом изучения европейских, российских, армянских ученых.

Основные вопросы, касающиеся изучения древнейших источников права, получили освещение в трудах ученых в области шумерологии[3]: С.Н. Крамера, В.К. Афанасьева, И.М. Дьяконова, В.В. Струве, В.В. Емельянова, Т. Якобсена, М. Белицкого, Н.М. Никольского, Н.В. Козыревой; хеттологии[4]: В.В. Иванова, И.М. Дьяконова, Б. Грозного, Э.А.

---

[3] Крамер С.Н. История начинается в Шумере. М.: Наука. 1991. С. 5–67; Афанасьев В.К. Шумеры. Шумерологи и шумерология // История начинается в Шумере. М.: Наука, 1991. С. 5–15; Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа: история Армянского нагорья с 1500 по 500 годы до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1968. 265 с.; Емельянов В.В. Древний Шумер. Очерки культуры. Санкт-Петербург, 2001. 368 с.; Якобсен Т. Сокровища тьмы. М., 1995. 162 с.; Белицкий М. Шумеры. Забытый мир. М.: «Вече», 2000. С. 202–226; Козырева Н.В. Древняя Ларса. Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1988. 153 с.

[4] Менабде Э.А. Хеттское общество: экономика, собственность, семья и наследование. Тбилиси, 1965. С. 83–217; Ге[а]рни О.Р. Хетты. Разрушители Вавилона. М., 2009. С. 84–147 и др.

Менабде, И.И. Бороздина, Г.И. Довгяло, В.В. Струве, О.Р. Ге[а]рни; урартологии[5]: Б.Б. Пиотровского, Г.А. Меликишвили, А.Г. Сукиасяна, Г.А. Тирацяна, С.Т. Еремяна, В.С. Сорокина.

Армянское право исследовали: В. Бастамян, С. Арцруни, К. Басмаджян, А. Клтчян, Л. Меликсет-Бек, С.Тигранян[6], Х. Самуэляна[7], Х. Торосян[8], А. Товмасян[9], С. Аревшатян, В. Акопян, С.А. Оганесян. Особо следует отметить работы Н. Мелик-Тангяна[10], который исследовал религиозные каноны, принятые на церковных соборах, и доказал, что эти каноны являются национальными источниками армянского права. В своих работах Х.А. Сукиасян[11] указал разновидности источников армянского права, действовавших в период раннего феодализма и в Киликийском армянском государстве, дал характеристику этим источникам права.

Анализ законоположений Судебника астраханских армян XVIII века можно найти в работах Ф.Г. Погосяна[12], К. Алексеева, А. Юхта, В.А.

---

[5] Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван. Издательство АН Арм. ССР, 1944. 354 с.; Сукиасян А.Г. Очерк истории государства и права Биайнили – Урарту (880–590 гг. до н.э.). Издательство ЕГУ. Ереван, 1975. С. 12–112 и др.

[6]Тигранян С. Введение к истории армянского права. Ереван, 1924 (на армянском языке).

[7]Самуэлян Х. История древнеармянского права. Ереван: «АРМФАН», 1939. Т. 1. 350 с. (на армянском языке).

[8] Торосян Х.А. Суд и процесс в Армении: Х–XIII вв. / Отв. ред. С.Т. Еремян. Ереван: издательство АН Арм. ССР, 1985. 292 с.

[9] Товмасян А.Т. Армянское уголовное право древних и средних веков: обзор источников, преступление, наказание. Ереван: ЕрГУ, 1962. 660 с. (на армянском языке).

[10] Мелик-Тангян Н. Армянское церковное (каноническое) право. Шуши, 1903. Книга 1. 807 с. (на армянском языке); Мелик-Тангян Н. Армянское церковное (каноническое) право. Шуши, 1905. Книга 2. 279 с. (на армянском языке).

[11] Сукиасян А.Г. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IX вв.). Ереван. Издательство Ереванского государственного университета, 1963. С. 381–494; Сукиасян А.Г. История Киликийского армянского государства и права. Издательство «МИТК». Ереван, 1969. С. 166–313.

[12] Погосян Ф.Г. Судебник астраханских армян. Ереван: Издательство Академии наук армянской ССР, 1967. С. 5–125 (на армянском языке).

Хачатуряна, А.М. Айкянц. Политико-правовые идеи Шаамира Шаамиряна, Национальной Конституции армян Османской империи рассматриваются в работах А.Р. Иоаннисяна, А.Б. Хачатуряна[13], М. Телунца[14], Г.Г. Арутюняна, Г.М. Григорян, Б. Тер-Акопова.

Из современных исследователей истории армянского права следует отметить фундаментальные работы Р.Р. Авакяна и Р.О. Авакяна[15]. Характеристика отдельных отраслей средневекового армянского права рассматривается в работе Г.Г. Сафаряна[16]. Кроме того определенные сведения о памятниках армянского права содержатся в работах таких историков, как: М. Хоренаци[17], Н. Адонц[18], Дэвид Лэнг[19], З.Т. Григорян[20].

Следует отметить, что указанные авторы исследовали источники армянского права в рамках определенной эпохи, не проводя их комплексного исследования.

---

[13] Хачатурян А.Б. Конституция Армении (проект) 1773 года. Армянское уложение законов для управления страной Армянской / Перевод с древнеармянского А.Б. Хачатуряна. М.: Издательство МГОПУ, 1998. С. 3–106.

[14] Телунц М.М. Первая армянская Конституция. «Западня честолюбия» и Конституция РА 1995 года. Новые проекты Конституции РА. Ереван, 2001. С. 5–120 (на армянском языке).

[15] Авакян Р.О., Авакян Р.Р. Истоки армянской правовой мысли: от Аратты, шумерской цивилизации до падения Араратского (Урартского) царства. Ереван. «Манц», 2008. 856 с.; Авакян Р.О. Памятники армянского права. Ереван: «ЕФ МНЮИ – XXI век», 2000. 1020 с.; Авакян Р.О. Сокровищница армянской правовой мысли (IX век до н.э. – XIX век н.э.). Ереван: «ЕФ МНЮИ – XXI век», 2001. Т. 1. С. 82–110 (на армянском языке); Авакян Р.О. Сокровищница армянской правовой мысли (IX век до н.э. – XIX век н.э.). Ереван: «ЕФ МНЮИ – XXI век», 2002. Т. 2. С. 195–480 (на армянском языке).

[16] Сафарян Г.Г. Средневековое армянское право и политико-правовая мысль (X–XIII вв.). Ереван: «АРТ», 2008. 279 с. (на армянском языке).

[17] Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм. языка, примечания Г. Саркисяна: Ред. С. Аревшатян. Ереван: Айастан, 1990. 291 с.

[18] Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван: Издательство Ереванского университета, 1971. 526 с.

[19] Лэнг Дэвид. Армяне. Народ созидатель / Пер. с англ. Е.Ф. Левиной. М., 2004. 351 с.

[20] Григорян З.Т.Присоединение Восточной Армении к России в начале 19 века. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 122–149.

Объект диссертационного исследования — совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе становления армянского государства и права, формирования источников армянского права с древнейших времен до середины XIX века.

Предмет диссертационного исследования — проблема эволюции правовых идей в источниках армянского права с древнейших времен до середины XIX века.

Хронологические рамки исследования охватывают период с древнейших времен до середины XIX века.

Исследование древнейших источников протоармяно-шумерского, шумеро-аккадского, а также хеттского права проводилось для того, чтобы выявить истоки армянского права и показать, что акты права древнего периода явились основой формирования источников армянского права последующих эпох.

Настоящее исследование охватывает период до середины XIX века. Это обусловлено тем, что в XX веке политическое положение Армении не изменилось. С установлением в Армении советской власти армянское право стало развиваться под воздействием советской идеологии. Право Советской Армении, с нашей точки зрения, требует отдельного самостоятельного исследования.

В настоящем исследовании источники армянского права изучены и расположены в рамках той или иной главы диссертации в хронологическом порядке. За основу взято деление истории на древнюю, средневековую и новую.

Целью диссертационного исследования является комплексный историко-правовой анализ источников армянского права, а также исследование процесса их эволюции с древнейших времен до середины XIX века.

Указанная цель послужила основой для постановки следующих **задач**:

— проанализировать источники древнейшего протоармяно-шумерского и шумеро-аккадского, а также хеттского права и показать их воздействие на источники армянского права последующих эпох;

— рассмотреть источники права Араратского (Урартского) царства и их действие в период становления древнеармянского государства;

— определить место и роль религиозных канонов в системе источников армянского права, установить их значение для последующих актов;

— проанализировать такие нормативно-правовые акты, как «Судебник» Давида, сына Алавика, Соборное (Всеобщее) послание Нерсеса Шнорали и «Судебник» Мхитара Гоша, выявить их значение для дальнейшего развития права армян;

— изучить «Судебник» Смбата Спарапета – Гундестабль и установить его роль в формировании дальнейшего законодательства;

— выявить предпосылки создания Судебника астраханских армян XVIII века, проанализировать его содержание;

— проанализировать идеи, воплощенные в проекте Конституции Шаамира Шаамиряна 1773 года («Ворогайт парац») и показать их значение в истории развития армянской политико-правовой мысли;

— изучить Национальные Конституции (положения) армян Российской и Османской империй и показать их значимость в сохранении этнической целостности и самобытности армянской нации.

Методологическим основанием исследования является диалектический метод, в рамках которого к отдельным направлениям работы применялись отдельные общие методы исследования, такие как методы описания, аналогии, анализа и синтеза, логического и исторического моделирования. Были использованы специальные методы: формально-юридический, который применялся при анализе источников права, толковании содержания правовых предписаний, классификации правовых норм определенных источников права; сравнительно-исторический, позволивший сопоставить источники права, действовавшие в разные исторические эпохи; логический, на основе которого была установлена последовательность изменения и совершенствования закрепленных в актах положений; системный, позволивший установить вопросы, регулирование которых оставалось неизменным на протяжении длительного периода времени.

Применение указанных методов позволило комплексно исследовать источники армянского права, рассмотреть их в развитии, выявить взаимосвязи между ними.

Теоретическую основу исследования составляют работы как отечественных, так и зарубежных ученых, исследующих различные вопросы становления и развития источников армянского права.

Работа проводилась на базе анализа и обобщения научных трудов по истории государства и права зарубежных стран: В.Г. Графского, О. Омельченко, К.И. Батыра, В.Б. Романовской, О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой.

Основанием для некоторых выводов исследования послужили работы ученых, исследующих вопросы источников права, таких, как: В.С. Нерсесянц, С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, М.Н. Марченко, В.М. Баранов, Ж.-Л. Бержель, Н.К. Ренненкампф, Е.Н. Трубецкой, А.Б. Венгеров, С.Л. Зивс, В.Н. Карташов, В.А. Толстик, Н.Н. Вопленко, А.В. Малько, В.Д. Перевалов и В.М. Корельский, В.В. Лазарев.

Эмпирическую и нормативную базу исследования составили источники армянского права с древнейших времен до середины XIX века.

К источникам армянского права относились правовой обычай, канонические постановления армянской церкви и нормативно-правовые акты, принятые в различные периоды.

Древнейшим источником армянского права являлся правовой обычай, роль которого особенно возрастала в условиях раздробленности Армении. К источникам права Древней Месопотамии и Армянского нагорья относились: Закон Шульги — Ур-Намму (XXI век до н.э.); «Семейный кодекс» (XX век до н.э.); «Фрагмент шумерского Свода законов» (XX–XIX вв. до н.э.); Законы Билаламы (середина XX века до н.э.); Свод Законов Липит-Иштара (XX век до н.э.). Эти акты явились основой формирования права армян. Источником права объединенных армянородственных и других народов Хеттской державы (XVIII – начало XII вв. до н.э.) был Хеттский Судебник. В Араратском (Урартском) царстве[21], а также в ходе становления древнеармянского государства[22] основными источниками права стали нормативные акты армянских царей, которые дошли до нас в разрозненном варианте.

---

[21]Процесс складывания Араратского (Урартского) царства происходил в течение многих веков и завершился в конце X – начале IX вв. до н.э.

[22] Образование армянского государства начиналось с середины VI века до н.э.

С принятием христианства в Армении[23] и в силу исторической обстановки существенное значение получили религиозные каноны. В зависимости от субъекта нормотворчества религиозные каноны принято делить на 2 группы: 1) каноны, исходящие от отдельных духовных лиц; 2) каноны, установленные на церковных соборах. Основными источниками, оказавшими наиболее существенное влияние на развитие армянского права, были сборники светских законов, таких, как: Канонические законоположения («Судебник») Давида, сына Алавика (приблизительно 1130 год); Соборное (Всеобщее) послание Нерсеса Шнорали (1166 год); «Судебник» Мхитара Гоша (XII век); «Судебник» Смбата Спарапета – Гундестабль (1265 год); Судебник астраханских армян XVIII века; Национальные Конституции (положения) армян Российской (1836 год) и Османской империй (1863 год). Сборники светских законов впервые появились в Армении в XII–XIII веках. Изданные на армянском языке Каноны Григория Просветителя (301–325 гг.), Аштишатские каноны (354 год) и Судебник астраханских армян XVIII века впервые представлены в настоящем исследовании в авторском переводе.

Особое место в системе источников права занимает «Ворогайт парац» Шаамира Шаамиряна (проект Конституции Армении 1773 года). Данный акт нельзя в полной мере отнести к нормативно-правовым в силу того, что он остался проектом на бумаге. Однако политико-правовые идеи, отраженные в нем, признаются всеми исследователями в качестве прогрессивных и оказавших влияние на развитие армянского права.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в комплексном анализе источников армянского права с древнейших времен до середины XIX века. В целостном аспекте проблема эволюции источников армянского права древнейшего периода, средневековья и Нового времени никогда ранее не изучалась. В работе проанализированы нормативно-правовые акты армян, изучены причины их появления. Впервые в отечественных исследованиях осуществлен анализ нормативно-правовых актов с древнейших времен до середины XIX века, который позволил установить преемственность между правовыми актами. Но-

[23] В 301 году в период царствования Трдата III христианство было объявлено в Армении государственной религией.

визна также заключается в том, что с целью устранения бессистемности изложения правовых актов, нормы, закрепленные в них, были классифицированы с учетом определенных критериев. Впервые в работе предпринято комплексное историко-правовое исследование, позволяющее проследить закономерности появления и развития правовых идей и институтов в тех или иных источниках армянского права, выявить правовые нормы, которые оставались неизменным на протяжении длительного периода времени и получили отражение во всех источниках армянского права. Кроме того, в настоящем исследовании некоторые правовые акты армян даны в авторском переводе, что является вкладом автора в развитии историко-правовых знаний об источниках армянского права.

Положения, выносимые на защиту:

1. Предметом преимущественного внимания древнейших законодателей, как показал анализ источников протоармяно-шумерского, шумеро-аккадского и хеттского права, являлись уголовные и брачно-семейные отношения. В уголовном праве Фрагмент шумерского Свода законов закрепил такой юридический институт, как форма вины, а в Хеттском Судебнике получили отражение мотив совершения преступления, институт покушения на преступление. Нормы, регулирующие брачно-семейные отношения, свидетельствовали о патриархальном характере семьи и отсутствии равенства супругов. Законы Билаламы содержали норму о праве преимущественной покупки доли, нормы Свода Законов Липит-Иштара регулировали переход права собственности от недобросовестного владельца, а Хеттский судебник регламентировал вопросы, связанные с землепользованием, определял гарантии права собственности на вещь. Также, в актах нашли отражение нормы, регулирующие вопросы наемного труда.

2. При анализе источников права Араратского (Урартского) царства можно констатировать, что наличие многих пробелов в них не позволяет выявить нормы права Араратского (Урартского) царства. Однако некоторые положения дают возможность установить, что гражданско-правовые отношения были предусмотрены в этих актах. На основе сохранившихся норм можно сделать вывод о том, что такой институт гражданского права, как институт собственности получил закрепление в данных источниках права.

3. С принятием христианства в нормативно-правовую базу армянского законодательства были внесены каноны Григория Просветителя, содержащие нормы религиозного и светского характера, в частности, нормы уголовного и семейного права. В переведенных нами Аштишатских канонах содержались положения, касающиеся устройства больниц для больных, домов призрения для слепых и хромых, а также устройство лепрозориев для ограничения распространения заболеваний проказой, что говорит о заложении основ социальной политики государства.

4. С прекращением существования древнеармянского государства были приняты Шаапиванские каноны, каноны Иоанна Имастасера Одзнеци для самосохранения армянского народа, которые регулировали брачно-семейные отношения и осуждали деяния, направленные против веры.

5. «Судебник» Давида, сына Алавика, регулируя брачно-семейные отношения, предусмотрел цель заключения брака, а также определил, что в основу социальной зрелости, позволяющей создать семью, ложится критерий нравственный. Источник права устанавливал правовые нормы, регулирующие вопросы санитарно-гигиенического характера. Анализ Соборного (Всеобщего) послания Нерсеса Шнорали позволяет выявить ряд основополагающих идей, которые легли в основу последующих источников армянского права, а именно, идеи справедливости, гуманизма, ответственности за вину. Положения «Судебника» Мхитара Гоша дают возможность установить, что одно из направлений деятельности царя является признание и защита социальных прав человека. Предусматривая институт необходимой обороны, Мхитар Гош, в отличие от Давида, сына Алавика, не проводит религиозную дифференциацию наказаний.

6. «Судебник» Смбата Спарапета составлен на основании «Судебника» Мхитара Гоша и является самостоятельным источником армянского права. Смбат Спарапет подробно останавливался на основаниях развода, защищал права женщин с ограниченными возможностями. В «Судебнике» Смбата Спарапета было закреплено наследование по праву представления.

7. Анализ Судебника астраханских армян XVIII века позволяет установить, что данный источник права развивает русско-армянские отношения, позволяет определить правовой статус человека в рамках разви-

тия русско-армянских отношений и влияние норм русского права. Судебник астраханских армян, основанный на обычаях и законах армян, признавал приоритет норм императорских указов.

8. Проект Конституции Шаамира Шаамиряна 1773 года, закрепив принципы верховенства закона, разделения функций властей, равенства всех перед законом и судом, связывал реализацию прав и свобод человека с формой правления, с добропорядочностью того или иного правителя. По идее Шаамира Шаамиряна достоинство человека определяется его способностью совершить «добро». Оценивать человека предлагалось не по происхождению и знатному положению, а по его делам.

9. Впервые в Российской Империи было принято Положение «Об управлении духовных сил христиан Армяно-Григорианского исповедания Российской империи» 1836 года, которое определяло правовое положение армянского духовенства в Российской Империи, взаимоотношения армянской церкви и царского правительства. В Османской Турции армяне добились введения в действие Национальной Конституции армян Османской империи 1863 года, которая способствовала самосохранению армянского народа, предоставляя ему право на самостоятельное управление внутренними делами армянской общины.

10. В условиях отсутствия государственности Армении в течение долгого времени, существовали и действовали национальные правовые нормы, направленные на сохранение целостности, самобытности и идентичности армянского народа. Находясь под господством разных государств и испытывая на себе влияние правовой культуры разных народов, армянский народ сохранил свои обычаи и традиции, которые составили основу памятников армянского права.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработка актуального для современной науки истории права вопроса является существенным вкладом в науку и восполняет существующий пробел в знаниях. Исследование направлено на изучение эволюции источников армянского права на протяжении большого исторического периода. В работе привлечено внимание к существовавшим источникам права армян, причинам их возникновения и развития. С позиций системного взгляда на развитие права армянского народа исследован ряд писаных актов, установлена их взаимосвязь и преемственность их положений.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что содержащиеся в нем выводы и положения могут быть использованы при определении правовой политики государства и при совершенствовании действующего законодательства в вопросах национальной политики. Также, результаты исследования могут учитываться при разрешении межнациональных конфликтов и совершенствовании законодательства в сфере регулирования межнациональных отношений.

Положения диссертации могут быть использованы для повышения уровня правовой культуры граждан, а также должностных лиц органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти с целью надлежащего выполнения ими своих обязанностей, недопущения нарушений прав и свобод человека. Также, полученные результаты могут быть использованы в ходе дальнейших исследований по истории права Армении; в учебном процессе в рамках курсов история государства и права Армении, история государства и права зарубежных стран; могут служить основой при проведении сравнительно-правового анализа источников армянского права с памятниками права других народов.

Апробация результатов исследования. Настоящее исследования было обсуждено и одобрено на заседании кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного национально-исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского. Основные положения диссертационного исследования нашли выражение в опубликованных статьях научно-исследовательского характера; в выступлениях на научно-практических конференциях: международной научно-практической конференции «Старшее поколение в современной семье» (ноябрь 2008 года, Нижний Новгород); XIV Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 19–22 октября 2009 года); межрегиональной научно-практической конференции «Общество, государство и право России: история — современность — перспективы развития» (Нижний Новгород, 10 декабря 2009 года); VII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2010» (Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, 12–15 апреля 2010 года); международной научно-практической конференции «Преступление и наказание: теоретическое моделирование, законодательное закрепление, правоприменительная практика» (Самара, 25–27 июня 2010 года).

Структура диссертационной работы обусловлена заявленной целью и перечнем поставленных задач исследования. В структуре работы последовательно исследуются все аспекты проблемы, и на этой основе формируется конечный вывод. Работа состоит из введения, трех глав, которые состоят из двенадцати параграфов, заключения и библиографического списка.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность избранной темы исследования, характеризуется степень научной разработанности проблемы в современной науке, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, его методологическая база, формулируется научная новизна исследования и основные положения, выносимые на защиту, освещается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава. Древнейшие источники права.

В первом параграфе «Памятники древнейшего протоармяно-шумерского и шумеро-аккадского права» анализируются Закон Шульги — Ур-Намму (XXI век до н.э.); «Семейный кодекс» (XX век до н.э.); «Фрагмент шумерского Свода законов» (или «Отдельные статьи Закона Ларсы») XX–XIX вв. до н.э.; Законы Билаламы царства Эшнунны (середина XX века до н.э.); Свод Законов Липит-Иштара (XX век до н.э.).

Исследуя древнейшие источники права, можно установить, что шумерское право ориентировалось на воплощение справедливости, добра, установление истины и правды, укрепление порядка. Несмотря на слабое развитие гражданских отношений, древнейшие правовые нормы предоставляли человеку возможность приобретать имущественные права и нести обязанности.

Правовые акты, регулирующие семейные отношения, закрепили условия заключения брака и последствия нарушения этих условий. Впервые положения Законов Билаламы запрещали развод для мужчины после рождения детей, а также разрешали повторный брак для женщины с соблюдением определенных требований, что в дальнейшем получило отражение в средневековых актах армянского права. Эти нормы свиде-

тельствуют о том, что положение замужней женщины не было абсолютно бесправным. Все древнейшие источники права содержали норму о наказании за прелюбодеяние со стороны замужней женщины — смертную казнь. Только Свод Законов Липит-Иштара оговаривал возможность мужа помиловать свою жену. Эта норма получила отражение в Хеттском Судебнике и в «Судебнике» Смбата Спарапета.

Впервые Свод Законов Липит-Иштара подробно регулировал наследственные отношения, что говорит об усложнении данного института права.

Источники протоармяно-шумерского и шумеро-аккадского права не предусматривали принцип талиона, но, как указали выше, содержали такой вид наказания, как смертная казнь. Основной применяемой санкцией являлся штраф. Впервые «Фрагмент шумерского Свода законов» закрепил институт вины в форме умысла и неосторожности. Древнейшие источники права выделяли преступления против здоровья, половой неприкосновенности личности, против правосудия. Нормы древнейших актов предусмотрели также правовое положение рабов.

Исследование источников протоармяно-шумерского и шумеро-аккадского права показывает, что некоторые положения, отраженные в них, в дальнейшем получили закрепление в источниках средневекового армянского права.

Во втором параграфе «Хеттский Судебник как источник права объединенных армянородственных и других народов Хеттской державы» рассматриваются основные положения Хеттского Судебника.

По сравнению с предыдущими источниками права, помимо обязательственных отношений, Хеттский Судебник детально регламентировал вопросы, связанные с землепользованием, устанавливал цены некоторых видов товаров, что говорит о формировании и развитии гражданско-правовых отношений. Однако необходимость письменной сделки не фиксируется. Сделки с недвижимым имуществом не получили большого распространения.

Отличительной чертой хеттской семьи являлась система левирата, которая в дальнейшем не встречалась в источниках армянского права. Хеттский Судебник определял совместную и личную собственность супругов, взаимоотношения родителей и детей, также устанавливал возможность прекращения брака. Интересным и новым являлось поло-

жение о том, что в случае развода родителей подлежали разделу, помимо имущества, и их дети. Такое положение сохранилось у армян и получило отражение в источниках средневекового армянского права. Нормы, регулирующие вопросы наемного труда, впервые получили отражение в Хеттском Судебнике, который устанавливал различные виды работ для мужчины и женщины.

Главное содержание Хеттского Судебника составляли уголовно-правовые нормы, которые закрепили прогрессивные для своего времени юридические институты, в частности, мотив совершения преступления, институт покушения на преступление. В Судебнике появились новые составы правонарушений — загрязнение водоемов, неповиновение власти. Этот акт также не предусматривал принцип талиона. Институты уголовного права хеттов получили закрепление и развитие в средневековых источниках армянского права.

Хеттский Судебник регламентировал систему судов Хеттской империи и определил некоторые принципы судопроизводства, которые сохранились у армянской нации и получили отражение в источниках права средневековой Армении.

В третьем параграфе «Араратское (Урартское) царство, становление армянского государства. Роль религиозных канонов как источника армянского права» представлены основные источники, которые действовали в Араратском (Урартском) царстве и в процессе образования древнеармянского государства. Такими источниками права стали царские надписи, которые устанавливали, что в государстве Урарту действовали нормы взимания налогов и контрибуций с завоеванных стран. В царских надписях были закреплены институты гражданского права.

После принятия христианства (301 год) источниками армянского права являлись религиозные каноны, правовые нормы которых были обязательны для всех слоев населения. Каноны Григория Просветителя, являясь национальным источником армянского права, посвящены регулированию брачно-семейных, уголовных отношений, правового статуса священников и некоторых других вопросов. Каноны прямо не предусматривали условия для заключения брака. Однако из содержания некоторых канонов можно указать, что действительным считался только церковный брак при наличии добровольного волеизъявления брачующихся. Нормы канонов содержали запрет относительно вступления в

брак женатого мужчины и замужней женщины без расторжения предыдущего брака, устанавливали наказание за возобновление расторгнутого брака. Юридическая ответственность родителей за деяния в отношении детей наступала только за несвоевременное крещение ребенка. Поскольку детская смертность в тот период была достаточно высокой, это привело к тому, что ребенка крестили сразу после его рождения. Остальные вопросы поведения родителей в отношении детей, неурегулированные правом, находились под сферой влияния норм обычного права.

Каноны содержали нормы, направленные против язычников, запрещали скотоложство, колдовство, прелюбодеяние. Наказания, предусмотренные за нарушение запретов, носили исключительно религиозный характер.

В отличие от канонов Григория Просветителя, Аштишатские каноны стали первым актом в истории армянского права, затрагивающим социальные права человека (в частности, в канонах нашли отражение право человека на здоровье и право на получение образования). Исходя из содержания статей Аштишатских канонов, можно утверждать, что государство было озабочено не только проблемой излечения больных, но и проблемой поддержания здоровья остального населения. Этот источник права практически не предусматривал мер наказания.

Имущественные отношения не получили должного внимания в религиозных канонах, тем не менее, принятие христианства также оказало на них воздействие.

Вторая глава. Развитие источников армянского права средних веков.

В первом параграфе «Шаапиванские каноны» рассматриваются причины принятия Шаапиванских канонов и анализируются нормы этих канонов. Шаапиванский национально-церковный собор был созван 24 июня 444 года в условиях раздробленности страны и отсутствия государственности у армян. В этих условиях церковь сосредоточила в своих руках правовую деятельность, начала созывать национальные церковные соборы и издавать правовые нормы. Именно благодаря правотворческой деятельности армянской церкви общественные отношения регулировались национальными источниками, а не правовыми актами иностранных государств. Шаапиванские каноны и воплощенные в них идеи

являются отражением тех исторических условий, в которых жил армянский народ и боролся за сохранение своей национальности, духовной культуры. В связи с этим в Шаапиванских канонах содержались: 1) светские законы, регулирующие брачно-семейные отношения и осуждающие деяния, направленные против семьи и веры; 2) религиозные нормы, предусматривающие наказания за деяния, которые совершаются духовными лицами.

Впервые в истории армянского права Шаапиванские каноны установили запрет заключения брака между близкими родственниками до четвертого колена. В Шаапиванских канонах прослеживалось дифференцированное отношение законодателя к разным сословиям общества.

Во втором параграфе «Каноны Иоанна Имастасера Одзнеци» исследуются указанные каноны, которые были приняты, опять же, в условиях отсутствия государства Армении. Каноны уделяли большое внимание вероисповедным и ритуальным вопросам. Однако ряд статей имеет правовой характер. Каноны Одзнеци регулировали вопросы брака и семьи. Брачующиеся должны были соблюдать условия заключения брака, к числу которых относились: соблюдение обряда венчания; наличие взаимного согласия брачующихся; отсутствие обстоятельств, препятствующих заключению брака. Нормы канонов предъявляли абсолютно одинаковые требования к лицам, вступающим в брак впервые и к лицам, вступающим в брак повторно. В отличие от других источников армянского права, каноны Одзнеци регулировали вопрос, касающийся времени и обязательности совершения обряда венчания в церкви, от которого в дальнейшем зависела юридическая сила брака. Не разрешалось в субботу или в пасхальный сочельник совершать обряд венчания, в противном случае венчание считалось недействительным. Несмотря на то, что многие нормы канонов носили религиозный характер, их юридическое, письменное закрепление явилось основой для дальнейшего сплочения народа и послужило первым шагом к установлению собственного законодательства Армении.

В третьем параграфе «Канонические законоположения («Судебник») Давида, сына Алавика» анализируются нормы «Судебника», которые можно разделить на три группы: 1) нормы, регулирующие вопросы нравственности, гигиены; 2) церковные законы; 3) светские законы, ре-

гулирующие гражданские, брачно-семейные, трудовые, уголовные отношения.

В концепции Давида, сына Алавика, тесно связаны понятия права, свободы, добра, зла, свободы выбора, то есть категории нравственные и правовые. Для него свобода воли человека — это свобода выбора между добром и злом.

Придерживаясь ветхозаветного принципа осуждения ростовщичества, «Судебник» запрещал давать в долг какое-либо золото и получать проценты. Аналогичное положение содержалось в канонах Григория Просветителя.

Говоря о группе норм, регулирующих семейно-брачные отношения, отметим, что только заключенный в церкви брак имел юридическую силу. Как ранние средневековые армянские церковные каноны, так и нормы «Судебника» подтверждают, что армянская церковь не отказалась от требования сохранения добрачной чистоты и рассматривала это обстоятельство в качестве одного из условий для заключения законного брака. Впервые «Судебник» закреплял идею приоритетной защиты интересов детей. Источник права установил право детей на получение бесплатного образования, которое получило отражение во всех источниках армянского права. Каноны «Судебника» прямо не запрещали развод для мужчины, но делали его крайне затруднительным и материально обременительным, защищая, таким образом, интересы женщины. Нормы, направленные на защиту личных и имущественных прав женщины, были закреплены в Шаапиванских канонах и в некоторых других источниках армянского права.

Памятник права защищал права и интересы работника от произвола своих хозяев, предусматривая наказание хозяину за причинение вреда работнику при наличии его умышленной вины. Устанавливая ответственность за преступление, данный акт выделял в качестве субъекта преступления только физическое лицо. Как предыдущие источники армянского права, так и «Судебник» Давида, сына Алавика, устанавливал, что наказанию подлежит лишь то лицо, которое является виновным в совершении преступления. При назначении наказания учитывались как смягчающие (в частности, раскаяние, совершение преступления по неосторожности), так и отягчающие обстоятельства (рецидив, состояние

опьянения, жестокость). Указанные обстоятельства нашли отражение и в других источниках армянского права.

Отмечая общий дух «Судебника», нельзя не заметить его направленность на высшие христианские идеалы, на защиту прав и интересов детей, женщин, трудящегося человека, собственника, интересов церкви.

В четвертом параграфе «Соборное (Всеобщее) послание Нерсеса Шнорали» характеризуется источник права Киликийского армянского государства, в котором содержались указания на противоречия, возникшие между различными социальными классами, а также возможные способы их разрешения. В этом правовом акте получили закрепление основополагающие идеи, которые легли в основу источников армянского права более позднего периода, а именно, идеи справедливости, гуманизма, ответственности за вину. Развивая в своем труде идею равенства всех перед законом, Шнорали доказывает, что все люди равны в силу абсолютной одинаковости их «человеческой природы». Нерсес Шнорали, в отличие от Мхитара Гоша, отмечал, что может иметь место неравенство, обусловленное наличием разницы физических и умственных способностей человека.

«Соборное (Всеобщее) послание» является свидетельством того, что в те времена в Армении основная роль в установлении определенных правил поведения, в том числе светского характера, принадлежала христианской церкви. Огромное количество норм, содержащихся в «Соборном (Всеобщем) послании», соответствуют нормам христианской религии.

В пятом параграфе «Армянский «Судебник» Мхитара Гоша» анализируются положения «Судебника», рассматривается эволюция правовых институтов и идей, отраженных в нем. Первый крупный армянский «Судебник» был составлен в условиях отсутствия государственности у армян. Впервые в истории армянского права Гош различал право и действующие законы и при формулировании законоположений «Судебника» исходил из концепции божественного и естественного права.

В отличие от канонических постановлений, Мхитар Гош уделял большое внимание регулированию гражданских отношений. «Судебник» разграничивал такие категории как «право собственности» и «право владения и пользования (распоряжения)». При этом «Судебник» отождествлял такие понятия, как право пользования и распоряжения

собственностью. Были закреплены основания возникновения права собственности; институты находки, залога, сервитута, обязательств вследствие причинения вреда. Получили распространение следующие договоры: купля–продажа, хранение, аренда, заем, подряд, дарение. «Судебник» содержал ряд прогрессивных положений, касающихся договора купли-продажи, в частности, соблюдение письменной формы, закрепление права покупателя на получение достоверной информации о товаре, защита прав покупателя в случае продажи товара ненадлежащего качества.

При регулировании семейных отношений, в основе «Судебника» Мхитара Гоша лежали положения, закрепленные в предыдущих источниках армянского права.

Мхитар Гош подробно регулировал вопросы наследственного права. Предусматривалось наследование по закону и по завещанию. По идее законодателя сыновья и незамужние дочери имели равные права в наследстве родителей. Однако публичные интересы доминировали над частными, поскольку лишь небольшой круг лиц (причем только по отцовской линии) мог наследовать по закону.

Впервые в «Судебнике» Мхитара Гоша вина выражалась в форме умысла, неосторожности, смешанной формы. Новыми являлись положения об ответственности врачей за врачебную ошибку.

«Судебник» устанавливал систему правосудия. В нем нашли отражение такие принципы правосудия, как принципы публичности процесса, коллегиального рассмотрения дела, процессуального равноправия сторон.

Учет Мхитаром Гошем национальных особенностей армян послужил основой для жизнеспособности и большой распространенности «Судебника».

В шестом параграфе «Судебник» Смбата Спарапета — Гундестабль» анализируются нормы «Судебника» Смбата Спарапета и проводится сравнение основных положений «Судебника» Смбата с соответствующими положениями «Судебника» Мхитара Гоша. В отличие от «Судебника» Мхитара Гоша, «Судебник» Смбата Спарапета действовал в Киликийском армянском государстве. Именно поэтому он устанавливал доминирование светской власти над церковной.

Анализируя нормы гражданско-правового характера необходимо отметить, что в Киликийской Армении были развиты товарно-денежные отношения. Как «Судебник» Мхитара Гоша, так и «Судебник» Смбата Спарапета уделяет большое внимание регулированию брачно-семейных отношений. Говоря о нормах уголовно-правового характера, отметим, что Смбат Спарапет требует обстоятельственного исследования дела (например, при расследовании убийства должны были учитываться возраст убившего, его умственное состояние, время совершения убийства, вменяемость, а также личные взаимоотношения между преступником и потерпевшим). Анализ показывает, что «Судебник» Смбата был основан на «Судебнике» Гоша. Однако правовой акт Смбата Спарапета содержал определенные отличия в правовом регулировании договора купли-продажи, залогового права, брака и развода, также наследственных и уголовных отношений.

Третья глава. Источники армянского права Нового времени.

В первом параграфе «Судебник астраханских армян XVIII века» выявляются предпосылки создания указанного источника права и анализируются его основные положения.

Создание Судебника астраханских армян XVIII века свидетельствовало о существовании благоприятных условий для армян в Российской империи. Судебник — это крупнейший акт, который устанавливал некоторые положения правового статуса личности и затрагивал все основные сферы жизни армянской колонии в Астрахани (гражданские, семейные, наследственные, трудовые, уголовные и процессуальные отношения).

Значительное место в Судебнике отведено регулированию обязательственных отношений и торговых операций, которые были распространены среди армян. Судебник устанавливал определенные гарантии для должника и для кредитора, предусмотрел разновидности договоров, подробно регулировал вопросы, касающиеся защиты интересов женщин, лиц, страдающих психическим расстройством в случае совершения ими сделки, а также способов обеспечения договора займа.

Как положения предыдущих источников армянского права, так и нормы Судебника направлены на сохранение уже созданной семьи. В Судебнике обручение получило правовое значение. Новыми являлись положения Судебника, которые установили способы отделения сыновей

от родителей, предусмотрели обязанность младшего брата проявлять уважение к старшему, а также закрепляли институты попечительства и усыновления. Впервые был предусмотрен широкий круг наследников по закону и оснований, при наличии которых дети могли лишить родителей наследства.

Говоря об уголовно-правовых нормах, следует заметить, что в большинстве случаев применялись членовредительные наказания, смертная казнь. Придавая особое значение преступлениям против семьи, впервые Судебник рассматривал совершение преступления против членов семьи в качестве отягчающего обстоятельства.

Прогрессивными являлись положения Судебника, закрепляющие определенные принципы правосудия (в частности, равенство всех лиц перед судом, состязательность процесса, осуществление правосудия только судом, коллегиальное рассмотрение дела, подконтрольность судей вышестоящим органам), а также права и обязанности сторон процесса.

Во втором параграфе «Проект Конституции Армении Шаамира Шаамиряна 1773 г. («Ворогайт парац»)» рассматриваются идеи Шаамира Шаамиряна, касающиеся вопросов устройства государственной власти, также вопросов, связанных с политическими, экономическими, социальными и культурными правами человека. При этом, большое внимание уделялось социальным правам человека. Цель создания Проекта Конституции — установить принципы существования и развития армянского государства. Шаамир Шаамирян признавал человека высшей ценностью, наделял неотчуждаемыми правами всех людей без исключения. Различия между гражданами Армении и иноземцами строились, в основном, на религиозных различиях. Проект Конституции предусмотрел не только права, но и обязанности человека. Так, была закреплена обязанность человека платить налоги, которая порождала встречное право человека требовать от государства защиты его имущества, а также гарантии возмещения ущерба при чрезвычайных обстоятельствах.

В Конституции получили закрепление такие принципы, как верховенство закона, разделение функций властей, равенство всех перед законом и судом. Однако, последний принцип не получил своего полного воплощения, так как женщины не были уравнены в правах с мужчина-

ми. Несмотря на то, что данная Конституция осталась Проектом, это не умаляет её значение для последующего развития права Армении.

В третьем параграфе «Национальные Конституции (положения) армян Российской и Османской империй» выявляются предпосылки принятия этих актов, анализируются правовые нормы, закрепленные в них, а также указывается их роль в сохранении национальной самобытности и идентичности армянского народа. Несмотря на отсутствие государственности в XIX веке, армянский народ использовал все возможные способы для того, чтобы иметь свое право, основанное на армянских обычаях и традициях.

В Российской Империи было принято Положение «Об управлении духовных сил христиан Армяно-Григорианского исповедания Российской империи» 1836 года, которое получило статус закона Российской империи. Нормы Положения предусматривали свободу исповедовать религию армянской церкви, устанавливали обязанность уважительно относиться к другим исповедуемым в Империи верам. В соответствии с этим Положением, управление делами армянских школ, культурно-просветительных и иных учреждений, а также делопроизводство о браке, рождении, о назначении пособий вдовам и сиротам передавалось духовным властям.

Национальная Конституция армян Османской империи 1863 года играла важную роль в жизни армянской нации и закрепила ее этническую целостность. Подчеркивая неразрывную связь отдельного человека со своей нацией, впервые в Национальной Конституции армян Османской империи наблюдается интересное соотношение прав и обязанностей, а именно правам человека корреспондируют обязанности «нации» и, наоборот. Этот правовой акт предусмотрел органы управления, определял их функции, также установил следующие права человека: право на социальную защиту, право на образование, право избирать и быть избранным. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что право на получение образования, закрепленное Национальной Конституцией армян Османской империи, упоминается в Аштишатских канонах, затем находит свое отражение во всех последующих источниках армянского права. Учитывая историю армянского народа, с нашей точки зрения, законодатели исходили из того, что именно с помощью данного права можно сохранить этническую целостность и национальную

самобытность армянского народа. Кроме того, Национальная Конституция армян Османской империи закрепила обязанность уплаты национального налога и обязанность принимать участие в национальных расходах.

В **заключении** подводятся итоги диссертационной работы и формулируются выводы на основании проведенного исследования.

Основные положения диссертационного исследования изложены в следующих публикациях автора:

I. *Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ*:

1. Петикян С.Г. Развитие идей прав человека в Соборном (Всеобщем) послании Нерсеса Шнорали // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – С. 228–230.

2. Петикян С.Г. Каноны Григория Просветителя как источник армянского права // История государства и права. – 2010. – № 24. – С. 24–26.

3. Петикян С.Г., Романовская В.Б. «Судебник Давида, сына Алавика» как источник средневекового армянского права // Юридический мир. – 2011. – № 4. – С. 53–59.

II. *Публикации в иных изданиях*:

4. Петикян С.Г. Роль старшего поколения в армянской семье // Старшее поколение в современной семье / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2009. С. 285–286.

5. Петикян С.Г. Идеи прав человека в Судебнике Билаламы // XIV Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (19–22 октября 2009г.). – Н. Новгород, 2009. – С. 268–269.

6. Петикян С.Г. Хеттский Судебник как памятник права объединенных армянородственных и других народов Хеттской державы // «Общество, государство и право России: история — современность — перспективы развития». Материалы V межрегиональной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 10 декабря 2009 г.). – Н. Новгород: Нижегородский филиал ИБП, 2010. – С. 188–192.

7. Петикян С.Г. Памятники права Араратского (Урартского) царства // Актуальные проблемы истории государства и права (65-летию Вели-

кой победы посвящается). Том I. Материалы всероссийской научно-практической конференции (Н. Новгород, 9 декабря 2009 г.). – Н. Новгород, 2010. – С. 341–346.

8. Петикян С.Г. Идеи прав человека в Аштишатских канонах // Историко-филологический журнал. Национальная Академия наук РА. – Ереван. – 2010. – № 1. С. 184–188.

9. Петикян С.Г. Правовой статус человека в Шаапиванских канонах // Альманах «Наири». Выпуск 5. – Н. Новгород. – 2010. – С. 129–132.

10. Петикян С.Г. Преступление и наказание в Судебнике астраханских армян XVIII в. // Преступление и наказание: теоретическое моделирование, законодательное закрепление, правоприменительная практика. Наказание: принуждение, справедливость, целесообразность. Том 2. Материалы международной научно-практической конференции (25–27 июня 2010 г.). – Самара. – 2010. – С. 228–231.

11. Петикян С.Г. Каноны Иоанна (Ована) Имастасера Одзнеци — древнейший памятник армянского права // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2010» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 12–15 апреля 2010 г.). [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2010 (http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2010/30.htm).

12) Петикян С.Г. Гражданское право по «Судебнику» Мхитара Гоша: исследование идей // Юридическая наука, образование и практика: актуальные проблемы. Сборник научных статей. Выпуск 4. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2011. – С. 185–190.

Подписано в печать 22.03.2011. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 1. Тираж 100 экз. Заказ 203.

Отпечатано в РИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.

На правах рукописи

Хачатрян Нелли Александровна

АКОП ОВНАТАНЯН И РАННИЙ АРМЯНСКИЙ ЖИВОПИСНЫЙ ПОРТРЕТ

К проблеме становления армянского искусства Нового времени

Специальность 17.00.04 - Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Санкт-Петербург
2012

Работа выполнена на кафедре зарубежного искусства Федерального Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им И.Е. Репина"

Научный руководитель **Раздольская Вера Ивановна**
кандидат искусствоведения,
профессор

Официальные оппоненты: **Корнилова Анна Владимировна**
доктор искусствоведения,
профессор

Максимова Александра Владимировна
кандидат искусствоведения

Ведущая организация: Федеральное Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра истории русского искусства исторического факультета

Защита состоится "23" января 2013 года в " 13 " часов на заседании Диссертационного совета Д 210.003.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Федеральном государственном бюджетном учреждении культуры Государственном Русском музее по адресу:
191186, Инженерная ул. д. 4

С диссертацией можно познакомиться в научной библиотеке Государственного Русского музея

Автореферат разослан " 22 " декабря 2012 года

Ученый секретарь диссертационного совета
Кандидат искусствоведения М.А. Сорокина

I. Общая характеристика работы.

Актуальность темы исследования. Настоящее исследование посвящено проблематике становления армянского станкового портрета и искусству Акопа Овнатаняна. Актуальность обращения к раннему живописному портрету конца XVIII – первой половины XIX века состоит в том, что жанр портрета был тем первым крупным приобретением, с которым армянское искусство, окончательно преодолев средневековый этап, вступило в Новое время. Наследие этого времени составило важнейший водораздел истории армянской культуры и является одним из наиболее ярких ее проявлений. Необходимость обращения к процессу становления армянского живописного портрета и творчеству основоположника новой армянской живописи – Акопа Овнатаняна Младшего (1806-1881) была вызвана, в первую очередь, тем, что этот рубежный и потому принципиально важный период был мало изучен и долгое время оставался своеобразной лакуной в истории армянского искусства. Несмотря на тесную связь с узловыми вопросами армянского изобразительного искусства, процесс становления живописного портрета еще не становился предметом отдельного искусствоведческого исследования. Во многом это объясняется тем, что проблематика времени весьма сложна. Речь идет о периоде, когда страна была лишена государственности, поэтому произведения XVII – XVIII веков, где нужно искать истоки раннего портрета, создавались не только в самой Армении, но и вне ее пределов – в регионах с различными культурными традициями, что обусловило очевидную разнородность и разностильность материала. Плохая сохранность и анонимность большинства произведений в свою очередь мало способствовали изучению и систематизации наследия. Между тем искусство рассматриваемого в диссертации периода настоятельно требовало изучения, поскольку без этого важного звена невозможно воссоздать единую картину исторического развития национального искусства и, в частности, представить процесс перехода от средневекового времени к новому со всем комплексом связанных с этим переходом фундаментальных проблем. Переходный характер эпохи обусловил многообразие функций и художественных задач раннего живописного портрета, являвшегося единственным светским жанром эпохи.

Многозначность исторической роли раннего портрета была, безусловно, несоразмерна возможностям конкретного жанра. Тем не менее, он попытался взять на себя принципиальные проблемы формирующейся светской традиции. В связи с этим исследовать процесс становления светской армянской живописи, осмыслить многочисленные аспекты проблематики переходной эпохи, означает изучить сам процесс секуляризации и формирования нового художественного мышления, и в широком смысле разгадать логику национального художественного развития Нового времени в целом.

Актуальность изучения раннего армянского портрета связана еще с одним обстоятельством - он иллюстрирует частичное совмещение в армянской живописи различных стадиальных этапов и разновременных стилевых тенденций так называемых «образцовых» европейских школ, причем в сравнительно коротком промежутке времени, поскольку в этот период стоял вопрос о скорейшем освоении европейского опыта. Таким образом, предложенная Д.В. Сарабьяновым теория «совмещений» получает на армянском примере новое яркое подтверждение.

Многостороннее рассмотрение творчества основоположника портретного жанра и новой армянской живописи в целом – Акопа Овнатаняна представляется весьма актуальным по нескольким причинам. Процесс формирования нового художественного мировоззрения, как и выработка современного языка, нашли свое классическое завершение в творчестве именно этого художника. Более того, искусство Овнатаняна отражает едва ли не всю проблематику не только армянской, но и грузинской живописи первой половины XIX столетия. С его творчеством связано появление в закавказском искусстве авторской концепции, а также индивидуального стиля.

Степень разработанности научной проблемы. Основные публикации по армянскому искусству XVIII – первой половины XIX века восходят к 60-70-м годам прошлого столетия. Оперируя в основном материалами архивных источников и прессы, они носят по преимуществу историко-описательный характер, и лишь в редких случаях задаются целью собрать разрозненное как в географическом, так и художественном смысле наследие в единое целое. Попытки воссоздания общей картины каждый раз делают очевидными

значительные пробелы в искусстве этого времени, сохранившемся не полностью, а лишь в виде отдельно уцелевших произведений. Этим обстоятельством можно объяснить интерес большинства специалистов не столько к самим художественным процессам, сколько к их частным проявлениям. Так, в трудах Аршака Чопаняна (Париж, 1910) и Гарегина Левоняна (М.,-Л., 1939) наметилась тенденция отождествления ведущих процессов армянской искусства XVII – XVIII веков с деятельностью художественного рода Овнатанянов. Начиная с 1930-ых годов, в центре искусствоведческого интереса находилось искусство Акопа Овнатаняна (Р.Г. Дрампян, С. Л. Степанян), которое было предано полному забвению с конца XIX века. Армянская общественность начала знакомиться с ним в 1930-ые годы, благодаря деятельности Гиго Шарбабчяна и наиболее последовательного исследователя творчества художника Р.Г. Дрампяна, которым принадлежат первые атрибуции произведений мастера. Их совместными усилиями была создана богатая коллекция произведений Овнатаняна в Национальной картинной галерее Армении (далее – НКГА). Открытие двух выставок («Братья Акоп и Агафон Овнатаняны», Москва, 1952; «Акоп Овнатанян и его предшественники», Ереван, 1969) способствовало некоторому подъему интереса к искусству XVIII – первой половины XIX века (М.М.Казарян, Е.А.Мартикян). А в 1960-е годы М.М.Казарян опубликовала несколько новых произведений Акопа Овнатаняна. Проблемы, связанные с искусством XVIII – первой половины XIX века, нашли отражение в общих трудах по истории армянского искусства Н.С. Степанян и А.В. Агасяна. К искусству Акопа Овнатаняна обращались и русские искусствоведы, придегая к параллелям в русском (И.В. Гинзбург, 1958) и французском (В.И. Раздольская, 1985, 2005) искусстве. В сферу интересов грузинских искусствоведов входил ранний тифлисский портрет (Ш. Я. Амиранашвили, И.П. Дзуцова, М. Цицишвили). Публикации Амиранашвили (1963) атрибутированных им самим портретов Овнатаняна из собрания Государственного музея искусств Грузии (далее – ГМИГ), приобрели сегодня дополнительное документальное значение в связи с тем, что произведения этого мастера исключены из постоянной экспозиции музея и перестали фигурировать в грузинской искусствоведческой литературе, постепенно выходя, таким образом, из научного обихода.

3 Цель и задачи диссертационного исследования. Целью исследования является воссоздание целостной картины становления армянского живописного портрета и творчества основоположника жанра - Акопа Овнатаняна. Цель исследования определила следующие его задачи:

- Привести самую общую предысторию армянского портрета и выявить его непосредственные истоки на основе изучения эволюции портретных элементов в искусстве Позднего средневековья и XVIII века; рассмотреть первые произведения жанра, созданные в Армении и заграничных армянских колониях и искусство династии Овнатанянов.

- Представить этапы развития раннего живописного портрета. Охарактеризовать культуру Тифлиса первой трети XIX века как центра художественной жизни Закавказья. Наметить общую классификацию типов раннего тифлисского портрета в целом, выделить их специфические особенности в самом широком контексте. Нас интересуют вопросы генезиса, типологии, эстетические и социальные функции, типологические параллели, искусствоведческий анализ конкретных произведений и др.

- Рассмотреть различные стороны творчества крупнейшего представителя жанра Акопа Овнатаняна: вопросы формирования творческого метода; портретную концепцию; живописную систему; образную характеристику; типологические и стилистические особенности (взаимодействие армянских, восточных, европейских традиций и тенденций XIX века); проблему творческой эволюции; классификацию портретов; роль творчества в истории армянского искусства. Проследить характер интерпретации овнатаняновской традиции в искусстве региона Нового и Новейшего времени (профессиональная живопись, фотография и искусство примитива).

Объект и предмет исследования. В качестве объекта исследования выступают произведения армянской живописи XVIII – первой половины XIX века и прежде всего портреты, в особенности армянской тифлисской школы первой половины XIX века и Акопа Овнатаняна. Предметом исследования является проблема сложения и эволюции армянского портрета; вопрос художественных влияний; специфика и общие типологические черты армянской тифлисской школы; своеобразие творческого метода Акопа Овнатаняна. В более

общем смысле речь идет о выявлении своеобразия пути, избранного армянским искусством на переходном этапе от средневековья к новому времени.

Теоретической и методологической основой диссертации послужили труды, посвященные комплексному исследованию художественных школ и направлений в русском, западном, восточном искусстве (В.Н. Лазарев, Д.В. Сарабьянов, И.Е. Данилова, S.J. Falk) и проблемам портретного жанра (В.Н. Лазарев, М.В. Алпатов, А.Г. Габричевский, В.Н Гращенков).

Методика исследования. С учетом того, что объектом исследования является такое крупное явление как жанр в целом, в работе используется комплексная методика: историко-генетический (ретроспективный), сравнительно-исторический, историко-типологический, историко-системный методы изучения и иконографический, типологический, формально-стилистический, сравнительный анализ произведений.

Границы исследования Цель и задачи исследования определили его широкие хронологические рамки. С разной степенью подробности в нем рассматриваются памятники армянского искусства с древнего периода до XX столетия, однако в центре внимания находятся произведения XVIII – первой половины XIX века.

Положения, выносимые на защиту:

1. Развитие армянского живописного портрета первой половины XIX века было подготовлено секуляризационными процессами, происходившими в искусстве конца XVII-XVIII веков в Восточной Армении и в заграничных армянских колониях.

2. Поликультурный стиль XVII-XVIII веков – характерное проявление художественного мировосприятия, обусловленного специфическими условиями армянской исторической действительности. Традиция династии Овнатанянов – ведущая художественная школа времени.

4. Закономерность некоторых типологических особенностей портретного жанра и связь последнего с художественными тенденциями конкретного времени, выявленные в результате параллельного рассмотрения художественных процессов в различных школах и эпохах при переходе к Новому времени.

5. Искусство Акопа Овнатаняна – первая художественная модель армянского искусства Нового времени.

6. Своеобразие жанровой концепции мастера, построенной на сочетании *монументальных* и *камерных* задач. Индивидуальный стиль Овнатаняна – результат органичного синтеза восточных и западных элементов.

Научная новизна исследования. Новаторство исследования состоит в первую очередь в принципе комплексного рассмотрения вопроса. Исторический подход выявил истоки, место и значение станкового портрета в общем процессе развития армянского искусства. Впервые проведенное сопоставление армянского портрета с аналогичными ранними портретами других эпох и национальных школ самого разного географического спектра (Западной и Восточной Европы, США, Балкан, Латинской Америки) обнаружило множество параллелей и позволило сделать выводы об общности механизмов формирования портретного жанра. Армянский портрет в работе впервые рассматривается как часть общих художественных процессов первой половины XIX века, на ход которых заметно повлиял романтизм. Компаративный метод позволил выделить общие типологические черты раннего армянского портрета и оттенить его специфические особенности.

Научные результаты исследования:

- Впервые даны общая предыстория и развернутая история светского портрета XVIII – начала XIX века. Обсуждены историко-художественные функции жанра, вопросы его типологии. Определена ключевая роль раннего портрета в новой истории армянского искусства.

- Впервые рассмотрен весь доступный на сегодняшний день корпус портретного наследия XVIII - первой половины XIX века: Восточной Армении, армянских колоний и династии Овнатанянов. Дана квалификация новоджульфинского стиля – «джульфинское барокко».

- Привлечен богатый материал типологических и стилистических параллелей в искусстве различных эпох и национальных школ.

- На основе использования единого методологического подхода к типу «поздних» национальных художественных школ, осуществлявших переход к

Новому времени в условиях XIX века (Закавказье, Греция, страны Латинской Америки), сформулирована теория так называемого « третьего (по отношению к западноевропейскому и восточноевропейскому) пути», или третьей схемы постсредневекового развития.

- Проанализированы различные аспекты художественной системы Акопа Овнатаняна: рассмотрены вопросы портретной концепции мастера (первой в закавказском искусстве), типологии его портретов, индивидуального стиля, живописной техники.

- Выявлены те элементы творческого метода художника, благодаря которым представляется возможным проследить этапы эволюции и уточнить даты написания некоторых произведений (которые художник не датировал).

- Осуществлена типологическая классификация портретов художника, уточнены атрибуции некоторых произведений.

- Опубликованы новые работы и документальные материалы по исследуемой теме.

- В общих чертах прослежена судьба овнатаняновской традиции в искусстве региона нового и новейшего времени.

- Итоговым результатом работы является введение армянского портрета в общую проблематику искусства XVIII – первой половины XIX века.

Научно-практическое значение исследования заключается в освещении одного из важнейших периодов армянского искусства во всем комплексе его проблем и аспектов. Конкретно могут быть использованы следующие результаты работы:

1. Пересмотр некоторых спорных атрибуций в закавказском искусстве XVIII - XIX веков с предложением и обоснованием собственных.

3. Введение в научный обиход многочисленных неопубликованных произведений исследуемой эпохи из музеев Еревана и Тбилиси.

4. Материалы диссертации могут послужить основой для подготовки учебных курсов по « Истории искусства Закавказья » («Истории армянского искусства», «Истории грузинского искусства»), научных пособий и других учебных материалов по этим и смежным темам в ВУЗах, а также специальных курсов по проблеме ранних этапов развития портретного жанра в целом.

Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке экскурсий в НКГА.

Апробация результатов исследования. На протяжении многих лет автор публикует результаты исследований в международных и региональных изданиях. А в форме докладов они были апробированы на многочисленных международных симпозиумах и конференциях. Основные результаты диссертации были представлены также на общих лекциях и в специальном курсе « Армянский портрет и его контекст », читаемых автором в Ереванском государственном университете (Кафедра истории искусств) и на лекциях в НКГА. На международной арене апробация диссертации в сфере индивидуальной профессиональной активности была осуществлена:

- В ходе научной стажировки при Национальном Совете научных исследований Италии (1999, CNR - Consiglio Nazionale delle Ricerche, Roma) в Венецианском университете, завершенной публикацией (Le portrait arménien et l'art du quattrocento).

- В музее Пти Пале (Париж, 2007) в форме лекции « Hakob Hovnatanian (1806-1881), l'art du portrait ».

- Серией статей о творчестве представителей рода Овнатанянов для энциклопедии «Allgemeines Künstlerlexikon. Die Bildenden Künstler aller Zeiten und Völker» (K.G. Saur Verlag, München, 2011).

- Наиболее масштабным научно-практическим результатом настоящего исследования и одновременно его широким общественным апробированием явилась реализация двух больших авторских проектов, приуроченных к 200-летию со дня рождения Акопа Овнатаняна:

1. Организация выставки-исследования « *Акоп Овнатанян. До и после* » в Национальной картинной галерее Армении (2006-2007), прошедшей на государственном уровне. Экспозиция выставки включала четыре тематические части, соответствующие структуре диссертационного исследования: "Истоки"; "Параллели"; "Акоп Овнатанян"; "Диалоги", представляющие армянские, русские, западноевропейские и иранские произведения XVI - XXI веков из музеев и частных собраний Армении. Были представлены фрески, живопись

маслом, миниатюра, графика, прикладное искусство, реконструкция тифлисского интерьера первой половины XIX века, фотографии овнатаняновской эпохи, фильм С. Параджанова «Акоп Овнатанян».

2. Организация научной конференции *«Акоп Овнатанян. Переход от Средних веков к Новому времени»* (2006) с участием Национальной Академия наук Республики Армения, Ереванского государственного университета и НКГА.

Структура диссертации: Исследование состоит из: введения, трех глав, заключения, примечаний, списка литературы, включающего 260 наименований. К тексту диссертации прилагается альбом из 193 иллюстраций. Объем основного текста составляет 244 страницы, общий объем диссертации 264 страницы.

II. Основное содержание работы.

Во введении обоснована тема работы, мотивирована ее актуальность, рассмотрена степень разработанности проблемы, определены цели и задачи, объект и предмет, методологический подход, границы исследования, его новизна, научные результаты и научно-практическая значимость.

Первая глава - «Истоки армянского портрета» начинается с краткого общего исторического обзора основных художественных направлений в армянском искусстве с древнего периода по XVIII век. Дискретность развития армянской культуры явилась основной причиной отсутствия последовательного хода художественных процессов в регионе. Анализируя то или иное явление, исследователю армянского искусства необходимо учитывать конкретные аномальные условия, выстраивая каждый раз ход рассматриваемого процесса как бы с «нуля». Формирование живописного армянского портрета не является в этом смысле исключением. Как любое явление его можно рассмотреть с двух точек зрения, следуя генетически-диахроническому или структурно-синхронигческескому методам изучения. В работе рассмотрены обе версии.

В параграфе **"Общая предыстория"** исследуются истоки портретного жанра. Привлекается большой материал по скульптурному, живописному, миниатюрному и прикладному наследию античного времени и средневековья (вплоть до XVIII века), в котором появляются зачатки портретных элементов. Анализируются древнеармянские скульптурные произведение и нумизматические

портреты, средневековые ктиторские и мемориальные скульптурные портреты; а в живописи – традиция портретного решения христианских образов, включение в канонические иконографии портретов реальных людей, вплоть до XVIII века, когда появляются первые образцы светского портрета. Анализ помог выявить в произведениях, предшествующих станковому светскому портрету, две константные черты – особый интерес к характерному типажу и примитивную экспрессивность образов; то есть те умеренные портретные черты, которые допустимы в рамках в целом "непортретной" программы как античного, так и средневекового искусства. Именно эти черты были восприняты мастерами раннего станкового портрета и составили одну из его наиболее характерных особенностей.

Параграф "**Искусство XVI - XVIII веков**" состоит из частей: "Армянские колонии"; "Восточная Армения"; "Династия Овнатанянов", "Живопись Грузии XVIII века".

Армянский портрет сложился в результате целого комплекса разнородных художественных процессов, протекавших как на территории самой Армении, так и в заграничных армянских колониях, среди которых наиболее ярко проявила себя художественная школа Новой Джульфы (Иран). Анализ синтетичной по своим стилистическим элементам новоджульфинской монументальной и станковой живописи привел к заключению о том, что мы имеем дело с одной из ранних форм национального барокко. В связи с новоджульфинской школой большое место в параграфе отведено вопросам иранской живописи эпохи Сефевидов и ее влияний. При всем стилистическом различии характер армянского искусства XVII - XVIII веков в коренной Армении и в колониях (Иране, России, Польше и др.) имел много общностных черт. На переходе к новым станковым формам это искусство было еще тесно связано с церковью (почти единственным заказчиком) и потому развивалось в основном лишь в рамках религиозного искусства. Характерное для средневекового времени деление на «*ученое*» и «*неученое*» искусство продолжает бытовать и в этот период. К «неученому» типу относится поздняя армянская икона, сочетавшая местные традиции народного творчества с иранским стилем. А к «ученому» – религиозная композиционная картина, в которой наряду с традиционными элементами отмечается европеизирующая тенденция (тяга к ренессансной

иконографии и барочной стилистике). Внутри религиозной картины начинают формироваться малые станковые жанры – портрет, пейзаж и натюрморт. Первым среди них в качестве самостоятельного жанра выступил *портрет*.

На формирование армянского искусства нового времени в целом сильно повлияло европейское искусство XVIII – начала XIX века. По этой причине учитывается не только армянский, восточный (преимущественно иранский), но и историко-художественный контекст времени в целом. Сравнение армянского художественного наследия XVIII – начала XIX века с искусством ряда стран, в силу разных исторических обстоятельств поздно вступивших на западный путь (Балканы, Восточная Европа, отчасти Иран и т.д.), обнаружило присутствие в них единого *типа мышления* – что вполне закономерно. Перед этими разными школами стояла одна и та же задача – в короткие сроки освоить новый западный художественный язык, причем в условиях, когда повсюду еще продолжали функционировать собственные национальные традиции. Вот почему общей и неизбежной чертой искусства школ переходного времени стали стилистические *наложения*. Конкретные черты наложений обуславливались особенностями местных традиций, социально-культурными потребностями, наконец, характером и мерой приобщения к европейскому методу. В нашем случае условия приобщения носили специфический характер. Армянские художники в большинстве случаев имели дело не с оригинальными западными образцами, а с черно-белой европейской гравюрой, в связи с чем наибольшая самостоятельность проявилась именно в области колорита. Полтора столетия эти мастера следовали принципу неактивного приближения к европейской пластической системе и не отказывались при этом полностью от собственных старинных традиций и эстетических представлений. Это проявилось в сочетании принципов *монументальности* и *камерности*, а также в стремлении « локализировать » события священной истории, придавая *персонажам* и *среде* в картине армянские черты. В творчестве отдельных мастеров XVIII века (Овнатан Овнатанян, анонимный автор портрета « Женщина с ребенком » и др.) стилистические наложения уже приблизились к ранним формам *синтеза*. В качестве отдельной проблемы в главе рассматривается искусство представителей династии Овнатанянов, сыгравшей ключевую роль в развитии светской

армянской живописи. Многогранная деятельность Овнатанянов рассматривается в качестве ведущей армянской художественной школы Позднего средневековья и переходного времени.

В связи с тем, что армянский портрет первой половины XIX века развивался в основном в культурной столице Закавказья той поры – Тифлисе (русское название города до 1936 года), в главе параллельно рассматриваются грузино-армянские связи, культурная традиция Тбилиси и грузинская живопись XVIII века. Жанр портрета здесь развивался в очень узком направлении – как царский портрет и носил исключительно условный характер, подчиненный либо средневековым иконографическим схемам донаторского портрета, либо иранской миниатюры. Лишь к самому концу XVIII века под непосредственным влиянием русского искусства появляются первые полупарсунные изображения, моделями которых продолжают оставаться исключительно члены царской семьи. Однако станковый портрет не мог состояться, не охватив собой более широкий сословный спектр. Благоприятная для этого ситуация складывается лишь в начале XIX века в результате присоединения Восточной Грузии к России (1801). До этих перемен мы, в сущности, имеем дело с неполноценным жанром, или *прото-портретом*.

Во второй главе "Искусство Тифлиса первой трети XIX века" представлена армяно-грузинская художественная ситуация конца XVIII - начала XIX века и культура Тифлиса первой трети XIX века. На подступах к рассмотрению самого портрета здесь освещаются процессы перехода к новому времени, характеризуется эпоха, отмеченная не просто мировоззренческими и стилистическими переменами в искусстве, но сменой художественной системы в целом.

В связи с историческими обстоятельствами художники второй половины XVIII столетия меняют статус. Вынужденные покинуть скриптории мастера концентрируются вокруг городов, обосновываясь по преимуществу в Тифлисе. Многие из них включаются в амкарства (цехи), основную часть которых составляли народные мастера. Именно *народная линия* станковой живописи XVIII века, остававшаяся, в отличие от придворного искусства, в стороне от

исламских влияний, оказалась более открытой к европеизации. Отдельное место в этой части главы отводится описанию Тифлиса, как исключительно колоритного. эклектичного (« *двуликого Януса* ») места «действия» раннего портрета; вопросам демографии города (социально-этнический статус заказчика), в котором армянское население исторически массивно преобладало. Особо подчеркивается, что тифлисский портрет - культура *городская*, буржуазная (в значении burgensis – горожанин). Неслучайно, что согласно местным представлениям звание « мокалак » (тифлисский житель) важнее сословного звания. Сумма именно этих особенностей обусловила *синтетичный* характер и раннее распространение светских форм в тифлисской культуре, к которым, в частности, относится и искусство портрета.

При переходе к проблеме портрета обсуждаются два предварительных вопроса: 1. Каковы были конкретные причины столь позднего (первая половина XIX века) перехода к искусству Нового времени? 2. Почему именно портрет стал первым светским жанром в армянском искусстве? Причины запоздалого перехода заключаются в особенностях исторического развития Армении и Грузии, принадлежащих к странам, на протяжении столетий вытесненным завоевателями на периферию мировых культурных процессов. Позднее средневековье в этом регионе сильно затянулось. Условия для распространения светских форм в искусстве Закавказья возникают лишь в первой половине XIX века после присоединения Грузии и Восточной Армении к России. Что касается второго вопроса, то, как известно, он актуален и для России (но не конца, а начала XVIII века), однако причины выдвижения жанра портрета в русском и армянском искусстве различны. На армянский «выбор» повлиял не только преобразовательский характер эпохи, но и то, что к началу XIX века портрет повсюду стал замым популярным жанром. Но в отличие от России, переходная художественная политика осуществлялась в Закавказье не на государственном, а на частном уровне. Речь тут шла не об организованной профессиональной выучке, а о пассивных любительских заимствованиях. На художника ложилась вся ответственность. Он должен был решать проблемы культурной интеграции как бы в одиночку. Обращаясь к новому светскому типу творчества, самодеятельный художник был вынужден во многом

опереться на свою изобретательность и особенности собственного "почерка". В этой связи можно отметить оживление *авторских импульсов* и *спонтанность* художественных процессов. Такая ситуация имела, однако, свои преимущества. Армянское искусство не стояло перед необходимостью полного разрыва с собственным прошлым, напротив оно получало возможность продолжить свой путь по достаточно оригинальной дороге, где восточные художественные традиции встретились и примирились бы с западными. В связи с последним обстоятельством вопросы формирования светского портрета получают важное теоретическое значение в контексте армянской культуры в целом, которую с древних времен характеризовал *синкретизм* восточных и западных начал.

Армянский портрет конца XVIII - начала XIX века и выполненные в Тифлисе портреты того же периода обнаруживают характерные черты самых разных, начиная с кватроченто, портретов переходных эпох. В ходе сравнительного рассмотрения выявляются типологически родственные черты между закавказскими портретами и портретописью «запаздывающих» (за Западной Европой) художественных школ XVIII века (Восточная Европа, США) и школ XIX века (балканских, латиноамериканских и др.). Сравнительный анализ позволил, с одной стороны, выявить *общестадиальные* черты переходных портретов, а с другой – оттенить *специфические* особенности закавказского портрета. К стадиальным признакам относятся иконографические, композиционные (принцип антропоцентризма), пластические (превалирование интереса к лицу, значение рисунка и т.д.), функциональные (идентификация через портрет, декоративность) и стилистические (эклектизм) особенности. К специфическим чертам – контрастное сопоставление фигуры и фона, типажные черты, акцентирование жеста (специфически тифлисского), сдержанность колорита, умеренность интереса к психологической характеристике.

Далее в главе анализируются наиболее характерные произведения времени. Согласно иконографическим, функциональным и стилистическим признакам классифицируется все наследие портретного жанра, формирующегося в Тифлисе начала XIX века в целом. Большую часть этого

наследия составляет тип, условно названный *прототифлисским*. Именно он подготовил жанровое и композиционное направление собственно тифлисского армянского портрета второй трети XIX века, получившего свое классическое завершение в искусстве Акопа Овнатаняна. Отдельно рассматриваются вопросы типологии и роль романтизма в развитии "прототифлисского" портрета.

Анализ искусства «поздних» художественных школ XIX века на основе единого методологического подхода привел к выводу о существовании некого третьего историко-художественного пути постсредневекового развития, который можно условно назвать « стилем поздно развившихся школ», или « постколониально-провинциальным стилем ». Его специфика была обусловлена связью с романтизмом.

Третья глава исследования **"Акоп Овнатанян"** посвящена творчеству крупнейшего представителя тифлисской школы портрета. Глава состоит из нескольких параграфов. В **"Начале пути"** описаны условия, в которых происходило формирование художника: художественная атмосфера Тифлиса; влияние фамильной традиции. Учителем Акопа нужно считать не только и не столько отца, сколько традицию рода в целом. Уже первые его шаги знаменуют черты принципиальной эволюции в школе Овнатанянов. Решительно переступив ее рамки, Акоп оказался вне ремесленной организации и ее нормативов, но и еще вне школы европейского типа. Поиски молодого художника были полностью самостоятельны. Первым в роду он минует судьбу универсального мастера и специализируется лишь в одном жанре – станковом портрете. Но при этом Акоп трансформирует «универсальность» предков в художественное качество. Его живопись несет в себе начала фрески и миниатюры, ей близок принцип музыкальности, поэтический ритм, метафоричность.

Параграф **"Творчество"** посвящен вопросам творческого метода, портретной концепции, живописно-пластической системы, образной интерпретации, типологии и стилистики, эволюции и жанровой классификации. Творчество Овнатаняна знаменует окончательный переход от средневековой творческой *имперсональности* к *индивидуальному*

художественному методу. С его именем связано появление первой в закавказском искусстве *авторской концепции* – самого значительного завоевания нового времени и необходимого условия для формирования полноценного светского искусства. Концепция Овнатаняна тесно связана как с проблематикой переходного времени, так и с армянской пластической традицией. Этот наследник старинного художественного рода не мог не сознавать, что дискретность развития национального искусства вызывает потребность в *транзиции*. Для восстановления естественного хода прерванной истории Акопу было необходимо сохранить принципиальные элементы традиционного искусства. Вот почему его живописная структура оказалась столь сложной, а творческая логика – непредсказуемой. Самостоятельно овладев европейским письмом и тонко откликнувшись на романтическую атмосферу времени, он упорно продолжал использовать старые пластические приемы (плоскостную трактовку фигур, анатомические неточности, локальный цвет и т. д.). А главное на протяжении всего творчества художник остался верен важнейшему принципу армянского искусства – слитности монументально-декоративных и камерных интересов. По своей конструкции картина Овнатаняна *модульна* (как модульна армянская архитектура), что обуславливает ее четкую, читающуюся композиционную структуру. Не менее важную роль в произведении играют и камерные задачи. Специфической чертой *творческого метода* мастера было соединение фундаментальных принципов армянского искусства с актуальными европейскими задачами. Художник впервые обращается к *натурному* методу работы над портретом и конкретным психологическим задачам романтической интерпретации модели. *Типологически* портреты мастера соответствуют раннему этапу формирования жанра – отсюда их близость композиционным схемам Раннего Возрождения. А *стиль* Овнатаняна был основан на элементах трех путеводных для художника культур (которые одновременно составляли художественный кругозор тифлисского заказчика): *армянской, европейской, иранской*. Влияние *романтизма* придало этому синтезу особую окраску.

Оригинальная *портретная концепция* художника строится на специфических соотношениях между портретными и картинными задачами –

его портреты одновременно играют роль картины в тифлисском интерьере. С портретной точки зрения главным для Овнатаняна была передача "идеи" человека, его метафизика – характеристика некого вневременного идеала, но вместе с тем и его «романтическая» суть. Картинной функции отвечал принцип графического выделения силуэта, противопоставленного локальному и контрастному по цвету фону. *Живописно-пластическая система* Овнатаняна представляет собой сложное переплетение тонко скоординированных элементов с уравновешенными ролями рисунка и живописи. *Образная характеристика* мастера раздвоена между типологической близостью к образам кватроченто (идее "uomo unico" и сохранению дистанции между моделью и зрителем); и романтической интерпретацией модели (с соответственным интересом к психологическим вопросам). Проблема эволюции в творчестве художника одна из самых сложных. Во-первых, потому, что он не датировал (и не подписывал) свои произведения, а во-вторых, потому, что эволюция в его живописи не зависит впрямую от этапов овладения техническими и стилистическими приемами. Художник почти всегда прибегает к архаизмам, которые используются сознательно, но в его искусстве еще присутствуют и неизжитые "атавизмы". В связи с чем предлагается специфический метод рассмотрения вопроса (например, сопоставление единовременных произведений, парных портретов и т.д.), который помогает отчасти раскрыть художественную логику мастера. Особое место в главе отведено *жанровой классификации* овнатаняновского наследия с выделением следующих типов: 1. картинный портрет; 2. романтический портрет; 3. лирический портрет; 4. характеристический портрет; 5. психологический портрет; 6. мемориальный портрет.

Заключение. Первый параграф Заключения посвящен судьбам овнатаняновской традиции в искусстве Закавказья и ее влиянию на профессиональную живопись Грузии и Армении конца XIX века, раннюю тифлисскую фотографию, искусство примитива; а также интерпретации художественного опыта Овнатаняна в армянском искусстве XX века.

Далее в Заключении суммируются результаты всего исследования, приводя к двум наиболее существенным теоретическим выводам:

1. Армянский « протопортрет » есть одно из проявлений так называемого « *третьего пути* » постсредневекового развития.

2. Феномен Акопа Овнатаняна состоял в том, что окончательный переход к искусству нового времени был практически осуществлен силами одного этого мастера. Акоп Овнатанян – первый армянский художник Нового времени, который не только пришел к творческому самосознанию, но предложил свой *тип движения*, в котором уравновешены западные и восточные начала.

Содержание диссертации отражено в 15 публикациях объемом 20,2 п.л.

Статьи и доклады

1. Хачатрян Н.А. Становление армянского портрета и Акоп Овнатанян. //Пространство культуры. - М.: 2009 (2)-С. 119-131(1,1 п.л.)

2. Хачатрян Н.А. Русская и армянская живопись первой половины XIX века. Грани романтизма. //Материалы международного симпозиума Армения – Россия: Диалог в пространстве художественной культуры/. М.: Г. Государственный институт искусствознания, 2010.- С. 35-36 (0,1 п.л.)

3. Хачатрян-Поладян Н.А. О художественной системе Акопа Овнатаняна. В сб. //Акоп Овнатанян. Переход от средневековья к Новому времени. - Ереван, 2007. – С. 9-26 (1, 3 п.л.)

4. Хачатрян-Поладян Н.А. Акоп Овнатанян – национальное достояние. - //Вестник общественных наук, Вып. 3, 2006. - Национальная Академия наук Армении. - 30-49 (1,6 п.л.).

5. Хачатрян Н.А. Особенности художественной системы Акопа Овнатаняна /на арм.яз/.- // ИФЖ, №4. Ереван: изд. АН АрмССР, 1989.- С.95-108(1,04 п.л.)

6. Хачатрян Н.А. Типология ранних тифлисских портретов.-//VI Респ. конф. по армянскому искусству, - Ереван, 1987 (0,1 п.л.)

7. Хачатрян Н.А. Акоп Овнатанян. Вопросы образной интерпретации. //Межвузовский тематический сборник научных трудов. Искусствоведение. - Ереван: Изд. ЕГУ, 1985. 87-95 /на арм. яз./ (0,1 п.л.)

8. Хачатрян Н.А. О процессе становления армянского живописного портрета, //IV Межд. Симпозиум по армянскому искусству, Ереван, 1985. - 289-290. (0,2 п.л.)

9. Хачатрян Н.А. Типология стиля и концепция портретов Акопа Овнатаняна. - //VI Межд. Симпозиум по грузинскому искусству, Тбилиси, 1983 (0,2 п.л.)

10. Xacatryan-Paladian N. Hakob Hovnatanyan. / Allgemeines Künstlerlexikon. Die Bildenden Künstler aller Zeiten und Völker. – München: K.G. Saur Verlag, 2011. 117-126 c (2,4 п.л.)

11. Xacatryan-Paladian N. Hovnat'anyan. Künstler-Familie: Aghathon; Hakob der Ältere; Harutyun; Hovnatan; Naghash Hovnatan. - /Allgemeines Künstlerlexikon. Die Bildenden Künstler aller Zeiten und Völker. – München: K.G. Saur Verlag, 2011, c. 108-116 (2,2 п.л.)

12. Xacatryan-Paladian N. Armenian and Iranian art in XVII – XIX centuries. Influences and common edges. /First International Armenology and Iranology Conference. Isfahan: University of Isfahan, 2008. - 67-81 p. (1,2 п.л.)

13. Xacatryan N. Le portrait arménien et l'art du quattrocento. - /Annali di Ca' Foscari. Venezia: Università di Venezia,1999. XXXVIII (3), p. 95-103(0,6 п.л.)

Монография.

14.Хачатрян-Поладян Н.А. Акоп Овнатанян. До и после. - Ереван: НКГА, 2007. – 101 с. (8,7 п.л.)

Сборник.

15. Акоп Овнатанян. Переход от Средних веков к Новому времени. Сборник статей //Научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения художника/ Автор проекта и составитель **Н.А. Хачатрян.** – Е.: Изд. Института искусств НАН РА, 2007 – 72 с (5,1 п.л.)

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Заказ № 322. Подписано в печать 20.12.2012 г. Бумага офсетная
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
asterion@asterion.ru

На правах рукописи

Захарян Инара Эдвардовна

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННОЙ ДИАСПОРЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКОГО СООБЩЕСТВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Специальность 22.00.06 – Социология культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Саратов 2013

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.»

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор **Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна**

Официальные оппоненты: **Аникин Леонид Сергеевич**
доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет им. Чернышевского», заведующий кафедрой социологии коммуникаций

Мокин Константин Сергеевич
доктор социологических наук, профессор, Балаковский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», заместитель директора

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»

Защита состоится «19» сентября 2013 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.242.03 при ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, корп. 1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.».

Автореферат разослан «19» августа 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета В.В. Печенкин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новых подходов к изучению социокультурных последствий миграции, особенностей существования этнических сообществ. Многочисленные миграции, являющиеся неотъемлемым условием существования современного общества, привели к образованию новых групп населения, неизбежному постоянному взаимодействию этнических сообществ, выработке адаптационных стратегий, основанных на доступных мигрантам связях. Помимо процессов, связанных с политическими, экономическими и социокультурными последствиями, миграции вызывают качественные изменения внутри этнического сообщества, связанные с необходимостью адаптации, преодоления сложных жизненных ситуаций и достижения благополучия. В качестве приоритетного ресурса, используемого приезжими на начальных этапах включения в общество, выступают связи внутри группы, основанные на родственных, земляческих отношениях, общей этничности. Социальный капитал сообщества становится гарантированным механизмом доступа к социокультурным благам, он предопределяет возможные адаптационные стратегии, пути решения проблем и включения в общество. Однако возникает ряд противоречий, обусловленных, с одной стороны, ограниченностью внутренних связей, необходимостью выйти за пределы группы с целью включения в принимающее общество, с другой, – стремлением сохранить этнокультуру.

Этнические сообщества формируются на пересечении социокультурных пространств, соответствующих культурным образцам принимающего общества и собственной ценностной системы, что определяет смешение повседневных практик, приводящее к образованию качественно новой идентичности. Социокультурные изменения, связанные как с травматическим опытом переселения, так и с проживанием в инокультурной среде, прослеживаются на протяжении нескольких поколений мигрантов, в частности примером смешения этнокультурных практик является полуторное поколение мигрантов. Процессы трансформации ценностной системы, культурного заимствования, утраты элементов этноидентичности принимают неизбежный характер, отражаясь на целостности сообщества. Стремление к сохранению этнокультуры находит выражение в сознательном конструировании этничности, трансляции семейно-исторической памяти, ее визуализации, организацию деятельности национально-культурного объединения, направленной на воспроизводство идентичности. Диаспора характеризуется наличием внутренних связей, которые становятся ресурсом для её представителей, открывающим доступ к социокультурным и экономическим благам, связей между поколениями, обеспечивающими функционирование этнической группы в пространстве региона. Исследо-

вание социального капитала диаспор обладает особой важностью в аспекте выявления роли общинных связей в социальной интеграции.

Степень разработанности темы. Социальный капитал стал одним из инструментов для изучения общества, приобретая трактовки, отражающие различные подходы к исследованию социальных проблем. Концептуализация социального капитала связана с работами П. Бурдье, который определяет его как потенциальный ресурс, связанный с обладанием устойчивой сетью отношений. Теория Дж. Коулмана, согласно которой социальный капитал характеризуется как ценность, предоставленная социальной структурой акторам, позволяет выявить значения диаспоральных связей в преодолении проблем мигрантами, использовании для достижения собственных целей. Вопросы, касающиеся существования норм и доверия внутри сообщества, исследуются на основе теории Р. Патнема.

Идеи Дж. Тернера относительно существования уровней функционирования социального капитала лежат в основе обозначения макро-, мезо- и микроуровней социального капитала диаспоры. Вопросы классификации форм капитала затрагиваются Х. Иссером, который выделил личностный капитал акторов и капитал, предоставляемый обществом индивидам. Социальный капитал как реальный или потенциальный ресурс рассматривается в работах П. Боргатти, К.Джонса и М.Г. Эверета.

Доверие как один из основополагающих принципов накопления социального капитала этнического сообщества рассматривается, исходя из идей М. Пелдема, Ф. Фукуямы. Проблема ограниченности социального капитала сообщества показана в работах Р. Флорида. Роль социального капитала в образовании этнических меньшинств показана В. Кастильоне, М. Феннема и Дж. Тилли. А. Портес подчеркивает зависимость социального капитала от включенности индивида в социальную структуру. В рамках сетевой теории (Р. Берт, М. Грановеттер, Н. Лин) становится возможным изучение социального капитала как ресурса в контексте межличностных отношений, сети отношений.

Среди российских ученых значительный вклад в развитие социального капитала внес В. Радаев, связывающий обладание капиталом с членством в группе. В плоскости повседневной жизни роль социального капитала обозначена Р. Роуз. Анализ феноменов российского общества с применением концепции произведен в трудах Е. М. Аврамовой, Г. Градосельской, Л. Колесниковой, А. Конькова, В. Римского, П. Шихирева. Типология зарубежных подходов представлена Л. Стрельниковой, методы и перспективы изучения социального капитала рассматриваются О. Демкиным. В основе изучения аспектов социокультурных изменений – теория социокультурной динамики П. Сорокина, подчеркнувшего роль культурных факторов в социокультурных изменениях, идеи Н. Смелзера о зависимости культурных перемен от овладения новыми знаниями и ценностями. Сравнение «традиционного» и «современного» представлено в рамках теории Фр.

Тенниса, с точки зрения идей М. Мид о типах культурной преемственности возможно изучение изменений в межпоколенческом срезе.

Диссертационная работа предполагает исследование социального капитала этнического сообщества, в связи с этим возникает необходимость анализа источников, касающихся особенностей проживания этнических групп в условиях миграции. В исследовании использованы работы, посвященные трактовке категории диаспора (У. Сафран, Х. Тололян, Г. Шеффер). Часть работ посвящена классификации этнодифференцирующих признаков (Р. Кинг, К. Пэригаард, Ж. Тощенко, А. Христу, Т. Чаптыкова).

Конструктивистский подход к анализу этничности представлен Б. Андерсоном, Э. Геллнером, В. Малаховым, В. Тишковым. Ф. Барт вводит понятие культурной границы, поддерживаемой этническими маркерами, направляющими социальную жизнь, влекущими ожидаемое поведение, отношения. Х. Бхабха исследует вопрос образования культурных гибридов, предрасположенности сообществ к смешению, обусловленной их «пористостью»; проблема гибридизации анализируется в работах Ж. Питерса. В рамках конструктивистской теории рассматриваются особенности проявления идентичности (Р. Барт, Р. Брубейкер).

Исследования этнических сообществ получили развитие как в зарубежной литературе, так и у представителей российского научного сообщества. К. Киссау, Л. Моралес, Л. Джорба, О. Хангер рассматривают повседневную жизнь мигрантов, стратегии адаптации, транснациональные связи, объединяющие приезжих с членами семьи, оставшимися на родине. В. Мукомель, И. Кузнецов, помимо теоретических вопросов, анализируют особенности проживания этнических групп в российском социально-культурном пространстве.

Армянская диаспора стала предметом исследований Э. Мелконяна, В. Дятлова, Е. Фирсова. К. Мокин в результате исследования, проведенного среди представителей армянского сообщества Саратовской области, приходит к выводу о существовании определенных категорий приезжих, принадлежность к которым определяет адаптационные стратегии мигрантов. Н. Шахназарян делает акцент на повседневной жизни представителей армянского сообщества, ею рассмотрены вопросы, затрагивающие стратегии выживания, формирование новых идентичностей. Н. Нагиб на основе анализа фотоархива армянских мигрантов показывает роль визуальных материалов в передаче семейной памяти. Проблема функционирования коллективной памяти разработана М. Хальбваксом, П. Нора.

Концепция социального капитала является в настоящее время одной из актуальных категорий анализа социальных проблем, существуют разработанные теории социального капитала. Социальные феномены требуют более глубокого анализа, разностороннего исследования, чему может способствовать рассматриваемая концепция. Этнические сообщества не являются исключением. Интерес представляют процессы, происходящие внут-

ри группы, мотивы выбора стратегий адаптации, механизмы сохранения культурной памяти, этнокультуры в условиях миграции. Возможности изучения данных аспектов предоставляет концепция социального капитала. Требуют внимания вопросы, касающиеся причин конструирования этнических сообществ, факторов их развития, процессов, происходящих внутри группы: реконструкция и гибридизация идентичности, соотношение сплоченности и «проницаемости», готовности к принятию норм и ценностей извне.

Цель диссертационного исследования заключается в определении роли социального капитала этнокультурной диаспоры в процессе формирования и сохранения сообщества на примере армянской диаспоры г. Саратова. На достижение указанной цели направлено решение следующих **задач**:

– систематизировать теоретические подходы к определению социального капитала, на основе теорий выявить особенности социального капитала этнического сообщества; исходя из конструктивистской концепции этничности, рассмотреть характерные черты современных этнических сообществ, факторы их образования и существования в социально-культурном пространстве региона;

– проанализировать стратегии адаптации, механизмы воспроизводства семейно-исторической памяти, проблему гибридизации этнической идентичности полуторного поколения, сохранения традиционных норм в условиях миграции, используя материалы биографических интервью с представителями армянской диаспоры г. Саратова;

– на основе экспертных интервью с сотрудниками «Армянской общины Саратовской области «Крунк»» определить роль социального капитала национально-культурного объединения в процессе включения мигрантов в социокультурное пространство региона, реконструкции этнической идентичности;

– опираясь на результаты опроса, выделить формы социального капитала, способствующие решению первоначальных проблем, которые возникают вследствие переезда; сравнить особенности социального капитала двух поколений армянских мигрантов г. Саратова;

– по материалам фото-интервью выявить образы, символы, которые представители диаспоры соотносят со своей этнической группой.

Объектом диссертационного исследования является социальный капитал современной этнической диаспоры. В качестве **предмета** выступают формы проявления социального капитала диаспоры в контексте культурных изменений.

Основная гипотеза исследования. В условиях социокультурных изменений социальный капитал становится фактором сохранения этнокультуры, диаспоры в иноэтнической среде, что основано на взаимном признании собственной этничности ее представителями. Межличностные связи выступают в качестве источника поддержки, используемого мигрантами

на первоначальных этапах проживания в регионе. Сохранение этнической культуры представителей диаспоры происходит в рамках семьи за счет воспроизводства культурных практик. Несмотря на сохранение элементов традиционного семейного уклада в семье, идентичность полуторного поколения приобретает черты гибридности. Социальный капитал, предоставляемый национально-культурным объединением, ограничен в связи с отсутствием отлаженного механизма взаимодействия с мигрантами и культурно-просветительской направленностью деятельности.

Эмпирическую базу диссертационной работы составили результаты авторского исследования, включающего:

1. Данные анкетного опроса двух поколений мигрантов, проведенного с целью сравнения социального капитала двух поколений мигрантов (N=120, 2012, Саратов). Обработка данных осуществлялась с применением статистического пакета SPSS.

2. Данные анализа биографического интервью в семьях диаспоры по проблеме реконструкции этнической идентичности и выбора стратегий адаптации и экспертного интервью с сотрудниками национально-культурного объединения «Армянская община Саратовской области «Крунк»» (N=17, 2011-2012, Саратов).

3. Материалы фото-интервью с представителями армянского этнокультурного сообщества г. Саратова (N=7, 2012, Саратов).

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальностей ВАК. Диссертационная работа выполнена в рамках специальности 22.00.06 – Социология культуры, тема исследования соответствует п. 2. Культура и социальные взаимодействия. Социальные функции культуры; п. 3. Социальная структура общества и культурные различия; п. 6. Социальная динамика культуры. Социальные механизмы преемственности и инноваций в культуре; п. 7. Проблема субъекта культурных изменений. п. 14 Культурная социализация и самоидентификация личности Паспорта специальностей научных работников ВАК Министерства образования и науки РФ.

Достоверность и обоснованность результатов исследования определяются непротиворечивыми теоретическими положениями, сформулированными на основе обоснованных социологических теорий, результатов количественного и качественного исследования, корректным применением оснований социологии культуры, соотнесением с данными исследований отечественных и зарубежных ученых и научных коллективов.

Научная новизна диссертации заключается в постановке, обосновании и решении задач анализа социального капитала современной диаспоры в контексте культурных изменений и может быть сформулирована в следующих позициях:

– по-новому обоснована роль диаспоральных связей в процессе проживания сообщества в условиях миграции на основе ключевых концепций социального капитала и конструктивистских теорий этничности;

– на основе материалов биографического интервью осуществлена авторская интерпретация роли межпоколенческих связей в процессе реконструкции этнической идентичности, рассмотрена проблема формирования гибридной идентичности;

– по данным экспертного интервью проанализирована деятельность национально-культурного объединения в контексте работы с мигрантами, обозначены перспективные пути развития;

– новые данные, полученные в результате опроса, позволили выделить формы проявления социального капитала двух поколений мигрантов;

– впервые к исследованию вопроса восприятия диаспоры ее представителями применен метод фотоинтервью.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили концепции социального капитала П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, сетевой подход в определении социального капитала Р. Берта, М. Грановеттера, Н. Лин, конструктивистская теория этничности Б. Андерсона, Э. Геллнера, В. Малахова, В. Тишкова, концепция культурной гибридности Х. Бхабха, идея об уровнях социального капитала Дж. Тернера. Роль и значение коллективной памяти в процессе сохранения этнической культуры рассматривается, исходя из идей М. Хальбвакса, П. Нора. Теоретические рамки исследования проблемы включенности мигрантов в принимающее общество составили работы М. Астоянц, И. Россихиной. Социальный капитал как одна из социологических концепций позволяет проанализировать процессы взаимодействия, взаимовлияния индивидов, социальных систем. Методология нарративного анализа, использованного при анализе биографического интервью, представлена в работах Е. Мещеркиной, Е. Ярской-Смирновой. Анализ визуальных данных основан на идее П. Штомпки о фотографии как методе исследования, теории фотографии Р. Барта, исследовании семейного фотоархива Н. Нагиб. Сбор и анализ данных произведены в соответствии с инструментарием прикладного исследования, разработанным И. Девятко, В. Ядовым.

В ходе теоретического и эмпирического социологического исследования получены следующие основные результаты, формулируемые автором диссертации как **положения, выносимые на защиту**:

1. Социальный капитал диаспоры рассматривается как фактор, который обусловливает формирование и устойчивость этнического сообщества. Современная диаспора характеризуется как сообщество, проживающее вне исторической родины, представляющее собой сети формальных и неформальных связей, основанных на общей этничности. Этничность выражена в осознании членами группы собственной принадлежности к ней, принадлежности других членов к «своему» сообществу. Социальный капи-

тал этнической группы в социокультурном пространстве региона находит выражение в следующих формах: межличностные связи, связи, предоставляемые национально-культурной организацией, межпоколенческие связи.

2. Анализ результатов опроса показал преобладающую роль межличностных связей при выборе места жительства мигрантов (более половины опрошенных первого и полуторного поколения), диаспоральные связи характеризуются как ресурс поддержки при решении проблем на первоначальных этапах проживания в регионе, они являются наиболее эффективными при поиске путей заработка (43 и 36% опрошенных из первого и полуторного поколения соответственно). Наиболее часто у приезжих возникают трудности с получением гражданства (более трети опрошенных обоих поколений), оформлением регистрации (28% старшего поколения, 17% молодежи), при этом они преодолевают сложности самостоятельно. В процессе проживания утрачивается ресурсность внутридиаспоральных отношений, мигранты приобретают связи за пределами этнической группы, которые предоставляют дополнительные возможности, доступ к социально-культурным, экономическим благам.

3. Конструирование этничности рассматривается как результат воспроизводства культурных кодов, коллективной памяти, «рассказывания» прошлого, обращения к историческим событиям и объединяющим мифам в повседневности семьи и в контексте работы национально-культурного объединения. Однако в результате приобщения к отличающимся друг от друга ценностным системам, принятия новых норм этническая идентичность полуторного поколения принимает черты гибридности. Это ведет к образованию качественно новых форм идентичности, приемлемых в обоих сообществах и способствующих как сохранению этнокультурных ценностей, так и благоприятной адаптации и самореализации в принимающей среде. Гибридизация идентичности становится показателем снижения степени преемственности социокультурных норм этнической группы в условиях миграции.

4. Реконструкция этнической идентичности происходит в повседневности семьи благодаря межпоколенческим связям, обеспечивающим взаимодействие представителей двух поколений мигрантов. В рамках семьи транслируются этнокультурные ценности, исключающие влияние инокультурных элементов. Следование традиционным представлениям прослеживается в сохранении после переезда принятого в семье распределения гендерных ролей и системы воспитания (более чем у половины опрошенных), отрицательном отношении к межэтническим бракам (более 70%). В качестве механизмов реконструкции идентичности в пространстве семьи выступают семейно-историческая память, визуализация памяти, воссоздание привычной среды. Элементы гибридной идентичности в большей степени прослеживаются у представителей полуторного поколения, для которых характерно преимущественно приобщение к конфигуративным пространствам культуры, соответ-

ствующим полиэтническому обществу региона, представленному в большинстве институтов, в том числе в образовательных.

5. Национально-культурное объединение является институциальным путем включения в принимающее общество. Среди направлений деятельности общины культурно-просветительская является приоритетной, поскольку нашла поддержку со стороны представителей молодого поколения, участвующего в развитии общины. Национально-культурная община воспринимается как транслятор традиций, социальный капитал общины востребован преимущественно в контексте национально-культурной деятельности, возможности общины не используются большинством мигрантов. Общине свойственна неформальная закрытость, связанная с разницей диалектов, устойчивостью уже сложившегося окружения. В качестве перспективы развития деятельности обозначены участие в социальной жизни сообщества, установление связей с социальными службами.

6. Исследование методом фото-интервью показало, что в понимании представителей этнической группы диаспора выражается в символах, событиях, играющих роль объединяющего мифа, несущих в себе травматический опыт, консолидирующий членов группы независимо от места их происхождения, возрастной категории. В социокультурном пространстве региона мигранты создают свое символическое поле, включающее памятники, сооружения религиозного, повседневного характера.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в неуменьшающемся интересе исследователей к концепции социального капитала, который применяется для изучения особенностей функционирования различных систем. Исследование может быть рассмотрено в качестве расширения предметного поля концепции социального капитала. Выводы диссертационного исследования способствуют пониманию процессов, происходящих внутри этнической группы, адаптационных стратегий, особенностей реконструкции идентичности, и, как следствие, – сохранению сообщества в инокультурной среде. В рамках концепции социального капитала возможно выявление качественно новых свойств современной диаспоры, проявляющихся в уровнях и формах социального капитала. Диссертационное исследование позволяет определить одну из проблем многонационального общества в рамках концепции социального капитала, расширяя предметное поле самой концепции и социологической теории. Теоретико-методологические аспекты темы применены в разработке курсов, спецкурсов по общей социологии, социологии культуры, социальной антропологии, этносоциологии. Кроме того, возможно использование результатов исследования для разработки программ социокультурного развития этнических групп, направлений деятельности национально-культурных объединений.

Апробация. Основные положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, докладывались на городских, научных, междуна-

родных научно-практических конференциях, семинарах: Международной научно-практической конференции «Общероссийская и национальная идентичность» (Пятигорск, 2012), семинаре «Социология социальной политики: между академическим интересом и общественным запросом» (Москва, 2012), Международной научно-практической конференции «Социальная работа в поликультурном обществе» (Ижевск, 2011), Российской научной конференции «Социальное время культуры: культурная политика и социальная память» (Саратов, 2011), городской научной конференции «Современное общество перед лицом социальных и гуманитарных проблем» (Саратов, 2010), на курсах «Миграционные процессы и миграционная политика» (Москва, 2011).

Публикации. По теме диссертационного труда опубликовано 9 научных работ общим объемом 4,5 п.л., в том числе три публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертации включает введение, три главы (шесть параграфов), заключение, список использованной литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет, представлены положения, отражающие новизну исследования, теоретические и эмпирические основы диссертации, обоснована теоретико-практическая значимость работы. В первой главе **«Социальный капитал диаспоры в рамках ключевых подходов социологии культуры»**, состоящей из трех параграфов, представлен анализ теоретических и практических подходов к трактовке и пониманию социального капитала современного этнического сообщества. На основе концепций социального капитала определяются особенности, формы проявления, уровни существования социального капитала диаспоры, анализируются концепции, возможности их применения к рассмотрению социального капитала этнического сообщества, в рамках каждого из подходов выявляются особенности социального капитала диаспоры.

Диссертантом к исследованию этнической группы применяются идеи П. Бурдье о коллективном характере социального капитала, предоставляющим дополнительные привилегии в силу «гарантированности общим именем. Сети связей рассматриваются как полезные отношения, направленные на дальнейшее использование с целью получения «выгоды». Исходя из идей П. Бурдье, диссертант приходит к выводу о создании сети связей представителей диаспоры за счет принадлежности к группе, которая обеспечивает мигрантов ресурсами, обусловливающими характер их действия, выражающегося в оказании поддержки, содействии в решении вопросов обоснования в регионе. Развитие концепции продолжается в теории Дж. Коулмана, согласно которому социальный капитал зависит от вовле-

ченности актора в структуру. В качестве формы социального капитала выделяется норма как критерий поддержания коллектива, автором рассматривается роль социальный капитал в процессе развития молодого поколения. Указанные идеи применяются диссертантом в характеристике социального капитала этнической группы. Как проявление нормы определяются совокупность типов поведения, традиций, характерных для этнической ценностной системы, социальный капитал семьи влияет на трансляцию этнокультуры, сохранение этничности в условиях миграции.

Автор акцентирует внимание на теории Р. Патнэма, согласно которой социальный капитал соотносится с социальными сетями, нормами взаимодействия и доверия. Подчеркивается склонность людей к организации неформальных образований, что позволяет им развивать и расширять свои социальные связи и, как следствие, – повышать качество жизни, уровень доверия. Уровень социальной солидарности и социального капитала ставится в зависимость от этнического многообразия. Накопление социального капитала внутри группы препятствует возможности интеграции в обществе, противоречит формированию «гражданственности». В качестве одной из основ образования социального капитала обозначается доверие (Ф. Фукуяма). Социальный капитал, выраженный в общепринятых нормах и ценностях, характеризуется как результат наличия доверия в группе. Факторами создания социального капитала могут выступать общая религия или этническая принадлежность, общий травматический опыт, рождающий понимание и доверие между индивидами.

Автором рассматривается сетевая теория социального капитала, основные положения которого используются при анализе межличностного капитала. В рамках теории М. Грановеттера указывается значение этничности в установлении «слабых связей», которые предоставляют дополнительные возможности достижения собственных целей. Ограниченность «сильных связей» приводит к выходу за пределы группы, поиску новых знакомств. Доступность социальных благ обусловлена позицией, которую индивид занимает в общественной структуре (Н. Лин). Социальный капитал определяется как обладание знакомствами, которые могут быть полезны при возникновении необходимости подключения к решению проблем кого-либо (Р. Берт). Понимание социального капитала выводится через функции, выполняемые им (А. Портеса и П. Ландолт), которые связываются со способностью капитала осуществлять контроль, поддержку, быть источником благ. Классификация форм и уровней социального капитала этнического сообщества приводится в соответствие с идеями Х. Иссера, Дж. Тернера.

В главе раскрываются роль и значение этничности в процессе формирования сетей связи, приведено понимание этничности в рамках конструктивистской теории этничности, этничность рассматривается как инструмент пользования ресурсами сообщества. В начале параграфа диссертант

анализирует теоретические основы появления термина этничность, обращается к основным теориям этничности. Уделяется внимание трактовке категории «диаспора» (М. Шеффер, Х. Тололян), проблеме дефиниции, признакам, позволяющим определять этническое сообщество как диаспору (У. Сафран, Ж. Тощенко, Т. Чаптыкова). Поздние определения диаспоры приводят к пониманию ее как формы поведения (В. Тишков), формальных или неформальных связей (В. Дятлов). Автор приходит к трактовке термина диаспора, соответствующей концепции социального капитала.

Основываясь на идеях Б. Андерсона и Э. Геллнера, автор анализирует механизмы конструирования этничности в инокультурной среде. Формирование и сохранение этнической группы возможны благодаря тому, что каждый ее представитель причисляет себя к группе и воспринимается как носитель конкретной ценностной системы. Объединяющим фактором является культура, которая понимается как система идей, знаков, связей, способов поведения и общения, в частности говорится о важной роли языка в процессе консолидации сообщества. Помимо культуры, поддержание общности обусловлено историческим прошлым, религией. Этничность понимается как сознательно создаваемый конструкт, используемый для достижения личных целей, преодоления трудных жизненных ситуаций, контроля, зависящий от позиции, занимаемой в структуре общественных отношений (В. Малахов).

Во второй главе **«Социальный капитал мигрантов как механизм включения в общество и воспроизводства социальной памяти этнической группы»** дается анализ эмпирического материала, направленного на выявление роли социального капитала институтов адаптивных и интегративных процессов, социального капитала семьи как механизма сохранения этнокультуры. На основе экспертного интервью, проведенного с представителями Армянской общины Саратовской области «Крунк», автором выделяются направления деятельности организации, содействующие включению мигрантов в общество региона. Организация характеризуется как возможный ресурс, доступный членам этнического сообщества, способствующий включению мигрантов в социокультурное пространство региона на легальных условиях.

Община является проводником к правительственным структурам, связанным с легализацией в обществе (получение гражданства, оформление документов), расширяет социальные связи, занимаясь реализацией культурных программ в интернатах города. По Уставу цель общины обозначена как совместная деятельность членов Общины по защите общих интересов, развитию духовного, культурного, нравственного и делового потенциала армян Саратовской области. Реальная практика деятельности членов общины показывает приоритетность культурно-просветительской работы, задача которой обозначается как сохранение культурных традиций, сплочение армян, проживающих на территории региона. Автор приходит к вы-

воду о приоритетности данного направления, что обусловлено поддержкой его развития со стороны полуторного поколения мигрантов, активных членов объединения. Объединение признается неформально закрытым институтом в силу разницы в культурных кодах членов сообщества, автор говорит о существовании определенной степени недоверия, которое может привести к ослаблению социального капитала внутри группы, к разобщенности этнической группы. В качестве перспектив развития общины автор выделяет работу с социальными службами, увеличение объема социального капитала институтов, расширение возможностей по работе с вновь прибывшими мигрантами.

Определяется значение межпоколенческого капитала в сохранении этнокультуры, ценностной системы, этничности в полуторном поколении мигрантов, по материалам биографического интервью выявляются стратегии реконструкции семейно-исторической памяти, обосновываются понятия первого и полуторного поколения мигрантов. Нарративный анализ интервью позволяет выявить элементы прошлого (Е. Рождественская, В. Семенова), сохранившиеся в настоящем, несмотря на смену культурных пространств, жизненные истории способствуют моделированию идентичности (П. Рикер). Ключевая роль в реконструкции идентичности отводится социальной памяти, развивающейся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневный жизненный опыт.

Семейно-историческая память находит выражение через индивидуальную память (П. Нора), которая проявляется в организации домашнего пространства, вещной среды, визуализации памяти. Домашнее пространство наделяется символами, отсылающими мигрантов к событиям из прошлого, травматическому опыту, объединяющему членов семьи совместным переживанием. Воплощением семейной памяти становится вещная среда, организованная из «привезенных с собой» предметов или «новых», сознательно включаемых в домашнее пространство. Вещная среда воссоздает семейный капитал, включающий воспоминания, семейный порядок, традиции, ценности, нормы.

Автор заключает, что путем визуализации памяти происходит приобщение полуторного поколения мигрантов к семейно-исторической памяти, посредством чего транслируется идентичность, которой обладают старшие. Первое поколение характеризуется как носитель этнической культуры, идентичности, трансляция которой возможна через межпоколенческий связи в пространстве семьи. Следуя идее Хоми Бхабха о культурных гибридах, диссертант анализирует гибридизацию идентичности второго поколения. Обсуждаются причины возникновения гибридной идентичности, которые находятся в практиках смешения культур – традиционной, получаемой в семье, в общении с носителями этничности, и предлагаемой принимающим обществом. Диссертант отмечает результат культурного взаимодействия – формирование качественно новой идентичности, наблюдает-

ся накопление капитала преодоления (Р. Патнэм), приносящего дополнительные связи, ресурсы поддержки.

В третьей главе «Формы социального капитала армянской диаспоры: тенденции развития» приводятся результаты эмпирических исследований – опроса и фото-интервью. На основе данных опроса автор выделяет формы социального капитала, пути преодоления сложных жизненных ситуаций, сравнивает результаты по двум поколениям. Применив метод фото-интервью, автор анализирует понимание явления «диаспора» членами этнического сообщества, выявляет коды, применяемые для презентации диаспоры. В главе представлен анализ эмпирического исследования, проведенного среди двух поколений мигрантов. Анкетирование направлено на определение ресурсов поддержки, взаимопомощи в условиях миграции, степени сохранения этнокультуры у первого и полуторного поколения приезжих, культурной преемственности, значения национально-культурной общины для мигрантов.

Воспроизводство ценностных ориентаций, использование национального языка, приобщенность к этнокультуре подтверждают сохранение этнокультурной идентичности в полуторном поколении мигрантов. Повседневное общение не ограничивается этнической группой, возникает вероятность инокультурных влияний со стороны не только этнического большинства, но и иных этничностей, проживающих в области. Распределение гендерных ролей после переселения остается неизменным, однако некоторые представители женской части сообщества наравне с мужчинами участвуют в материальном обеспечении семьи, что не соответствует традиционным взглядам. Мигранты прибегают к смене профессиональной ориентации, что обусловлено необходимостью получения быстрого заработка. Автором определяются категории трудностей, с которыми сталкиваются приезжие, стратегии решения проблем, приоритетность диаспоральных связей.

Анализируется восприятие диаспоры ее представителями, раскрывается значение кодов, заключенных в фотоснимках. На основе анализа фотоматериала возможно получение скрытых смыслов общественных явлений (П. Штомпка). Фотографии, предоставленные участниками исследования, затрагивают национально-культурный аспект деятельности общины, мероприятия, периодически собирающие членов этнической группы, изображают деятелей культуры армянской этнической принадлежности, известных по всему миру. Немалое значение придается историческим событиям, превратившимся в объединяющий миф, знакомый большинству представителей диаспоры, отражающий травматический опыт народа. Диссертант выделяет категорию культурных кодов как символов отражения этнической культуры, консолидирующий членов диаспоры. Указывается ограниченность понимания диаспоры как сообщества, объединенного единой культурой.

В **Заключении** диссертации проводится обобщение результатов теоретического и эмпирического изучения рассматриваемых проблем, формулируются теоретические выводы. В **Приложении** представлены таблицы по результатам исследования, инструментарий и списки информантов, фотоматериалы.

Основные результаты работы изложены в **публикациях автора:**

В изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Захарян И.Э. Национально-культурное объединение как институт инклюзии мигрантов (на примере «Армянской общины Саратовской области «Крунк») / И.Э. Захарян // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 2. С. 221-234.
2. Захарян И.Э. Социальный капитал как концепция исследования современной диаспоры / И.Э. Захарян// Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. № 4. С. 230-236.
3. Захарян И.Э. Особенности и последствия международной миграции: исследовательские концепции и перспективы изучения / И.Э. Захарян // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10, № 1. С. 127-132.

В материалах российских и международных конференций

4. Захарян И.Э. Репрезентация этничности в пространстве города [Электрон. ресурс]/ И.Э. Захарян // Социальное развитие города: дизайн инноваций: по материалам международной научно-практической конференции. Саратов: Изд-во СГТУ, 2013. С. 43-46 (CD-ROM).
5. Захарян И.Э. Социальный капитал этнического сообщества в процессе сохранения этноидентичности второго поколения мигрантов / И.Э. Захарян // Общероссийская и национальная идентичность: материалы Международной научно-практической конференции, 19-20 апреля 2012 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 265-270.
6. Захарян И.Э. Идентичность интеллигенции в контексте культурных изменений (на примере жизненной истории армянских мигрантов) / И.Э. Захарян // Наша социология 2011: Исследовательские практики и перспективы: сб. статей. М.: РГГУ, 2011. С. 214-222.
7. Захарян И.Э. Профессиональная и трудовая адаптация мигрантов как одно из направлений социальной работы в регионе / И.Э. Захарян // Социальная работа в поликультурном обществе: материалы Международной научно-практической конференции 30-31 мая 2011. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. С. 169-173.

8. Захарян И.Э. «Смирились с новой жизнью»: ретроспективная идентичность в жизненных историях двух поколений армянских мигрантов Саратовской области / И.Э. Захарян // Власть времени: социальные границы памяти / под ред. В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С. 193-206.

В других изданиях

9. Захарян И.Э. Современная этнокультурная диаспора: социальный капитал и этничность / И.Э. Захарян // Поволжский торгово-экономический журнал. 2013. № 3 (31). С. 124-130.

Захарян Инара Эдвардовна

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ СОВРЕМЕННОЙ ДИАСПОРЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКОГО СООБЩЕСТВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Автореферат

Подписано в печать 09.08.13 Формат 60×84 1/16
Бум. офсет. Усл. печ. л. 1,0 Уч.-изд. л. 1,0
Тираж 100 экз. Заказ 110 Бесплатно
Саратовский государственный технический университет
410054, Саратов, Политехническая ул., 77
Отпечатано в Издательстве СГТУ. 410054, Саратов, Политехническая ул., 77
Тел.: 24-95-70; 99-87-39, e-mail: izdat@sstu.ru

На правах рукописи

МИНАСЯН АРСЕН АРКАДЬЕВИЧ

РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ В XIX СТОЛЕТИИ

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Тольятти 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Поволжский государственный университет сервиса»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Дубовиков Александр Маратович

Официальные оппоненты: **Казарова Нина Акоповна**
доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону), профессор кафедры отечественной истории

Чолахян Вачаган Альбертович
доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов), профессор кафедры отечественной истории и историографии

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» кафедра всеобщей и отечественной истории

Защита состоится «2» марта 2016 г. в 13.30 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.242.12 при ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет, корп. 1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, и на сайте www.sstu.ru

Автореферат разослан «4» января 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Тищенко Наталья Викторовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью формирования новых принципов социокультурного развития современной России. В связи с этим представляется важным исследовать процесс формирования армянских общин в России, а также их роль в социально-экономической и духовной жизни страны. Миграция армян в пределы Российского государства во многом была обусловлена не только коммерческими выгодами или интересами личной безопасности, но и пророссийской ориентацией как армянской элиты (политической и торговой), так и абсолютного большинства представителей простого народа. Становление и развитие армянских поселений в границах России стало важнейшей и неотъемлемой частью истории русско-армянских отношений.

Интерес к этническим культурам народов нашей страны в последние десятилетия значительно усилился. Национальная культура армян, быт, армянские обычаи и традиции ярко проявились в жизни армянской диаспоры России. При этом армяне не только бережно хранили элементы своей национальной культуры, но обогащали их, адаптировав к достижениям других народов.

Актуальность разработки заявленной проблемы сегодня диктуется востребованностью опыта межкультурного взаимодействия, особенно в его позитивном сегменте налаживания отношений между народами, живущими в регионах тесного контакта различных этносов и конфессий. Связанные с этими особенностями проблемы требуют новых подходов, в том числе культурологического осмысления. Поэтому в диссертационном исследовании на первый план выходит изучение истории социокультурных контактов, а также их элементов и форм, связанных с взаимодействием армянских общин с окружающими их народами.

Степень разработанности проблемы. Литература по теме диссертационного исследования носит комплексный характер и включает работы по культурологии, истории культуры, философии культуры, отечественной и мировой истории, армянской истории, этнографии.

Исследования, посвящённые вопросам армянской культуры в России в XIX в., можно условно разделить на три основных периода: дореволюционный, советский и постсоветский. Автор использовал проблемно-хронологический подход и рассмотрел степень изученности отдельных проблем внутри каждого периода.

Первые труды по истории русско-армянских отношений появились в XVIII в. В работах Ф.И. Соймонова, И.К. Кириллова, И.И. Голикова и М.Д. Чулкова приводятся сведения о переселенческой политике России и роли армян в налаживании транзитной торговли из Ирана через Астрахань.

В XIX в. в работах И. Хазрова и И. Иванова, А.В. Верещагина, А.А. Скальковского, Д.И. Багалея, Д.П. Миллера, Г.П. Писаревского и др. содержатся сведения о различных субэтносах армянской диаспоры в России. Исследования Габриэла и Рафаэла Патканянов, Е. Шахазиза, И.В. Ровинского, М. Рыбушкина, Ф.А. Щербины и И.В. Бентковского посвящены истории основания армянских городов и поселков на юге.

В советский период исследованию армянской культуры в XIX в. и русско-армянских отношений посвящено множество научных работ. В исследованиях В.Б. Бархударяна, А.Г. Ованисяна, Д.С. Васильева, А.К. Киласова, Н.П. Гриценко, В.А. Хачатуряна, Ф.Г. Погосяна, А.Г. Абрамяна, В.А. Микаеляна, В.А. Дилояна, А.Р. Иоаннисяна, М.Г. Нерсисяна и др. освещалась история армянских колоний на Северном Кавказе и юге России, рассматривались русско-армянские культурные связи, подчеркивалась многовековая дружба армянского народа с другими народами СССР.

В 1990-е гг. наступил новый этап в изучении проблем армянской культуры и русско-армянских отношений. Свидетельством наличия интереса к истории армян являются труды Р.Е. Аджимамедова, В.З. Акопяна, А.Ю. Леденева, Б.Г. Ованесова, И.А. Атаджанян и др., в которых исследуются русско-армянские взаимоотношения на протяжении многих столетий. Культурным, экономическим и общественно-политическим аспектам быта армянских переселенцев посвящены работы таких современных авторов, как А.Е. Тер-Саркисянц, Ц.П. Агаян, Ж.А. Ананян, В.А. Хачатурян, В.А. Чолахян и др. В них сформулирована современная общая концепция возникновения, становления и развития армянской диаспоры в России.

Интересный материал о роли армянской общины содержится в диссертационных исследованиях Д.В. Аганесовой, А.С. Аветикяна, Г.А. Геворгян, Н.Н. Гаруновой и др. Благодаря подобным исследованиям можно проследить специфику процесса поддержания и развития этнокультурных традиций армянского народа в условиях диаспоры.

В современной иностранной историографии, особенно армянской, также активно исследуются проблемы армянской культуры в России в XIX в. и русско-армянские отношения.

Объектом диссертационного исследования являются армянские общины в России XIX века как самостоятельные этнические образования во всём их культурном разнообразии и в то же время в культурном единстве в качестве диаспоры.

Предметом исследования выступает процесс развития армянской культуры в России в XIX веке.

Цель и задачи. Основной целью диссертационного исследования является комплексный анализ социокультурных, духовно-нравственных

процессов, связанных с развитием культуры армянской диаспоры в России в XIX столетии.

Для достижения указанной цели автором поставлены следующие **задачи:**

- дать социокультурную характеристику первых армянских общин в России;
- показать роль и место армянского населения в социально-экономической, культурной, политической жизни российских регионов до XIX столетия;
- выявить особенности становления армянской диаспоры в России;
- изучить культурно-хозяйственные предпочтения армян и их вклад в экономическое развитие пореформенной России;
- проанализировать основные тенденции культурно-бытовых и социально-экономических процессов в армянских сельских общинах;
- исследовать городскую повседневную культуру армян России;
- определить степень интеграции армянской диаспоры в местное и общероссийское культурное пространство;
- проследить процесс сохранения традиций и формирования социокультурных инноваций армянских общин в России;
- выявить содержание русско-армянского межкультурного диалога и его влияния на межнациональные отношения в Российской империи в XIX веке.

Изучение проблемы позволило сформулировать **гипотезу исследования**: армянская диаспора в России в рамках традиционного общества выработала механизмы преодоления разногласий и достижения консенсуса, сделав контакты с окружающими их народами продуктивными. Высокоорганизованная культура армянских переселенцев в кратчайшие сроки впитала сложные культурные формы, сформировавшиеся в России. Эти заимствования прочно вошли в повседневную практику армян, не затронув глубинных качеств культурной жизни. В то же время они помогли диаспоре адаптироваться к новой социокультурной среде, сохранив свою идентичность.

Хронологические рамки исследования: XIX столетие выбрано в связи с тем, что в это время сформировались и наиболее отчётливо проявились культурные особенности армянской диаспоры в России.

Территориальные рамки. Работа охватывает в основном южные районы России и сопряженные с ним территории, а также крупные города южной, центральной России и Поволжья, что позволяет изучать культуру сельских и городских армян.

Источниковая база исследования. Использованные источники подразделяются на несколько групп:

1. Неопубликованные источники (архивные документы различного характера) хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва); Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург); Государственном архиве Саратовской области (ГАСО, г. Саратов); Центральном государственном архиве Самарской области (ГУСО ЦГАСО, г. Самара); Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар); архивных фондах Саратовского областного музея краеведения (НА СОМК, г. Саратов).

2. Опубликованные источники. Использованы государственные акты и статистика дореволюционной России, а также справочная литература, которые вместе характеризуют армянское население России по важным для исследования параметрам. Задействованы источники, являющиеся библиографической редкостью. Они играют вспомогательную роль в освещении некоторых аспектов жизнедеятельности армянских общин в условиях отсутствия архивных источников. Значимая роль отводится разноплановым современным научным работам и справочной литературе по теме. Привлекались мемориальные источники личного происхождения, а также периодическая печать, в основном XIX века.

3. Прикладные материалы. Использовались материалы экспозиций и выставок. Коллекции предметов быта традиционной повседневной культуры, представленные в экспозициях и хранящиеся в фондах музеев: ГУК «Самарский областной историко-краеведческий музей (СОИКМ) им. П. В. Алабина»; МУК «Тольяттинский краеведческий музей» (г. Тольятти); МУК «Саратовский государственный музей краеведения (СОМК)» и др.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Решение задач исследования потребовало сочетания исторического, культурологического и системного методологических подходов. Работа выполнена в русле деятельностного культурологического подхода к анализу контактов различных народов. Это позволяет представить продуктивное сотрудничество как способ человеческого бытия, а идентичность в качестве интегративного показателя адаптивности к новой социокультурной среде.

Системный анализ дает возможность сделать философские обобщения, концептуализацию представлений о человеке, этносе, общине, диаспоре и др.

Общеисторические методы применялись совместно с логическими (анализ, сравнение, синтез, индукция, дедукция), дополняя друг друга.

Наряду с этими способами достижения цели и решения задач, диссертационное исследование включает как методы, принципы и приёмы, используемые в общенаучной методологии, так и специальные методы, характерные для политологии, философских и исторических наук: ретроспективный, проблемно-хронологический, синхронный, статистический и др.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальностей ВАК. Исследование выполнено в рамках специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Тема диссертации соответствует пп. 1.8 (Генезис культуры и эволюция культурных форм), 1.9 (Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов), 1.12 (Механизмы взаимодействия ценностей и норм в культуре), 1.22 (Культура и национальный характер), 1.28 (Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира) паспорта специальностей научных работников ВАК Министерства образования и науки РФ (исторические науки).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем армянская диаспора рассматривается в рамках традиционной культуры российского общества, армянская повседневная культура изучена как фактор преодоления разногласий и достижения консенсуса; выявлены этнические особенности развития армян в России в XIX в., а также определены конфессиональные и культурные факторы, влияющие на продуктивность контактов с окружающими их народами.

При этом непосредственная научная новизна работы обусловлена выбором объекта исследования и заключается в том, что впервые:

- выявлены и проанализированы специфические черты и особенности, присущие первым армянским общинам юга России и Поволжья;

- предложена новая интерпретация фактов, характеризующих роль и место армянского населения в социально-экономической, культурной, политической жизни российских регионов XIX столетия;

- впервые выделены и описаны особенности генезиса армянских общин в городах и сельской местности;

- обосновано влияние этнокультурного воспитания на процесс сохранения традиций и формирования социокультурных инноваций армянских общин в России;

- выявлена специфика сохранения и передачи традиционных форм армянской культуры и сделаны некоторые шаги в изучении механизма сохранения идентичности;

- дано научное обоснование модели интеграции армянской диаспоры в местное и общероссийское культурное пространство;

- впервые выделены и описаны основные формы и содержание российско-армянского межкультурного диалога, а также влияние «армянского фактора» на экономику, политику, культуру Российской империи в XIX веке.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Взаимодействие российской и армянской культур в XIX в. имеет объективную обусловленность, которая заключается в том, что армянские общины играли стабилизирующую роль на юге России.

Именно к ним обратилось российское правительство, столкнувшееся с необходимостью налаживания торговли на южных рубежах государства, где имелись трудности в установлении контактов с местным населением. Переселенцы армяне несли с собой значительный социокультурный потенциал, накопленный на своей родине и заимствованный в других странах. Армянская диаспора стала своеобразным проводником российского влияния в регионе.

2. Высокоорганизованная культура армянских переселенцев, основанная на принципах открытости, готовности к межэтническим контактам, в кратчайшие сроки впитала новые для них российские культурные формы. Эти заимствования прочно вошли в повседневную практику армян, не затронув глубинных качеств их культурной жизни. Армяне в России XIX в. были подвержены ассимиляционным процессам, но продолжали сохранять свою идентичность благодаря развитому национальному языку, отличному от всех других языков мира, национальной письменности и консервативной национальной версии христианской религии.

3. Армянская культура в России приобрела некоторые особенности, которые стимулировали рост национального самосознания и отразились на культурно-бытовых предпочтениях армянского народа. Это распространение двуязычия, в ряде случаев – двойное самосознание, межэтнические браки, черты культурного взаимопроникновения (в национальной кухне, в отмечаемых праздниках, искусстве, образовании и т.д.).

4. Армянские общины органично вписывались в российскую социокультурную среду. Основанные на принципах самоорганизации, они умело учитывали интересы окружающих их народов. Этому способствовал выработанный в ходе культурно-исторической практики механизм преодоления разногласий и достижения консенсуса. Он базировался на характерных чертах армянской этнокультурной идентичности: высоком уровне культурной компетентности; психологической готовности к межкультурному диалогу; опыте и навыках межкультурного взаимопонимания и взаимодействия. Ярким проявлением механизма адаптации армянской диаспоры в инокультурную среду стало формирование у нее системного качества – делать контакты с окружающими их народами продуктивными и взаимовыгодными.

5. Деятельность элиты армянской диаспоры была направлена на максимальную интеграцию своих представителей в российское и региональное сообщество, а не на национальное обособление. Армяне легко входили в местную культурную, научную, торгово-промышленную группу населения, оказывали позитивное влияние на общественно-экономическую жизнь, привнося элементы своего национально-культурного уклада в общую культурную копилку народов России.

Научно-практическая значимость исследования. Теоретическая важность исследования состоит в том, что выводы, сделанные в диссертации, обладают методологической значимостью для изучения процессов взаимодействия русской и армянской культур в культурологии; положения исследования могут быть использованы для новых научных изысканий в области культурологии, истории, политологии. Кроме того, диссертационное исследование может стать дополнительным источником для создания обобщающих трудов по традиционной повседневной культуре армянской диаспоры в России и подготовки курса истории русско-армянского социокультурного взаимодействия. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в учебном процессе в качестве спецкурсов и отдельных тем в культурологии, истории, философии, педагогике.

Практическое значение полученных научных результатов состоит в том, что их использование обеспечивает повышение эффективности деятельности городской общественной организации «Армянская община» г. Тольятти, развитие культурного российско-армянского сотрудничества в России и мире. Результаты исследования могут быть непосредственно использованы при разработке концепций «межнациональных отношений», авторские выводы и рекомендации могут помочь в решении проблем армянской диаспоры в России.

Апробация исследования и внедрение результатов исследования.

По проблемам исследования автор выступал с докладами на международных и всероссийских конференциях: IX международна научна практична конференция «Новината за напреднали наука» (Болгария, София, 2013); Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2014); Международная научно-практическая конференция «Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений» (Самара, 2014); IV международная научно-практическая конференция «Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура» (Красноярск, 2015).

Результаты исследований были опубликованы в 15 авторских работах общим объемом 8,9 п. л., в том числе в 4 статьях в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура диссертации определена согласно поставленным в исследовании целям и задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Предложенная структура позволяет наиболее полно раскрыть исследуемую в диссертации тему.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, показывается степень её научной разработки, раскрывается методология и источниковая база, формулируются цели и задачи, гипотеза, хронологические и

территориальные рамки исследования, определяется научная новизна и практическая значимость диссертации.

В первой главе «Армяне в социокультурной истории России (до XIX века)» обобщается накопленный опыт по российско-армянскому взаимодействию в различных сферах до XIX века, дается историко-культурная характеристика процессам интеграции первых армянских общин в российскую среду.

В первом параграфе «Первые общины армянских поселенцев в России» определяются основные пути миграций армян в южные земли России и их роль в развитии этих регионов.

Благодаря миграционной политике российских властей в отношении армянского населения, сложились все условия для его переселения в пределы России. Направления миграционных потоков армян были различными, но подавляющее большинство армян переселились из Ирана и Османской империи (включая Крым). Используя связи в странах Востока, армянское купечество заняло ведущие позиции в восточной торговле России. Армяне способствовали экономическому развитию южных регионов страны. Поскольку армянские купцы владели крупными капиталами и имели обширные торгово-коммерческие связи, они были желанными и частыми гостями в Российском государстве задолго до XIX века.

Во втором параграфе «Процессы социокультурной интеграции армянских переселенцев на территории России» рассматриваются причины переселений армян в Россию, меры российского правительства по их «укоренению».

Армяне подвергались явной дискриминации, как «иноверцы» в мусульманских странах Востока. Учитывая важнейшую роль армянских купцов в восточной торговле, правительство Петра I издало ряд указов, поощрявших их коммерческую деятельность на территории России. При Екатерине II армяне не только получили равноправие с российскими подданными, но и приобрели ряд преимуществ.

Для освоения завоеванных территорий Северного Кавказа, Российское государство стремилось наладить дружеские отношения с местными народами. Это было не простой задачей, т.к. население этого региона имело другую культурную доминанту. Роль своеобразного посредника между властью и коренным населением стали выполнять армяне, имеющие многовековой опыт общения с этими народами.

Обобщая материал, автор приходит к выводу: армянские переселенцы в России быстро заняли достойное место в рядах российского общества. Они активно участвовали в экономической и общественно-политической жизни страны. Свою фактическую независимость они отстаивали экономическими средствами как народ, обладающий

исторически сложившимися способностями к предпринимательской деятельности и умеющий мирно уживаться со своими соседями.

В третьем параграфе «Роль и место армянского этноса в экономической, культурной, политической, конфессиональной жизни России» раскрывается вклад армянских общин в распространение передовых методов аграрно-производственной, ремесленной и торговой деятельности среди народов юга России, а также участие в общественной жизни страны.

Переселяясь, армяне несли с собой значительный социокультурный потенциал. Из Персии они принесли шелководство, виноделие, производство фруктовой водки и др. Эти новшества имели существенный экономический эффект. Армянские общины немало делали для развития инфраструктуры городов, где они проживали. Трудовые отношения на армянских мануфактурах строились на использовании вольнонаёмного труда.

В начальный период становления и развития армянской диаспоры в России предпосылки и условия для развития культуры и образования были крайне ограничены. Ощущался недостаток в грамотных чиновниках, служащих, священнослужителях и преподавателях. Христианская вера являлась едва ли не единственным инструментом сохранения идентичности. Поэтому национальная жизнь армян строилась именно вокруг Церкви.

Активная коммерческая деятельность требовала от армян наличия необходимых для этого знаний. Существенный шаг в этом направлении – открытие учебных заведений с преподаванием на родном языке. Первая армянская школа открылась в 1788 году в Астрахани. Важнейшим инструментом и средством для распространения знаний среди армянского народа явилось открытие российской типографии, издававшей книги на армянском языке (типография Г. Халдаряна).

Влияние этнокультурной среды объективно накладывало серьёзный отпечаток на культуру армянской диаспоры. Однако российско-армянское взаимодействие и взаимопроникновение имело позитивное значение – способствовало окончательному формированию уникальных качеств армянской диаспоры в России конца XVIII века.

По итогам исследования в первой главе автор дает культурно-историческую характеристику армянским переселенцам, акцентируя внимание на том, что они, мирно уживаясь со своими соседями, быстро заняли достойное место в российском обществе, сохранив при этом этническое лицо.

Во второй главе «Культура и быт армянской диаспоры в России в XIX столетии» исследуется социально-бытовые тенденции в сельской и городской среде и хозяйственная культура армянской диаспоры.

В первом параграфе «Хозяйственная культура армянских общин в пореформенной России: предпосылки и предпочтения» анализируются структура и формы хозяйственной культуры армянских общин на территории Российской империи.

В первой половине XIX века появились новые возможности выгодного вложения армянскими предпринимателями капиталов с меньшими рисками. Такой прибыльной отраслью стало производство вина и водки. Производство российского коньяка было налажено в Кизляре. Вывозился кизлярский коньяк в Москву, Петербург, Варшаву и прочие города. Еще одной отраслью приложения стало рыболовство. В это же время на лидирующие позиции в России по производству шелка выходит район Нижнего Терека. Причём владельцами этого производства, как и прежде, оставались практически лишь армяне.

Среди зерновых культур в армянских селах юга России на первом месте находилась пшеница. Выращивался хлопчатник, было организовано производство шелка и марены. С появлением армян связано распространение рисоводства.

Среди армян, живущих в российских городах, имелись не только торговцы и промышленники, но и простые ремесленники, даже наёмные работники, освоившие свыше сорока ремесел.

Производство строительных материалов, прежде всего кирпича, стало предметом пристального внимания армянского капитала. К другим новым направлениям относились горнодобывающая промышленность и металлургия, а также лёгкая и пищевая промышленность. Следует отметить, что во второй половине XIX века армянская диаспора в России сосредоточилась на развитии в основном малых предприятий. Тогда же широкое распространение получил домашний труд. Между тем наиболее передовые промышленники модернизировали свое производство. Среди них были и армяне.

В России в пореформенный период шёл бурный процесс создания монополий и формирование крупного финансово-промышленного капитала. Естественно, что армянский капитал активно подключался к этим процессам.

Несмотря на значительное снижение, в некоторых сегментах внешнеторговая деятельность купцов-армян продолжилась в основном через азовские порты. Армянские купцы вывозили различные товары, но наиболее крупные объёмы приходились на зерно, масло, сало, икру и железо.

Таким образом, автор находит подтверждение тезису, что взаимодействие русской и армянской хозяйственных культур было необходимым и полезным фактором прогрессивного развития экономики России. Развитие капиталистических отношений и заложенные ранее

преимущества позволили российским армянам освоить новые виды и способы предпринимательской деятельности.

Во втором параграфе «Этнокультурные трансформации и социально-бытовые тенденции в сельских армянских общинах России» исследуются этнокультурные трансформации и особенности сельской армянской культуры в России.

В этническом отношении армянская диаспора России была не однородна и включала в себя: черкесогаев, амшенцев, франгов и хемшилов, что предопределяло наличие различий и особенностей в их сельской культуре.

Тесное взаимодействие между черкесами и армянами вело к процессам активного стирания культурно-бытовых различий у черкесогаев. Однако привилегированное положение армян в черкесской среде помогало им свободно исповедать свою религию, хранить самобытные традиции, включая особенности внутреннего уклада своей общины. Во всём остальном армяне (черкесогаи) были обязаны следовать требованиям этнического большинства. Полного вытеснения элементов армянской культуры из всех областей домашнего и социального быта черкесогаев не произошло в значительной степени благодаря традиционной армянской религии, которую горские армяне сумели сохранить.

Исконная культура другой этнографической группы армян, амшенцев, подверглась значительным трансформациям: в жилище, одежде, обрядах жизненного цикла и др. Только кухня амшенцев была полностью аналогична традиционной армянской кухне.

Немногочисленной этнографической группой армян являлись франги (армяне-католики). Ардвинские франги являлись носителями уникальной этнокультурной традиции, которая фиксировалась в особом диалекте армянского языка, верований (униатство, католицизм), в ритуалах жизненного цикла. Вместе с тем особенности вероисповедания ориентировали их на обособление в отдельную этнографическую группу в рамках армянской национальности.

Хемшилов можно относить к армянам с большой долей условности, поскольку они не считали себя таковыми, хотя использовали для общения армянский язык. Абсолютное большинство хемшилов были убеждёнными мусульманами. Компактное расселение в сельской местности способствовало сохранению их специфических этнокультурных черт. Мусульманские имена и традиции разводили хемшилов с армянами. Однако уникальный армянский язык не позволял окончательно разрушить вековую связь с родиной и нацией.

Как показывает исследование, в сельской местности армяне из имеющихся этнокультурных элементов формировали локальные социокультурные системы, адекватные российской среде XIX столетия,

способные предотвращать и разрешать различные проблемы общины традиционным способом.

В третьем параграфе «Городская повседневная культура армян в России» анализируется повседневность армянских общин городов в контексте поддержания и сохранения идентичности.

Армяне в городах занимали, как правило, отдельный квартал или улицу. Процент людей, занимавших лидирующее положение в социальной иерархии, у армян был гораздо выше, чем у других этнических групп населения городов. Следует заметить, что армяне легко покидали город, если он для них терял предпринимательский интерес.

Внутренний уклад армянской городской общины отличался замкнутой для внешнего мира жизнью, что было обусловлено стремлением сохранить в иноэтничном окружении свои традиции, культуру, веру и язык.

Вместе с тем к концу XIX века городские армяне все же утратили большинство древних обычаев и обрядов, только некоторые традиции и ритуалы трансформировались и сохранились. В более «чистом» виде удалось сохранить обряды жизненного цикла. Однако и здесь сказывалось влияние этнического большинства.

Социокультурный анализ позволяет сделать вывод, что в XIX веке городская армянская община России поддерживала традиции своего народа настолько, насколько это было возможно. В то же время её культура испытала на себе сильное влияние других народов, что приводило к этнокультурным трансформациям.

Резюмируя содержание второй главы, можно констатировать, что XIX столетие явилось системообразующим в формировании армянской диаспоры в России. В процессе приобщения армянской диаспоры к общероссийской культуре сформировался особый социокультурный тип отношений в сельской и городской среде, изменивший социально-бытовые тенденции и хозяйственную культуру армянской диаспоры.

В третьей главе «Особенности развития духовной культуры армянского этноса в России в XIX веке» исследуется развитие основных составляющих духовной культуры армянской диаспоры в контексте истории России XIX века.

В первом параграфе «Армянская апостольская церковь – основа духовной жизни армянской диаспоры в России» анализируется социокультурная роль армянской церкви в России.

В России армяне имели возможность свободно исповедовать свою религию. Одним из первых строений, возводимых на новом месте, они стремились построить храм. Церковь для армян являлась не просто объектом отправления культа, а свидетельством этнической принадлежности обитателей нового селения.

Будучи единственной общенациональной организацией в условиях отсутствия государственности, церковь стала символом единства нации и представляла собой ведущую и генеративную силу в постановке и разрешении национальных задач.

Становление и развитие армянской диаспоры в России тесным образом связано с Армянской апостольской церковью. Она явилась своеобразным механизмом сохранения и передачи традиционных культурных ценностей армянского народа.

Во втором параграфе «Российско-армянское культурное сотрудничество в области искусства, образования и просвещения» исследуется особая образовательная и культурная модель российских армян.

Обживаясь на новых местах, армянское население активно включалось в развитие различных сфер жизни российского общества. Это требовало культурного взаимодействия с народами, населяющими Россию, приобщения к достижениям их культуры и поддержания своей. Решить эти задачи было невозможно без повышения образовательного уровня армянского населения. Главную роль в процессах становления и развития народного просвещения сыграли армянские священнослужители, наладив процесс обучения на уровне приходских школ. Самым престижным и известным учебным заведением, основанным представителями армянской диаспоры, был Лазаревский институт восточных языков. Выпускники Лазаревского института составили костяк армянской научной и творческой интеллигенции.

В других городах России армянские промышленники, купцы и просто зажиточные горожане жертвовали личные средства для просвещения своего народа. Так, в 1810 г. в Астрахани армянский купец Николай Агабабов (Никогаес Агабабян) на свои средства основал армяно-русское училище. Оно стало первым светским учебным заведением для детей армян. В первой половине XIX в. все армянские учебные заведения были мужскими. Только во второй половине века появилось женское образование. Первая армянская женская школа в Астрахани открылась в 1870 г. В Армавире в середине 1860-х гг. было три армянские школы: светская, духовная и женская. Первый армянский детский сад открылся в Новой Нахичевани в 1880-х гг.

Среди армян было немало высококвалифицированных специалистов в разных сферах деятельности. В историю российской культуры вписаны имена представителей творческой интеллигенции из числа армянской диаспоры.

Социокультурный анализ позволяет сделать вывод, что в XIX в. армянская община имела относительную культурную автономию. Это наглядно проявлялось в культурных достижениях армянской диаспоры.

В третьем параграфе «Армяне на российской службе» анализируется участие армянской диаспоры в социально-экономической и военной сферах Российского государства.

Представители армянской диаспоры активно участвовали в социально-экономической жизни страны. Особенно значительный вклад армяне внесли в развитие южных территорий Российской Империи и Северного Кавказа.

Большинство представителей российской армянской диаспоры, имеющих крупные капиталы, были социально ответственными гражданами. Армяне-предприниматели занимались благотворительностью, меценатством и другими социально значимыми проектами. Чувствуя себя всецело принадлежащими российскому обществу, они отдавали немало сил и средств для развития различных отраслей промышленности, науки и техники.

В российской армии проходили службу офицеры и генералы из армян. Они сражались во всех войнах с участием Российской Империи в XIX в. Армяне выбирали военную службу в русской армии не ради денег и карьеры, а по зову сердца, поэтому на службе они отличались исключительной ответственностью, честностью и самоотверженностью. В военные годы армяне не ограничивались только службой в армейских рядах, многие из них проявляли свой патриотизм по отношению к России и другими способами (пожертвования на военные нужды и др.). Большинство армян считали Россию своей второй родиной и преданно ей служили.

Констатация исторических фактов, проанализированных в третьей главе, позволяет утверждать, что, несмотря на заимствование многих бытовых элементов и форм у соседних народов, утрату национального языка и смену вероисповедания некоторыми общинами, армянская диаспора в России обладала единой со всеми армянами культурной доминантой, позволяющей осознавать себя представителями одного этноса. Армянская диаспора в России в XIX столетии развивалась на базе лучших образцов армянской культуры в тесном взаимодействии с российской социокультурной средой.

В заключении подводятся общие итоги проведенного исследования, делаются выводы, что в XIX веке в полной мере проявилась уникальность культурного развития российской армянской диаспоры. Суть этого феномена заключается в способности армян, сохраняя свое этическое лицо, успешно взаимодействовать с местным населением на основе диалога культур. Это в свою очередь требовало от армянской диаспоры высокого уровня этнической сплоченности; корпоративной, конфессиональной поддержки; организации современного общего образования на армянском языке; продвижения лучших образцов армянской культуры и искусства в России и мире. Процессы армяно-

российского взаимодействия привели к формированию особой субкультуры армянской диаспоры.

Армяне, относясь к России как ко второй родине, в XIX веке проявили себя во многих сферах: экономике, политике, культуре, искусстве и науке. Вклад армянских общин и отдельных личностей в дело укрепления российского государства был значительным.

Культурный код армянского народа выстраивал новые элементы и формы культуры в свойственную только ему конфигурацию, находя в каждом конкретном случае свои механизмы проявления (язык, традиции, письменность, церковь и др.). Армянская культура, развиваясь и трансформируясь в России, усиливала свою уникальность, одновременно успешно сохраняя свои национальные корни.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях диссертанта:

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК МНО РФ:

1. Минасян А. А. Армянская диаспора в России: некоторые механизмы передачи традиционных культурных ценностей // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – 2014. – № 3 (31). – С. 217-224 (0,6 п.л.).

2. Минасян А. А. Становление армянского национального образования в России // Вопросы культурологии. – 2015. – № 1. – С. 59-63 (0.6 п.л.).

3. Минасян А. А. Участие армянской диаспоры в социокультурной и научно-технической жизни России // Вектор науки. Научный журнал ТГУ. – 2015. – № 2 (32-1). – С. 115-119 (0,6 п.л.).

4. Минасян А. А. Культурно-бытовые предпочтения и духовный облик армянского этноса в российской империи // В мире научных открытий. Социально-гуманитарные науки. – 2015. – № 3.4 (63). – С. 1848-1864 (0,7 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

5. Минасян А. А. Толерантность как механизм культурного взаимодействия // Наука – промышленности и сервису : сб. ст. Четвёртой международной науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2009. – С. 79-89 (0,7 п.л.).

6. Минасян А. А. Армянская диаспора в России: X-XVIII вв. // Запад – Россия – Восток: политическое, экономическое и культурное взаимодействие : IV международная науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2010. – Ч. II. – С. 124-130 (0,5 п.л.).

7. Минасян А. А. Межнациональный брак в системе межэтнического мультикультурного взаимодействия // Наука – промышленности и сервису : сб. ст. Четвёртой международной науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2011. – С. 373-377 (0,5 п.л.).

8. Минасян А. А. Армянская апостольская церковь в России: этапы истории // Запад – Россия – Восток: политическое, экономическое и культурное взаимодействие : VI международная науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2012. – С. 92-98 (0,5 п.л.).

9. Минасян А. А. Специфика диаспоральных отношений в контексте межкультурного диалога // Запад – Россия – Восток: политическое, экономическое и культурное взаимодействие : VII международная науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2013. – С. 85-90 (0,6 п.л.).

10. Минасян А. А. Феномен межкультурного взаимодействия в национально-смешанном браке // Новината за напреднали наука : материалы IX международной науч.-практ. конф. – София, 2013. – Т. 37. История. – С. 62-65 (0,5 п.л.).

11. Минасян А. А. Армянская диаспора в России: роль национального образования в её генезисе // Человек в мире культуры : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. молодых учёных. – Екатеринбург, 2014. – С. 28-33 (0,5 п.л.).

12. Минасян А. А. Социально-культурные особенности армянской диаспоры в Российской империи // Запад – Россия – Восток: политическое, экономическое и культурное взаимодействие : VIII международная науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2014. – С. 76-80 (0,5 п.л.).

13. Минасян А. А. Толерантность как механизм российско-армянского межкультурного взаимодействия // Модернизация культуры: Идеи и парадигмы культурных изменений : материалы Второй международной науч.-практ. конф. – Самара : Изд-во Самарской гос. академии культуры и искусств, 2014. – С. 322-325 (0,6 п.л.).

14. Минасян А. А. Армянская католическая церковь в России: этапы развития // Наука – промышленности и сервису : сб. ст. Девятой международной науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2014. – С. 322-325 (0,5 п.л.).

15. Минасян А. А. Формирование этнокультурной толерантности в региональном вузе // Актуальные проблемы социогуманитарного знания : сб. науч. трудов кафедры философии МПГУ. – М., 2009. – Вып. XXXXI. – С. 101-118 (1,1 п.л.).

Подписано в печать с электронного оригинал-макета 29.12.2015.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 120 экз. Заказ 42-15/02.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре
Поволжского государственного университета сервиса.
445677, г. Тольятти, ул. Гагарина, 4.

На правах рукописи

АКОПЯН Павел Арменович

АРМЯНСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ В V–VII ВВ.: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАЗВИТИЕ И СПЕЦИФИКА

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Белгород – 2016

Работа выполнена на кафедре истории средневековых цивилизаций Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель — **Ващева Ирина Юрьевна**
доктор исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций

Официальные оппоненты — **Тюленев Владимир Михайлович**
доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Денисова Ирина Викторовна
кандидат исторических наук, заведующая музеем истории ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Ведущая организация — **Институт всеобщей истории РАН**

Защита состоится 12 мая 2016 г. в 16.00 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.015.11 при ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») по адресу: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, зал заседаний Ученого совета, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

Текст автореферата размещен на официальном сайте ВАК РФ http://vak2.ed.gov.ru/ и на официальном сайте ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» http://www.bsu.edu.ru

Автореферат разослан «24» марта 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета кандидат исторических наук, доцент — И.Т. Шатохин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Исторические воззрения, понимание собственного прошлого и настоящего в неразрывной связи друг с другом являются неизменным элементом не только человеческого сознания, но и общим критерием самой исторической эпохи, ее ценностей и идей. Исторические представления также отражают стремление их носителей осознать свое собственное место в картине универсального исторического движения. Для создания целостной картины истории армянской исторической мысли особенно значимым оказывается обращение к ключевым моментам этого процесса, к периодам, когда происходит рождение новых подходов к объяснению прошлого, новых литературных форм, в которые облекается историческая мысль. Одна из революций в истории исторической мысли связана с появлением христианства. Важнейшим этапом и, своего рода, знаком утверждения христианской философии истории в армянской культурной среде является появление первых исторических сочинений, вышедших из-под пера армянских христианских интеллектуалов. Рождение христианской армянской историографии в V в. не только было свидетельством появления качественно нового для армянской культуры осознания исторического опыта человечества, но и отражала те культурно-исторические процессы, которые определяли существование армянского народа в сложившихся исторических условиях. Будучи тесно связанной с античной историографией и развивающейся христианской исторической мыслью средиземноморской ойкумены, армянская историография V–VII вв., по праву, может рассматриваться в качестве связующего звена между двумя культурными традициями. В этом контексте изучение христианского армянского историописания становится особо актуальным.

Кроме того, в исторической науке традиционными проблемами для изучения становились вопросы экономической, социальной и политической истории. Однако в последнее время внимание и интерес исследователей все более сосредотачивается на изучении духовной истории, проблеме исторической памяти, формировании представлений о прошлом в разных культурах[1].

[1] Список исследований по этой проблематике обширен. Из внушительного списка приведем лишь некоторые: *Bilig M.* Collective Memory, Ideology and the British Royal Family // Collective Remembering / Ed. by D. Middleton, D. Edvards. L.: Sage Publications, 1990. P. 60-80; *Bodnar J.* Remaking America: Public Memory, Commemoration and Patriotism in the Twentieth Century. Princeton: Princeton University Press, 1922; *Confino A.* Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // American Historical Review. 1997. P. 1386-1403; *Connerton P.* How Societies Remember. Cambridge: Cambridge University Press, 1989; Conway M.A. The Inventory of Experience: Memory and Identity // Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives / Ed. by J.W. Pennebaker, D. Paez, B. Rime Mahwah. N.Y.: Lawrence Erlbaum Assosiates, 1997. P. 21-45; *Halbwachs M.* On Collective Memory / Edited, translated and with introduction by L.A. Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992; *Olick J.K.* Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. No. 3. P. 333-348; *Le Goff J.* History and Memory. N.Y.: Columbia University Press, 1992; *Mendels* Memory in Jewish, Pagan and Christian Societies of the Graeco-Roman World. L.–N.Y.: T&T Clark International, 2004; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. В 2-х тт. Т. 1. Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003; *Репина Л.П.* Интеллектуальные традиции античности и средневековья. М.: Кругъ, 2010 и др.

Вместе с тем, процесс изучения (по крайней мере, среди отечественных исследователей) позднеантичной, в особенности армянской исторической мысли все еще находится на этапе своего становления. Работы, посвященные первым армянским историкам-писателям по своему количеству заметно уступают как трудам по античной, так и научным исследованиям по византийской традиции историописания. Академический аспект актуальности темы связан в первую очередь с вопросами изучения и характеристики мировоззренческих установок авторов армянских «Историй» V–VII вв. Ввиду расширения и обогащения имеющихся знаний, в том числе и за счет появления новых методологических подходов, представляется своевременной и научно оправданной попытка рассмотрения специфики исторической мысли армян V–VII вв. Анализ трудов первых армянских историков осуществляется в разрыве от принципов фактографической истории, придающей принципиальное значение различению «подлинных» и «вымышленных» фактов. Для нас первостепенное значение приобретает актуальность того или иного события (образа) прошлого. Такой подход, по нашему мнению, будет способствовать углублению знаний о внутренней специфике армянской историографии периода зарождения и постепенного становления.

Степень изученности проблемы. Несмотря на то, что исследовательский интерес к отдельным армянским христианским историкам начал проявляться еще в XVIII веке, изучение армянской исторической мысли V–VII вв. в целом и ее специфики и особенностей не становились предметом исследования среди специалистов-арменологов. Научный опыт, который накоплен в современной арменистике по заявленной проблеме, отражает, прежде всего, процессы критического изучения отдельных текстов армянских авторов, анализ биографических подробностей жизни историков (К. Тер-Давтян, П. Хачатрян, Г. Винклер, П. Ананян, А. Аннинский, А. Периханян, М. Абегян, К. Конибир, Ст. Малхясянц, Г. Абгарян, Я. Манандян, Дж. Ховард-Джонсон и др.)[2], рассмотрение источниковой базы сочинений армянских мыслителей (А. Тер-Гевондян, А. Гутшмид, Н. Марр, Н. Акинян, Б. Саргисян, М. Абегян, Ж. Гаррит, Р. Томсон, М. ванн Эсброк, П. Мурадян, А. Мушегян, Л. Хачикян, Х. Норман, Н. Гарсоян, К. Патканян, А. Карнер, и др.)[3], а также вопросы, свя-

---

[2] *Аннинский А.* Древние армянские историки как исторические источники. Одесса, 1899; *Тер-Давтян К.* Из источников «Мученичества Рипсимэ и спутниц» редакции Агатангелоса // Армянская литература и христианство. Ереван: Наири, 2002; *Conybeare C.F.* The Date of Moses Khoren // *Conybeare C.F.* The Armenian Church. Heritage and Identity. New York, 2001. P. 867-879; *Howard-Johnston J.* Armenian Historians of Heraclius: An Examination of the Aims Sources ad Working Methods of Sebeos and Movses Daskhurantsi // The Reign of Heraclius (610-641): Crisis and Confrontation / ed. G.J. Reinink, B.H. Stolte. Leuven: Peeters, 2002. P. 41-62; *Howard-Johnston J.* Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century. Oxford: Oxford University Press, 2010; *Winkler G.* Our Present Knowledge of the History of Agat'angelos and its Oriental Versions // Revue des etudes arméniennes. 1980. No. 14. P. 125-141; *Winkler G.* Some extraordinary features in the Teaching of S. Gregory (Agathangeli Historia) // Acta Jutlandica. 1982. No. 56. P. 101-112; The Armenian History auributed to Sebeos / Transl. with notes by R.W. Thomson. Hist. comm. by J. Howard-Johnston, T. Greenwood. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1999.

[3] *Абегян М.Х.* История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975; *Манандян Я.А.* Начальная история Армении Маар-Абаса // Палестинский сборник. 1956. №2. С. 64-65; *Тер-Гевондян А.* Изучение и использование арабских источников в арменоведении // Collected articles. 2003. №3. С. 617-642;

занные с культурными, социально-экономическими, политическими и религиозными аспектами жизни армян V–VII столетий (Дж. Бьюри, Ш. Диль, Ю. Кулаковский, А. Васильев, Н. Адонц, Г. Халатянц, Е. Беляев, Н. Пигулевская, М. Хиггинс, Э. Хонигман, А. Христенсен, Э. Хуршудян, Э. Даниелян, В. Арутюнова-Фиданян, Дж. Гуайта, К. Шагинян и др.)[4]. В целом, можно констатировать, что в изучении текстов армянских «Историй» преобладали принципы фактографического подхода.

Корпус исторических текстов армянских авторов V–VII вв. достаточно хорошо сохранился и представляет собой вполне удобную и компактную для анализа группу. При всей своей исторической важности армянское историописание в целом до сих пор остается в числе малоизученных проблем в современной арменистике. Необходимо отметить, что очень небольшое внимание в историографии уделено вопросам изучения исторических концепций, на основе которых армянские мыслители выстраивали свою историческую аргументацию, и на основе которой конструировали историческое повествование. Остаются вне поля зрения проблема жанровой принадлежности первых армянских «Историй», концептуальные особенности сочинений, модели и способы интерпретации прошлого, способы организации материала и особенности структуры текстов. В основном в научной литературе накоплен большой опыт критического изучения позднеантичных армянских исторических сочинений, достигнуты серьезные результаты в изучении культуры, социально-экономических, общественно-политических отношений в Армении в V–VII вв. Однако эти работы, построенные, в свою очередь, на глубоком анализе исторических трудов, не раскрывают специфики армянской истори-

---

Carriere A. Nouvelles sources de Moise de Khoren, etudes critiques. – Vienne: imprimerie des Mechitharistes, 1893; *Esbroeck M. van.* Agathangelos // Rivista di Archeologia Christiana. 1985. No. 5. P. 239-248; *Garsoian N.G.* Iran and Caucasus // Transcaucasia: Nationalism and Social Change. Essays in the history of Armenia, Azerbaijan and Georgia / Ed. Ronald G. Suny. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1983. P. 2-17; *Garsoian N.G.* Prolegomena to a Study of Iranian Aspects in Arsacid Armenia // Handes Amsorya. 1976. Vol. XC. P. 177-234; *Garsoïan N.G.* The Marzpanate // The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I / Ed. R. G. Hovannisian. Houndmills; L., 1997. P. 95–115; *Gutschmid A.* Über die Glaubwurdigkeit der armenischen Geschichte des Moses von Khoren. Lpz., 1876; *Thomson R.W.* Armenia (400-600) // The Cambridge History of the Byzantine Empire (500-1492) / Ed. J. Shepard. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 156-172; *Thomson R.W.* Armenia in the fifth and sixth sentury // Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600 / Ed. A. Cameron, B. ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 662-678; *Thomson R.W.* Biblical Themes in the Armenian Historian Sebeos // After Bardaisan. Studies on Continuity and Change in Syriac Christianty in Honour of Professor J.W. Drijvers / Ed. G. J. Reinink, A. C. Klugkist. Leuven, 1999. P. 295–302; *Thomson R.W.* The fathers in Early Armenian Literature // Studia Patristica. 1975. Vol. 12. P. 457-470; *Thomson R.W.* Studies in Armenian Literature and Christianity. L.: Variorum, 1994. 322 p.

[4] См., например, *Bury J.* History of the later Roman Empire from Arcadius to Irene (395-800). I-II. – London, 1889; *Шагинян А.К.* Армения и страны Южного Кавказа в VII-IX: армянское самоуправление в условиях византийской и арабской власти: автореферат дис. ... д.и.н. СПб., 2009; *Шагинян А.К.* Армения и страны Южного Кавказа в условия византийско-иранской и арабской власти. СПб.: Алетейя, 2011; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М.: Наука, 1994; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Политогенез и устная традиция: Аршакидское царство (конец II – первая половина V вв.) и «Бузандаран» // Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 14-17; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Родовое предание и ранняя историография: механизмы взаимодействия / Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2001. С. 20-32.

ческой мысли, особенности формирования исторической традиции народа через призму легендарного прошлого, событий современности. В отечественной и зарубежной историографии существуют многочисленные исследования, посвященные отдельным армянским историкам указанного времени или же их авторским сочинениям. Вместе с тем, содержательная сторона и этих работ не позволяет в силу их однородности и узкой проблематики придать данным исследовательским работам статус обобщающих трудов, в которых был бы представлен анализ армянской историографической традиции V–VII вв. в целом.

Объектом настоящего исследования является ранняя армянская историография, а именно исторические сочинения группы армянских христианских авторов V–VII веков (Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Егише, Мовсеса Хоренаци, Лазаря Парпеци, Себеоса). **Предмет** исследования составляют характерные черты, жанровые, концептуальные и др. особенности всего комплекса исторических сочинений армян V–VII веков, а также отражение в трудах армянских авторов исторического сознания.

Источниковую базу диссертационного исследования составляют шесть исторических сочинений армянских христианских авторов V–VII веков: «История Армении» Агатангехоса[5], «История Армении» *Павстоса Бузанда*[6], «Слово о войне Армянской» *Егише*[7], «История Армении» *Лазаря Парпеци*[8], «История Армении» *Мовсеса Хоренаци*[9] и «История императора

[5] Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ3782 (ԺԲ դ.); 2) ՄՄ1912(1220թ); 3) ՄՄ1479 (1293թ.); 4) ՄՄ1481 (1261՞թ.); 5) ՄՄ1881 (ԺԷ դ.); 6) ՄՄ993 (1456 թ.); 7) ՄՄ1525 (ԺԳ դ.); 8) ՄՄ3787 (ԺԴ դ.); 9) ՄՄ3797 (ԺԴ դ.); 10) ՄՄ 1524 (1402թ.); 11) ՄՄ942 (1478թ.); 12) ՄՄ3791 (1453); 13) ՄՄ1523 (ԺԵ դ); 14) ՄՄ 1730 (ԺԷ դ); 15) ՄՄ1920 (1569թ.); 16) ՄՄ 2639 (1672թ.); 17) ՄՄ1863 (1668թ.); 18) ՄՄ1482 (1676-1678թթ.); 19) ՄՄ3306 (1692թ.); 20) ՄՄ1458 (1705թ.); 21) ՄՄ3305 (1714թ.); 22) ՄՄ 3516 (ԺԸ դ.)

[6] Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ 1867, (1622 թիվ); 2) ՄՄ 3071 (1657 թիվ); 3) ՄՄ 4584 (1668 թիվ); 4) ՄՄ 1482 (1678 թիվ); 5) ՄՄ 3079 (1700-30-ական թթ.); 6) ՄՄ 6321 (1624 թ. թերի օրինակ); 7) ՄՄ 6554 (ԺԸ դար, թերի օրինակ); 8) ՄՄ 2748 (1624 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն); 9) ՄՄ 1862 (1641 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն); 10) ՄՄ 7029 (1654 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն); 11) ՄՄ 3965 (1624-ից հետո, 1684-ից առաջ, հատվածական ընդօրինակություն); 12) ՄՄ 8344 (ԺԷ դար, հատվածական ընդօրինակություն); 13) ՄՄ 6096, (1701 թիվ, հատվածական ընդօրինակություն).

[7] Մատենադարանում գտնվող ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ1890 (1174թ.); 2) ՄՄ1888 (1207թ.); 3) ՄՄ4809 (1310 թ.); 4) ՄՄ1886 (14-րդ դար); 5) ՄՄ1920 (1569թ.); 6) ՄՄ2559 (15-16դդ.); 7) ՄՄ1882 (1619թ); 8) ՄՄ1862 (1641թ.); 9) ՄՄ1404 (1664թ.); 10) ՄՄ2639 (1672թ.); 11) ՄՄ1889 (1675թ.); 12) ՄՄ1482 (1678թ.); 13) ՄՄ4351 (1689թ.); 14) ՄՄ4584 (1668թ.).

[8] Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ2634 (1672); 2) ՄՄ1891 (1774); 3) ՄՄ993-(1456); 4) ՄՄ4803-(ԺԵ դ); 5) ՄՄ8917-(ԺԷ դ.); 6) ՄՄ2639- (Թուղ առ Վահան Մամիկենեան); 7) ՄՄ1891 (նույն) ը; 8) ՄՄ պ.993 (1456 թ); 9) ՄՄ պ.4803 (ԺԵ դ); 10) ՄՄ պ. 8917 (ԺԷ դ.); 11) ՄՄ պ.2639-1672 թ.; 12) ՄՄ պ.2622 (1804-1856 թթ); 13) ՄՄ պ. 2628 (1823-1825 թթ).

[9] Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ 2865 (13-14 դդ.); 2) ՄՄ 6354 – ժողովածու է՝ գրված տարբեր ժամանակներում տարբեր գրիչների կողմից, ընդգրկում է նաև Մովսես Խորենացու *Հայոց պատմութիւնը* (?ԺԶ դ); 3) ՄՄ 3655 (ԺԷ դար); 4)ՄՄ 4351 (ՌՃԼԸ թ.); 5) ՄՄ պ. 1296 (Ժ-ԺԱ դար); 6) ՄՄպ. 1385 (ԺԴ դար); 7) ՄՄպ. 1221; 8) ՄՄ պ. 10906 (Թ-Ժ դդ.); 9) ՄՄ պ. 1376 (Կարող է թվագրվել Ժ-ԺԱ դդ.); 10) *ՄՄ* պ. 1875 (հնարավոր է Ժ դ.); 11) *ՄՄ* պ. 314 *(Ժ-ԺԱ դդ.)*; 12) ՄՄ պ. 1411 *(Ժ-ԺԱ դդ.)*.

Иракла» *Себеоса*[10]. На примере этих исторических произведений можно исследовать представления армян V–VII вв. о собственном прошлом. «Истории» армянских авторов интересует диссертанта не в качестве отдельных нарративных текстов, но в контексте развития самой армянской историографической традиции V–VII вв. Выделенные истории-тексты, как носители информации о прошлом армянского народа, как часть их духовной культуры, прежде всего, рассмотрены как объекты исторического анализа.

Кроме основных армянских письменных источников для исследования были привлечены дополнительные. Среди них назовем, прежде всего, ветхозаветные и новозаветные сочинения, *«Книги Маккавеев»*, важнейшие источники по истории иудаизма и еврейского народа в дохристианский период, синоптические *Евангелия* (*от Матфея, от Луки*). Из более поздних произведений выделим экзегетическое сочинение Ипполита Римского «Толкование на книгу пророка Даниила». Поскольку армянская историографическая традиция отражала в себе принципы и техники историописания переходной эпохи, были рассмотрены не только отдельные образцы античного историографического наследия, но и взгляды на историю представителей византийской церковной историографии, латинских христианских авторов позднеантичного периода. Особую значимость в качестве исторических источников представляют для нас сочинения античных (*Страбона, Полибия, Иосифа Флавия*) и христианских авторов (*Евсевия Кесарийского, Эрмия Созомена, Павла Орозия*). Определение своеобразия и уникальности исторического труда Себеоса заставляет нас обратиться к *«Пасхальной хронике»*, а также к *«Хронике» Иоанна Никиусского*.

Таким образом, источников вполне достаточно для решения задач исследования.

В хронологическом отношении данная работа охватывает период V–VII вв. Выбор нижней хронологической рамки напрямую связан с заявленным предметом исследования. В самом начале V в. выдающимся просветителем Месропом Маштоцем (362–440 гг.) был создан армянский алфавит. На это же время падает и появление многожанровой письменной литературы, в том числе историографии. Верхней хронологической рамкой исследования стал VII век. Это время соотносится со временем жизни армянского историка Себеоса, автора «Истории императора Иракла», подробно описавшего период господства в Армении Сасанидов до ее завоевания арабами. В мировой науке ныне концом античности считается середина VII в.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе обширного фактического материала проанализировать опыт и традиции историописания в Армении в позднеантичный период, вскрыть особенности и

---

[10] Մատենադարանի ձեռագրերի ցանկ: 1) ՄՄ 2639 (Սեբէոսի Պատմութեան մեզ հասած ամենահին ձեռագիրն է, 1672 թ.); 2) ՄՄ 6454 (ճշգրտի թվական հայտնի չէ. ենթադրվում է, որ գրվել է 1849թ-ից հետո, 1850-1852 թթ. ընթացքում, արտագրվել է ՄՄ 2639 ձեռագրից); 3) ՄՄ 2935 (1850 թ.); 4) ՄՄ 2867 (ենթադրվում է՝ 1850-1852 թթ); 5) ՄՄ 3122 (1852 թ.).

тенденции развития исторической мысли армян, рассмотреть представления армянских историков V–VII вв. о собственном прошлом.

Задачи исследования подчинены идее воссоздания научно обоснованной картины генезиса и становления армянской исторической мысли. Для реализации поставленной цели требуется решение ряда исследовательских задач:

1. выделить ведущие тенденции развития современной историографии и основные дискуссионные вопросы, относящиеся к теме исследования;

2. собрать и проанализировать данные письменных армянских источников V–VII вв., отражающих историческое прошлое Армении («Истории» Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Лазаря Парпеци, Мовсеса Хоренаци, Себеоса), рассмотреть исторические взгляды каждого из авторов;

3. определить жанровую специфику и своеобразие комплекса выбранных письменных памятников, что позволяет увидеть ключевые направления поисков христианскими мыслителями литературных форм и моделей для изложения исторического прошлого и настоящего;

4. провести анализ семантических и прагматических параметров сочинений армянских авторов, оценив выбор предмета исторического повествования, проанализировав пространственно-временную ориентацию «Историй», а также общие теоретические установки авторов, функции и роль нарративных текстов;

5. установить связи внутри самого комплекса армянских исторических сочинений, иными словами, проследить эволюцию армянской христианской историографии на протяжении начального периода ее существования.

Научная новизна исследования состоит в том, что сам процесс становления армянской историографии V–VII вв. в целом, ее особенности и специфика не являлись ранее предметом специального научного исследования. Произведения авторов-классиков армянской духовной культуры (Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Егише, Лазаря Парпеци, Мовсеса Хоренаци, Себеоса) интересовали исследователей, главным образом, через призму проблем, связанных с проблемами авторства сочинений, датировки трудов, а также как источники сведений о событиях политической, церковной жизни армян античного и христианского прошлого и настоящего. Вопросы рассмотрения исторических произведений армянских историков-писателей, раскрывающих мировоззрение авторов, не находили должного внимания среди специалистов. Такой подход, затрагивающий проблемы, связанные с повествовательными структурами текста, мировоззрением и мировосприятием древних и средневековых авторов, не получил должного распространения в отношении историографического наследия армянских писателей V–VII вв. Данный аспект диссертационной работы определяется комплексным подходом к рассмотрению историографического наследия армянских писателей V–VII вв., а также тем, что в работе:

1. впервые исторические сочинения армянских историков-писателей V–VII вв. исследованы с новых методологических подходов, развиваемых в

рамках «новой культурно-интеллектуальной истории», которая сосредотачивает внимание на специфических для конкретного социума и исторического периода способах трансляции знаний и идей;

2. впервые в отечественной и мировой историографии структурированы исторические взгляды и представления армянских христианских историков V–VII вв. о прошлом собственного народа;

3. впервые ставится вопрос о жанровых особенностях сочинений христианских армянских историков и предлагается один из вариантов его решения; пересматриваются типологические особенности исторических произведений армян, и по-новому определяются критерии их жанровой принадлежности на основе выявления в текстах «Историй» признаков и характерных черт античной и общехристианской литературы;

4. впервые предпринимается попытка анализа внутреннего устройства повествований армянских историков, методов структурирования и организации текстового пространства;

5. впервые выявляется общее и особенное в выборе армянскими авторами предмета исторического нарратива, методики анализа событий, пространственно-временной картины прошлого, социальных функций исторических сочинений, а также приемов и способов конструирования повествовательного текста.

Теоретико-методологическая основа исследования. Методология и методика исследования находятся в соответствии с принятыми в современной исторической науке положениями о познании сложных социокультурных реалий прошлого, в том числе, сохраняющего фундаментальное значение для всех гуманитарных наук принципа историзма. В настоящее время не существует универсальной теории, претендующей на обобщение всей той обширной массы фактов и наблюдений, которые сделали ученые в рамках исследования исторических представлений и образов прошлого у носителей древних культур.

В работе использованы основные достижения современных методологических подходов, развиваемые в рамках такового направления, как «новая культурно-интеллектуальная история». На протяжении 2-й пол. XX – начала XXI вв. определился круг «классических» научно-теоретических трудов, связанных с проблематикой данного подхода (в их числе исследования М. Хальбвакса, Я. Ассмана, Р. Козеллека, П. Нора, Ф. Артога, Я. Зерубавеля и др.)[11], авторы которых подчеркивали ключевое значение индивидуальных и коллективных образов прошлого в процессе социокультурной идентификации. Научный опыт, достигнутый этими авторами в сфере изучения образов прошлого, позволяет реализовать эвристический потенциал этих практик на

[11] *Halbwachs M.* The Collective Memory. NY., 1950; *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. Vol. 26. P. 7-24; *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 10-29; *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50 и др.

примере нашей проблематики и сосредоточиться на вопросах о том, что помнят о каких-либо исторических событиях армяне (в лице армянских историографов V–VII вв.), как они их интерпретируют, как создается общее для всех и одновременно особенное понимание этих эпизодов прошлого, как оно меняется со временем, каким целям служат воспоминания о прошлом.

Важные методологические разработки в плане «интеллектуальной истории» ведутся с конца 90-х гг. в ИВИ РАН, где выходит специализированное периодическое издание «Диалог со временем». Опираясь на концептуально-методологические положения научных поисков отечественных исследователей[12], необходимо получить ответ на следующие вопросы: как армяне позднеантичного периода представляли свое и «чужое» прошлое, осмысляя настоящее, закрепляя старые идеалы, поведенческие модели, а также героические образцы.

В ходе изучения проблемы использовался комплекс традиционных для антиковедов и медиевистов **методов** историко-филологического и научно-исторического анализа (*историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, герменевтический метод, лексико-терминологический*), направленные, с одной стороны, на объективное истолкование текста, с другой – на максимальную реконструкцию событий и явлений истории армян и человечества в целом.

Поскольку большая часть корпуса исторических трудов армянских авторов заявленного времени на эксплицитном уровне лишена теоретических рассуждений, необходимо привлечь, кроме традиционных и общенаучных методов (*индукции, дедукции, анализа*), и некоторые другие методы изучения исторического сознания, в первую очередь *технику нарративного анализа*. Такой подход позволит обнаружить скрытое в тексте авторское видение и понимание истории, его отношение к описываемой эпохе, к тому или иному историческому персонажу, факту.

При анализе очерченных исторических источников диссертант будет исходить из того, что каждый из армянских авторов обладал определенным мировоззрением, историческим взглядом, конструировал собственный исторический нарратив, привлекая необходимый набор источников информации, согласно своим задачам и своему видению историописания. Такой подход, как справедливо замечает В.М. Тюленев, делает излишней традиционную критику «неаккуратности» позднеантичного историка в использовании им

[12] *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 25-38; *Она же.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003; *Она же.* Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 5-17; *Она же.* Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. – С. 19-46; *Она же.* Память о прошлом и истории // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. С. 7-18; *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. М.: Дрофа, 2004; *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб.: Наука, 2003; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 170-220 и др.

работ своих предшественников, а также «ошибок», допущенных при выстраивании хронологии и последовательности событийной части[13].

Выбор столь сложной для исследования проблемы и, вместе с этим, не менее простой методологической базы обусловил использование в работе ряда понятий и терминов, характерных для различных теорий нации и национализма, теории исторической памяти. В тексте диссертации используются такие понятия, как *«народ», «общество», «интеллектуал», «система ценностей», «историческое сознание»*. Поскольку эти и многие другие определения, характеризующие современное общество, могут не работать для более ранних исторических периодов, в работе вкратце показано, в каком смысле и в каком контексте они употребляются в настоящем исследовании. Мы ограничимся лишь употреблением термина «народ» (армянский) и будем под этим словом понимать *группу людей, которые по происхождению, языку, нравам и обычаям, общим названием и т.д., или же только по какому-то одному из этих критериев обнаруживают некое единство независимо от того, связаны ли они между собой политически и отграничены ли они от остального мира*[14].

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проведенное исследование позволяет по-иному взглянуть на историческое наследие первых армянских христианских историков. Достижения новой культурно-интеллектуальной истории, взятые в качестве теоретической основы исследования, дают возможность отказаться от устоявшихся в отношении рассматриваемых исторических трудов подходов фактографической истории и придать принципиальное значение анализу мировоззренческих установок авторов, концептуальных и историографических особенностей «Историй».

2. Порожденная актуальными потребностями конкретного общества на конкретном этапе своего развития, армянская историография V–VII вв. явилась серьезной попыткой освоить языческую и христианскую исторические традиции и адаптировать предшествующую традицию историописания для собственных нужд. Именно в период V–VII вв. сформировался круг наиболее авторитетных исторических сочинений, посвященных не только отдельным ключевым событиям собственной истории, но и целостной истории армянского народа с древнейших времен до современных событий.

3. Для взглядов выразителей армянского исторического сознания V–VII вв. характерны актуализация событийной истории, акцент на местных (локальных) фактах армянской истории, дидактизм, ментальный дуализм. В последнем выражалось не только сожаление о безвозвратной потере «золотого века», нарушении традиций, устоев и связей, цементирующих его (*пессимистическая линия* в армянском историописании), но и проявлялся взгляд на историю как движение к будущему спасению (*оптимистическая линия*).

---

[13] *Тюленев В.М.* Возникновение и развитие латинской христианской историографии в IV – начале V века: дисс. … д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 32.

[14] Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 2. С. 355.

4. Работа предлагает собственное решение проблемы жанровой специфики трудов армянских историков, поскольку проведенный анализ источников не позволяет вписать их в разработанные и существующие системы классификации жанров позднеантичной литературы. Ни один из устоявшихся жанров позднеантичной словесности не отображает в полной мере специфику самих исторических трудов армян. Применение комплексного подхода в выборе оптимального жанра позволило определить его как жанр исторической прозы с признаками форм и видов античной и общехристианской литературы.

5. Анализ сочинений армянских авторов позволяют высказать предположение о динамике развития собственно армянского историописания на протяжении V–VII вв. Данное положение объясняется не только использованием новых концептуальных установок в произведениях, но и своеобразной трансформацией предметного поля «Историй» (от выделения социального мира как основного объекта исторического знания в V веке к божественной реальности и отражению земной истории как проявлению священной в VII веке), перестройкой системы авторского мировосприятия, трансформацией логики объяснения исторического процесса (при сохранении причинности за Богом в исторических сочинениях армянских авторов времен арабского завоевания все более редким становится обращение к человеческим деяниям как первопричинам истории).

6. Предпринятый анализ армянского историописания V–VII веков во многом позволяет взглянуть на «Истории» как способы и механизмы сохранения исторической памяти и формирования идентичности позднеантичного армянского общества.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы как специалистами для разработки проблем истории исторической мысли позднеантичного времени, так и исследователями по другим периодам всемирной истории для сравнительно-исторического анализа. Результаты работы могут также найти применение в учебном процессе при разработке общих и специальных курсов по проблемам формирования исторической памяти, осмысления прошлого в европейской культуре, изучения содержательных аспектов, практик историописания, идеологических систем и политических дискурсов в плане трансформации образов прошлого на материале исторических сочинений позднеантичного периода.

Специальность диссертации **соответствует шифру специальности** 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира) согласно паспорту специальности, соответственно областям исследования областям исследования 2. История Древнего мира (история Античности), 8. История цивилизации, стран, народов, регионов; 19. Личность в истории. Персоналии; 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история; 21. История культуры и образования.

Апробация научных результатов исследования. Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета и рекомендована к защите. Отдельные аспекты исследования и его концепция в целом были представлены на конференциях различных уровней, в т.ч. всероссийских и международных, проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани, Нижнем Новгороде, Саратове, Тамбове, Воронеже. Основные положения и результаты работы изложены в 17 публикациях автора общим объемом 7,2 п.л., в том числе в 5 публикациях в журналах, включенных в Перечень ВАК РФ.

Исследование проводилось при поддержке отечественных грантов: «Традиционные общества Средиземноморья в фокусе междисциплинарных исследований: кросскультурные коммуникации, историческая семасиология, мемориальная политика» (НИР, выполняемая по Заданию Минобрнауки РФ), № темы: Н-036-О. Руководитель: д.и.н., профессор А.В. Махлаюк (2011–2013); грант Министерства образования и науки РФ по проекту «Образы прошлого в историографических и политических дискурсах Западной Европы и России» (федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.2.1, соглашение №14.B37.21.0962). Руководитель: д.и.н., профессор А.В. Махлаюк (2012–2013); грант Министерства образования и науки РФ в рамках госзадания «"Общественный договор" в практиках политогенеза и преодоления социокультурных кризисов: исследования теоретических, историографических и мемориальных аспектов» (НИР, выполняемая по Заданию Минобрнауки РФ), № темы: Н-044-0. Руководитель: д.и.н., доцент А.А. Кузнецов (2012–2014); «Цивилизационные и кросс-культурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к принципату» (Международный конкурс РГНФ – Государственный комитет по науке Министерства образования Республики Армения 2014). Руководитель: д.и.н., профессор А.В. Махлаюк (2014–2015).

Структура работы соответствует проблемно-хронологическому принципу и методу структурно-функционального анализа. Это позволило разделить по авторско-хронологическому принципу сложный объект исследования, в нашем случае феномен раннеармянской историографии, на составляющие, изучить отдельно каждый элемент этой системы и определить присущие ей специфические черты. Работа включает в себя введение, три главы, разделенных на параграфы, заключение, список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность, научная новизна и практическая значимость диссертации, определяются объект и предмет исследования, поставлены цель и задачи, а также определяются методология и методы исследования.

Глава I. «Источники и историография» посвящена анализу источниковой базы исследования и историографии, в той или иной степени касающейся сочинений первых армянских авторов. В *первом параграфе «Источниковая база исследования»* систематизирован сам круг источников исследования. Проведенный анализ показал, что начальный период развития армянской историографии (V–VII вв. н.э.) представляет вполне компактная группа ортодоксальных авторов (Агатангехос, Павстос Бузанд, Егише, Мовсес Хоренаци, Лазар Парпеци, Себеос). Все они являлись армяноязычными авторами и творили на христианском Востоке, хорошо знакомы не только с сочинениями отцов Церкви, византийских историков-писателей, но и с античной традицией историописания. Главные особенности армянской исторической мысли, если не четко, то контурно определились уже в эпоху ее становления. Армянским произведениям присущи масштабность и широкий охват исторической жизни, зачастую выходящий за рамки общеармянских интересов, активное (деятельное) отношение к истории, тесная связь с фольклором, а также эмоциональное отношение к событиям и образам прошлого.

Во *втором параграфе «Историография вопроса»* проанализирован научный опыт, накопленный в современной арменистике по заявленной проблеме. Отмечается, что в научной литературе, как в западной, так и в отечественной, превалирует интерес к отдельным авторам. Историографический обзор показал наличие довольно большого опыта критического изучения исторических сочинений армян V–VII вв. Сама проблема становления традиции историописания, особенности исторических воззрений армянских писателей до сих пор остаются вне поля зрения специалистов, занимающихся изучением традиций историописания в рамках позднеантичного / раннехристианского мира. Следовательно, встает задача комплексного исследования трудов всех сохранившихся армянских историков V–VII вв. И, прежде всего, речь идет о судьбе главного элемента историографического жанра – исторической концепции, на основе которой мыслители выстраивали свою историческую аргументацию и на основе которой они конструировали свое историческое повествование.

Глава II. «Картина армянской истории и образы прошлого в исторических сочинениях армянских авторов V–VII вв.» посвящена анализу исторических представлений первых армянских авторов – Агатангехоса, Павстоса Бузанда, Егише, Лазаря Парпеци, Мовсеса Хоренаци, Себеоса. В той или иной форме у первых армянских историков можно обнаружить их стремление зафиксировать свое прошлое. До появления письменности фиксация ключевых событий истории происходила в рамках устной традиции. Пройдя соответствующее преломление сквозь призму христианства, сама идея истории в армянском понимании приобрела свои отличительные особенности. В главе последовательно рассматриваются принципы и подходы в формировании отдельного (авторского) исторического нарратива, выявляется круг значимых для каждого историка событий прошлого в процессе конструирования повествовательного текста.

Первый параграф «Образ эпохи Трдата Великого в трактовке Агатангехоса» во многом позволяет по-иному взглянуть на сочинение Агатангехоса, увидеть в текстовом пространстве труда не столько агиографическое повествование, сколько историческое. В центре внимания историка – главное действующее лицо в деле принятия христианства в качестве государственной религии (Трдат III), первый глава Армянской Церкви (Григорий) и образы рипсимянских мучениц. Именно вокруг этих персонажей, главным образом, и группируются ключевые идеи «Истории». Приводимые Агатангехосом факты *священной истории* говорят, с одной стороны, об утверждении христианства в Армении, с другой – рисуют картину постепенной подготовки почвы для возникновения независимой Армянской Церкви в обозримом будущем. *История светская* выбирает главной темой своего повествования – правление царя-язычника. Однако эти две сюжетные линии не получают своего дальнейшего параллельного развития, поскольку в определенный момент сталкиваются друг с другом. Кульминационной точкой столкновения между Священной историей и историей мирской является феномен мученичества, так ярко представленный на страницах сочинения.

Структура и содержание сочинения не позволяют говорить о том, что Агатангехос представляет на суд читателя историю универсальную, которая охватывала бы все историческое пространство и время. Его труд посвящен конкретному событию армянской истории, событию, определившему дальнейшее историческое развитие армянского народа. Его «История» линейна (она движется от грехопадения к торжеству христианской веры в Армении). Несмотря на то, что в тексте произведения фигурируют правители (Арташир), императоры (Диоклетиан, Константин Великий) соседних государства, история у Агатангехоса в большей своей части ограничивается пределами одного государства (Великой Армении) и событиями, связанными с судьбой армянского народа. Подчеркивание контактных зон Армении с Римской империей, Иберией, Кавказской Албанией, Кесарией Каппадокийской было, в первую очередь, вызвано стремлением армянского автора вписать свою страну в контекст христианской ойкумены, показать историю Армении и армянского народа как часть христианской истории. По всей вероятности, Агатангехос, исходил из мысли о трансцедентной природе Цекрви и ее воплощении в разных христианских цивилизациях, в частности, в армянской цивилизационной среде. Повествование о Трдате, о принятии им христианства и крещении армянского народа, как мы уже отмечали – есть основное содержание «Истории». В мировоззренческой картине автора возвещение Божьего слова в Армении при Трдате означало, прежде всего, ее включение в план божественного домостроительства, евангелизацию различных культур (в том числе армянской), представленных элитой того или иного народа.

Второй параграф «История Армении глазами Павстоса Бузанда» показал особое место данного автора в ряду позднеантичных армянских историков-писателей. В его труде впервые в армянской историографической традиции мы сталкиваемся с последовательным изложением истории Армении и

армянского народа как истории событий. Автору максимально удается сконструировать образ истории, движущейся в определенном направлении, который кардинально отличается от картины, созданной, например, Агатангехосом. История для Павстоса насыщенна событиями, взаимосвязанными друг с другом, ценна, достойна внимания, изучения и изображения. Обнаружение за историей многомерной событийной стороны (в этом он близок к Хоренаци, Себеосу) приводит автора к мысли о том, что для истинного понимания смысла исторической действительности необходимо развести светскую и церковную линии движения. Разделение описываемых событий и применение для их интерпретации различных концепций свидетельствуют о кардинальном переосмыслении Павстосом Бузандом объекта исторического (историко-церковного) исследования. Относительно пессимистическая концовка сочинения (потеря суверенитета Армении) не означает, что события, завершающие описываемую Бузандом историю, представлены в качестве некоего ключевого рубежа истории. История у этого автора имеет отдаленную перспективу.

В третьем параграфе «Философия армянской истории в «Слове о Войне Армянской» Егише: к оценке значимости ключевых событий истории армян V в. н.э.» подвергается анализу концепция еще одного армянского историка, обозначаются ее отличительные особенности. Отмечается, что Егише конструирует свой нарратив, используя известные ему сюжеты истории прошлого богоизбранного народа. Ветхозаветная история борьбы Маккавеев против Селевкидского царя Антиоха за свободу воспринимается Егише, так же как и весь библейский текст, как сакральная и значимая. Армянскому автору было важно показать общность судеб двух народов, представить своему читателю героический пример сопротивления и убедить армян в их праве на защиту своей свободы, в том числе религиозной. У историка добродетель армян отождествляется с защитой Церкви, а нечестивые поступки и злодеяния отдельных персонажей с отступничеством и сговором с Сатаной. Феномены отступничества и мученичества рассматриваются строго в общеармянском контексте. Церковь для Егише представляет собой не столько христианский мир в целом, сколько понимается автором в узком смысле и олицетворяет собой практику христианского вероучения в Армении. История Аварайрской войны является для Егише не только войной религиозной, но и борьбой армян за восстановление своей утерянной государственности. В своем повествовании армянский автор проводит четкое различие между духовными и светскими аспектами борьбы армян против персов, противопоставляет и сталкивает духовные ценности армян с материалистической философией зороастризма. Тезис о пропаганде и прославлении христианства как первостепенных задач автора подвергается критической оценке. Егише, скорее, преследует цель защитить христианское вероучение, наглядно показать, что защита ценностей истинной религии путем самопожертвования является более значимой, нежели жизнь без них. Главным действующим лицом у историка выступает христианская община Армении. Свобода религиозная, а в

перспективе и политическая, как показывает в своем повествовании историк, может быть достигнута лишь ценой великих жертв и страданий, в том числе и мученических.

Параграф четвертый «Концепция армянской истории Лазаря Парпеци» рассматривает исторические представления Лазаря Парпеци, «История» которого до сих пор недоступна русскоязычной аудитории в связи с отсутствием критического издания на русском языке. Исторический нарратив у Лазаря выстроен вокруг деятельности рода Мамиконянов, миссия которого заключалась, по мнению историка, в восстановлении церковного единства, а вместе с тем и политического. «История» Парпеци рождает удивительное понимание темы единства народа. У Лазаря феномен единения не ограничивается лишь только нахарарским сословием или совместными действиями нахараров и армянских католикосов. Он осмыслен автором гораздо шире. В тексте сочинения мы видим, как *народ армянский* убеждает Ваана Мамиконяна возглавить сопротивление против Ирана, указывая герою на то, что последний стоит в присутствии *людей*[15], которые являются «его родным народом и его родной кровью» (III. 66). Для Парпеци понятия «армянский народ» (*hay azg*) и «сообщество верных» (*ukht*) тождественны. Отдельным лейтмотивом «Истории» выступает тема единства интересов трех народов (Армении, Иверии, Албании). В центре внимания Парпеци находятся две стороны жизни армянского общества V века: духовная (выразившаяся в создании армянской письменности, просветительской деятельности армянского духовенства) и политическая (которая нашла свое отражение в восстаниях 451 года и 481-484 годов). Лазарь, как и многие его предшественники, ставит свое целью изложение не целостной истории собственного народа, а повествование о событиях, хронологически близких ко времени его жизни. Для «Истории» Парпеци характерна линейность: автор представляет на суд читателя историю своего народа от раздела (387 г.) и падения Армянского царства (428 г.) до победы христианских армян над Сасанидами в Персидской части Армении, которая выразилась в расширении самоуправления. История народа не ограничивается у Парпеци пределами собственно одной из частей Армении. Последняя лишь видится Парпеци как символическое пространство, где должна была развернуться (а впоследствии и разворачиваться) собственная история родного народа: в типологическом отношении эта территория уподоблялась земному раю.

Пятый параграф «История Армении» Мовсеса Хоренаци как первый опыт изложения целостной истории Армении с древнейших времен» оценивает особую важность этого труда, связанную, в первую очередь, с попыткой репрезентации целостной картины прошлого, настоящего и обозримого будущего армянского народа. Отмечается, что интерпретация истории собственной страны представлена с точки зрения христианской философии ис-

---

[15] Из сочинения Парпеци видно, что в восстании немаловажную роль сыграли и простые люди. Так, например, в битве при Нерсехапате рядом с воинами из знати сражались рамики (III. 62-65; 91-93). Особую роль в военных действиях играло и духовенство, сам католикос мог находиться в боевом отряде (III. 72-75).

тории. «Историю» Хоренаци можно условно разделить на две концептуальные части, в основе которых лежат две теории: регресса и прогресса. Первую модель истории можно представить в виде следующей схемы: хаос (всемирный потоп), божественное творчество, «золотой век», серединная история, конец истории (социальный хаос). Мовсес Хоренаци оценивает уничтожение «золотого века» как результат волевого акта человека. Вина целиком и полностью возлагается на людей. Говорить о каком-либо историческом детерминизме не приходится. Хоренаци связывает времена «внешнего благополучия и процветания» с серьезными отступлениями от исконных традиций и заветов *великих предков*. Этот же принцип у армянского автора будет положен в основу повествования и в заключительной части его «Истории»: времена испытаний и страданий народа будут сопровождаться религиозным и культурным процветанием. Все это лишний раз доказывает, что для Хоренаци чрезвычайно значимой оказывается именно дидактическая сторона истории. История Армении и армянского народа в данном случае рассматривается Хоренаци, с одной стороны, как результат нравственного падения народа. С другой стороны, подобная интерпретация событий призвана подчеркнуть необходимость прихода в мир фигуры Христа, единственного, кто мог бы остановить хаос и беспорядок. В оптимистической же линии, по сравнению с пессимистической, наблюдается ослабление тенденции жесткой предопределенности армянской истории. Культура, компенсируя политический упадок, становится стержнем, оплотом консолидации народа, гарантией будущего возрождения народа, а вместе с тем и независимого государства. На передний план выдвинута альтернативность истории, которая пробивает себе дорогу через идеи и поступки выдающихся исторических деятелей (проводников и последователей истинной веры). В каждой из двух концепций Хоренаци предложена своя системy исторического объяснения. Такая эклектичность исторической концепции позволяет подчеркнуть, с одной стороны, выраженный пессимизм авторской теории – сожаление о безвозвратной потере «золотого века», нарушении традиций, устоев и связей, цементирующих его, а с другой, говорить об определенном оптимистическом взгляде на историю как движение к будущему спасению, представить позитивную логику исторического процесса.

Содержание *шестого параграфа «Интерпретация армянской истории Себеосом»* составляет анализ исторических воззрений Себеоса, автора VII века. Отмечается, что тесно связанная с ключевыми историческими эпизодами этого периода армянская историография предлагает совершенно новую интерпретации истории собственного народа. Делая одной из сюжетообразующих тем своей «Истории» византийско-иранские войны (в особенности, войну 602-628 гг.), Себеос показывает, что в результате «передела» Закавказья значительно увеличился римский (византийский) сектор Армении. Объяснение причин происходящего, поиск истоков мирового конфликта историк находит как в самом человеке, так и в божественном вмешательстве. Выбирая своим главным предметом написание «политической истории», Се-

беос показывает, как в отношении Армении различные государства (царства, «звери») пытались установить собственную власть. Именно с этим, по всей вероятности, связан тот факт, что в качестве ядра своей концепции Себеос первым среди других армянских позднеантичных авторов выбирает теорию четырех империй. Сочинение Себеоса призвано было дать приемлемое объяснение ходу исторического процесса и согласовать сведения из ветхозаветной истории с судьбой своего народа, обосновать причастность своей этно–конфессиональной группы христианской истине и, наконец, сделать акцент на том, что монофизитская община армян в лице Церкви, *не изменившая, не отколовшаяся, не отступившая*, а *преданная* вере святого Григория найдет свое исключительное место в определенной Богом истории Спасения.

Основное содержание ***III главы («Специфика армянской исторической мысли V–VII вв.»)*** составляет анализ типологических особенностей исторических произведений армянских авторов. В этой части работы предпринимается попытка сравнения исторических воззрений, выработанных в армянской историографии V–VII вв. и отражающих единство и разнообразие их мировоззренческих установок, рассматриваются вопросы возможного влияния на армянское историописание со стороны существующих историографических традиций, анализируются жанровые особенности, пространственно-временные особенности сочинений, принципы структурирования материала, модели историописания, предметное поле «Историй» и их назначения.

Первый параграф «Проблема жанровой принадлежности» посвящен анализу существующих классификаций позднеантичной литературы и попыткам вписать сочинения рассматриваемых армянских историков в одну из них. В первой части параграфа вкратце освещается досоветский и советский опыт изучения жанровой специфики армянских трудов. Рассматриваются точки зрения Ст. Назаряна[16], М. Налбандяна[17] и Ов. Гатрджяна[18], Ст. Паласаняна[19], Е. Дуряна[20] и Г. Зарбаналяна[21], Врт. Папазяна[22], А. Заминян[23], М. Абегяна[24], К.А. Мелик-Оганджаняна[25], К. Саркисяна[26] и др. В целом, специфика образцов раннеармянской исторической литературы позволяет серьезно усо-

---

[16] *Назарян Ст.* Беглый взгляд на историю гайканской литературы до конца XIII века. Казань, 1844; *Он же.* Обозрение истории гайканской письменности в новейшие времена. Казань, 1846.
[17] *Налбандян М.* Слово об армянской письменности...
[18] *Գաթրճյան Հ.* Հայ գրականության պատմություն. Վենետիկ , 1857.
[19] *Պալասանյան Ստ.* Հայ գրականության պատմություն. Տիֆլիս, 1865.
[20] *Դուրյան Ե.* Հայ գրականության պատմություն. Կոստանդնուպոլիս, 1865.
[21] *Զարբհանալյան Գ.* Հայ հին գրականության պատմություն. Վենետիկ , 1886.
[22] *Փափազյան Վ.* Հայ գրականության պատմություն.Թիֆլիս, 1910.
[23] *Զամինյան Ա.* Հայ գրականության պատմություն. Նախիջևան, 1914.
[24] *Абегян М.Х.* История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1975.
[25] *Мелик-Оганджанян К.А.* Страницы средневековой армянской прозы. Ереван, 1957.
[26] *Sarkissian K.* A Brief Introduction to Armenian Christian Literature. London: The Faith Press, 1960. P. 13-30.

мниться в правомерности ряда суждений[27] и подходов части вышеупомянутых исследователей к определению жанровых особенностей текстов армянских интеллектуалов V–VII вв. Отмечается, что сочинения армянских авторов представляются слишком многоликими и разнообразными, и рассмотрение их в границах жанра «историй» в полной мере не отображает специфику исторических трудов. Одно из решений при выборе оптимального жанра, отражающего концептуальную и содержательную стороны сочинений, может заключаться в использовании комплексного подхода. Наиболее подходящим жанром и отражающим всю специфику историй-текстов армянских авторов является жанр *исторической прозы с признаками (элементами) форм и видов античной и общехристианской литературы* (агиография, эпистолярный материал, видения, жанр «церковной истории» и др.). Сама позднеантичная среда, в которой и зародилось армянское историописание, представляла собой синтез идей и смыслов двух макроэпох: с одной стороны, Античности на стадии заката, с другой – христианского Средневековья периода становления. Этим фактом во многом и объясняется сочетание в армянской историографической традиции как античных техник историописания, так и моделей христианского конструирования прошлого, настоящего и будущего.

Во *втором параграфе «Специфика структуры и композиционные приемы повествования»* поднимается вопрос об особенностях организации текстового пространства армянских «Историй». В данном параграфе показано, что в структуре рассмотренных трудов заметен некий общий исторический сценарий, в рамках которого судьба армянского народа ставится в прямую зависимость от их приверженности своей вере. Христианская (армянская) вера интерпретировалась историками как основная парадигма армянской идентичности, стержень их материальной и духовной культуры, а собственное государство осмысливалось как островок истинной веры среди моря различных ересей. Сюжетная схема произведений армянских авторов V–VII вв. содержит следующие основные компоненты: во-первых, кто в меньшей, кто в большей степени, но все без исключения исторические труды повествуют о «золотом веке» армянской истории, о доблестных и славных временах армянского государства; во-вторых, армянские историки отчетливо изображают факт нарушения этой гармонии силами извне, либо же внутренними ресурсами; в-третьих, тексты «Историй» содержат немало сведений о претерпеваемых армянами за веру и свободу страданиях, в результате которых народ одерживает либо победу (если сохраняет стойкость в вере), либо терпит поражение (в случае отступничества). События армянской истории, организованные в оригинальные (авторские) текстовые пространства и, как показал проведенный анализ, обладающие общей схемой сюжетопостроения, дали основания для написания двух разных сценариев истории армянского народа: оптимистического и пессимистического.

---

[27] Например: 1) значительная и важнейшая часть творчества армянских историков является больше патристикой, чем литературой, отрицание существования художественного начала в армянской словесности (Г. Зарбаналян); 2) тезис о сугубо религиозном содержании произведений (Врт. Папазян) и др.

В целом, перед нами предстают не столько индивидуальные (авторские) взгляды и смыслы конкретных историков-писателей, сколько выражение общего исторического сознания переломной эпохи. Главной исторической реальностью V века н.э., нашедшей свое отражение в трудах армянских авторов, стала окончательная гибель Армянского государства и падение династии Аршакидов. Именно с этой царской династией армянские историки сформировали свои представления о христианской стране, символическом культурном мире, который по некоторым критериям не только отличался от соседних государственных образований, но и противостоял им. Реалии армянской действительности V–VII вв. определили своеобразный вектор постижения мира и различные пути и направления моделирования истории. В ментальном дуализме армянской интеллектуальной среды V–VII вв. выражалось не только сожаление о безвозвратной потере «золотого века», нарушении традиций, устоев и связей, цементирующих его (пессимистическая линия), но и проявлялся взгляд на историю как движение к будущему спасению (оптимистическая линия). Пример армянской историографии позволяет вести речь о двух разных типах исторического сознания, не сменивших хронологически друг друга, а о сосуществующих на протяжении длительного времени.

Наконец, *третий параграф «Семантические и прагматические параметры исторических текстов армянских авторов»* посвящен исследованию выбранного историками предмета повествования, методики анализа событий, пространственно-временной картины прошлого, социальных функций и назначений подобного рода литературы. Отмечается, что армянская историческая литература V–VII вв. представляет собой пример постепенного перехода от одной традиции к другой. Этот факт во многом объясняется не только появлением качественно новых концептуальных установок в произведениях, но и своеобразной трансформацией предметного поля «Историй», изменением подхода к написанию и конструированию исторического текста, жанровой неоднозначностью и разнонаправленностью, перестройкой системы авторского мировосприятия. Наблюдаемый в VII в. «переворот» в области семантических и прагматических параметров не сопровождается полным отрицанием достижений предшествующей традиции историописания. Армянская историография времен арабских завоеваний развивает традиции армянских историков-классиков V в. и являет собой пример соединения (сочетания) разных тенденций исторической мысли с акцентом на утвердившиеся в армянской общественной среде положения христианской раннесредневековой историографии.

В заключении подводятся основные итоги работы, суммируются сделанные нами наблюдения и выводы.

Период V–VII вв. оказался важнейшим временем для судьбы армянской исторической мысли и связан как с рождением собственно армянской историографии, так и с периодом поиска позднеантичными авторами в условиях становления христианской культуры новых форм и способов конструирования исторического нарратива, выработки исторических концепций и их

приложения в авторских произведениях. Большая часть историков V в. многими нитями связана с античной культурной традицией. Зависимость Егише и Лазаря Парпеци от античного историописания проявилась в выборе предмета повествования. В исторических сочинениях эти авторы видели своей задачей написаний той истории, очевидцами которой выступали сами. Другие писатели (Агатангехос, Павстос Бузанд), также ограничив свои тексты рамками локального сюжета, представили картину знаковых событий армянской истории недавнего прошлого. Вместе с этим авторы V в. не только подражают античным традициям, но и выступают родоначальниками христианского историописания в Армении. Агатангехос объединил в целостный рассказ сведения о ранних мучениках, миссионерской деятельности Григория Просветителя, его посвящении в качестве первого армянского епископа, становлении иерархии Армянской Церкви, а также рассказал о союзе, заключенном армянским правителем Трдатом с первым христианским императором Константином. Вероятное влияние на Павстоса Бузанда исторических концепций, распространенных в христианской среде (в частности, концепции Мелитона Сардийского), позволяют автору, с одной стороны, придать закономерность истории в целом, наделить исторический путь армян смыслом, с другой – обнаружить высшую логику в истории армянских правителей, согласно которой судьба руководителя Армянского царства определялась его отношением к христианству.

Армянские историки включают историю родного народа в контекст всемирной, обнаруживая единство между иудейским прошлым и собственным настоящим. Так, например, повествуя об истории противостояния армян и персов, кульминацией которого стало Аварайрское сражение 451 г., Егише подчеркивает связь религиозных (духовных) успехов иудеев и армян с периодом внешней опасности. В «Слове» мы впервые встречаем ярко выраженные авторские христианские установки. Восстановление церковного единства и жестокая борьба армян за сохранение собственной идентичности описываются также Лазарем Парпеци, правда, уже на материале событий 480-х гг. Темы единения народа, сопротивления армян персидской политики культурно-религиозной ассимиляции, защиты родных традиций и обычаев одинаково важны и актуальны для обоих авторов.

Попытка создать целостную картину уходящего своими корнями в древность прошлого и настоящего избранного армянского народа (по подобию иудейского) выделяет Мовсеса Хоренаци. Основополагающей идей исторической концепции этого автора стала идея о том, что армяне являются ровесниками древнейших народов, государственность армян образовалась вместе с первыми государствами, и, как следствие, ее восстановление (возрождение) – это естественное право армянского народа. Связь армянской историографической традиции с ключевыми событиями как собственной истории, так и истории соседних государств, продолжает сохраняться и на протяжении VII в. Однако интерпретация истории армян автором периода арабского нашествия осуществляется несколько в ином ключе. Себеос в основание

логики исторического развития первым в армянской историографии положил представление о переходе политической власти с запада на восток и теорию четырех империй. Себеос оказался самым последовательным сторонником христианской концепции написания истории. Идея Бога, управляющего миропорядком, пронизывает всю конструкцию текста исторического сочинения.

Сочинения армянских авторов весьма стройны и четко структурированы. Безусловно, эта особенность не случайна. В условиях потери старых ценностей и смыслов, историкам приходилось конструировать на обломках прежних новые образы. В сложившуюся эпоху «хаоса», каковой являлась современная всем без исключения армянским писателям среда, историческое повествование должно было стать максимально упорядоченным в концептуальном смысле, закрытым в структурном плане. Своеобразная гармония и миропорядок, утраченные на уровне обыденной жизни, армянские авторы, по возможности, пытались восстановить хотя бы на уровне нарратива. Восстановление ориентиров, расстановка акцентов и поиск ответов на ключевые вопросы – именно эти проблемы призвано было решать историографическое наследие армянских писателей. Взятые вместе действия армянской истории авторами слагаются в повествовательную конструкцию, которая приводит в систему общие представления армян о своей истории. В этом смысле историки, по всей видимости, преследовали цель сформировать у членов данного социума единое понимание их прошлого. Анализ исторических произведений армянских авторов V–VII вв. показал, что в центре основной «сюжетной линии» сочинений заключены представления армян о себе как об особой (отличной от других) группе общности. «Истории Армении», объединяющие в себе всю совокупность образов прошлого, тем самым, вносят существенный вклад в формирование идентичности народа, находящегося в процессе исторического развития, проходящего сквозь столетия из одной исторической эпохи в другую. Такая особенность схемы повествования армянских текстов во многом определила линейную модель восприятия времени.

Армянская историография V–VII вв., ставшая, с одной стороны, результатом теоретических поисков первых армянских авторов в области философии истории, с другой – использовавшая достижения античных и раннехристианских техник историописания, выработала ряд важнейших способов и принципов осмысления и объяснения исторических событий.

Работа по изучению специфики армянского историописания может быть продолжена на материале исторических сочинений позднейших авторов (Гевонда, Иоаннеса Драсханакертци, Товмы Арцруни, Мовсеса Каганкатваци, Степаноса Таронеци и др.). Расширение источниковой базы во многом сделает перспективным исследование особенностей репрезентаций и интерпретаций знаковых событий армянской истории в сочинениях выбранных авторов, выявление процесса сохранения исторических знаний в течение довольно протяженного по времени периода развития армянской культуры (V–XI вв.). Рассмотрение таких вопросов, как передача знаний от одного историка к другому, пути и модели заимствования информации авторами друг у

друга, механизмы ее обработки, во многом позволит определить некоторые общие характерные черты и особенности традиции исторической памяти армян, а также роль исторических нарративов в формировании этой традиции.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Публикации в изданиях по списку ВАК РФ:

1. *Акопян, П.А.* Знаковые персонажи в «Истории Армении» Агатангехоса (Трдат и Григорий) / П.А. Акопян // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 3. 2012. С. 209-215 (авт. вклад 0,3 п.л.).

2. *Акопян, П.А.* «Расколотая Армения» в V веке: поиск путей преодоления кризиса (на примере «Истории Армении» Павстоса Бузанда) / П.А. Акопян // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 3. Часть 3. 2012. С. 236-241 (0,3 п.л.).

3. *Акопян, П.А.* Историческая концепция Мовсеса Хоренаци / П.А. Акопян // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 4. Часть 3. 2013. С. 66-71 (0,4 п.л.).

4. *Акопян, П.А.* Римско-парфянский антиармянский союз конца 90-х гг. до н.э.: миф или реальность? / П.А. Акопян // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-23 (0,2 п.л.).

5. *Акопян, П.А.* Византийская империя в трактовке Себеоса / П.А. Акопян // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. № 1 (222). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 41-46 (0,4 п.л.).

Публикации в других изданиях:

6. *Акопян П.А.* К вопросу о происхождении армянского народа / П.А. Акопян // Наш «Анабасис». Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 6-7. Н. Новгород: ННГУ, 2009. С. 89-95 (0,4 п.л.).

7. *Акопян П.А.* Тигран II Великий и Митридат VI Евпатор: к характеристике взаимоотношений двух царей (89-71 гг. до н.э.) / П.А. Акопян // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы научной конференции молодых ученых. Вып. 3 / Научн. ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: Истоки, 2011. С. 27-30 (0,2 п.л.).

8. *Акопян П.А.* Великая Армения и Парфия (87-56 гг. до н.э.): к характеристике взаимоотношений двух держав / П.А. Акопян // Наука и современность – 2011: сборник материалов XI МНПК / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: НГТУ, 2011. С. 52-58 (0,3 п.л.).

9. *Акопян П.А.* «Армянский вопрос» на римско-парфянских переговорах 92 г. до н.э. / П.А. Акопян // ANTIQUITAS IVVENTAE: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 110-112 (0,2 п.л.).

10. *Акопян П.А.* Образ идеального полководца в ранней армянской историографии (на примере «Истории Армении» Павстоса Бузанда) / П.А. Акопян // XVII нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2012. С. 228-230 (0,2 п.л.).

11. *Акопян П.А.* Армянские святители в «Истории Армении» Павстоса Бузанда / П.А. Акопян // Молодежь. Наука. Будущее: технологии и проекты: материалы МНПК молодых ученых и специалистов: в 3 т. Т. 3. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. С. 17-19 (0,2 п.л.).

12. *Акопян, П.А.* Краткий историографический обзор изучения армянской исторической традиции (V-VII вв.) в отечественной и зарубежной историографии / П.А. Акопян // НАИРИ: Альманах. Сборник материалов об Армении и армянской диаспоре. Вып. 6. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2013. С. 139-153 (0,7 п.л.).

13. *Акопян, П.А.* Идея согласия церковной и государственной власти в «Истории Армении» Павстоса Бузанда / П.А. Акопян // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения проф. А.С. Шофмана; Казань, 13-15 ноября 2013 г. / Сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 178-179 (0,1 п.л.).

14. *Акопян П.А.* История Армении в трактовке Мовсеса Хоренаци / П.А. Акопян // XVIII нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки. 22-25 октября 2013 г. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. С. 193-196 (0,2 п.л.).

15. *Акопян, П.А.* Армянская действительность IV-V вв. и модели общественного устройства: к поиску образца (на примере исторических сочинений Агатангелоса, Павстоса Бузанда и Мовсеса Хоренаци) / П.А. Акопян // Христианская церковь и социокультурные кризисы Восточной Европы: Сборник научных трудов. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. С. 7–16 (0,4 п.л.).

16. *Акопян, П.А.* Эволюция армяно-парфянских отношений при Тигране II Великом (87-56 гг. до н.э.) / П.А. Акопян // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Литера, 2015. №2(73). Ч. 1. С. 105-108 (0,2 п.л.).

17. *Акопян, П.А.* Позднеантичная армянская историография: к вопросу о предмете исторических сочинений армянских авторов V–VII веков / П.А. Акопян // CURSOR MUNDI: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 8. Иваново, 2016 (0,3 п.л.).

Подписано в печать 09.03.2016 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1. Заказ № 225. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37